

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (35) 2021

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).
Свидетельство ПИ № ФС77-80598 от 07 апреля 2021 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Ионайтис О. Б., д-р филос. наук, профессор

Карасев А. Т., д-р юрид. наук, профессор

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Майфат А. В., д-р юрид. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ (г. Екатеринбург)

Исаков В. Б., д-р юрид. наук, профессор (г. Москва)

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, академик РАН (г. Екатеринбург)

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (35) 2021

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Yekaterinburg)

Editorial address: 620049, Yekaterinburg,
19, Studencheskaya St.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher's address 620049, Yekaterinburg,
19, Studencheskaya St.

The journal is included in the Russian bibliographical database
of scientific publications, Russian Science Citation Index (RSCI)

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

Zaks L. A., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.

Deputy Editors-in-Chief

Mitsek S. A., Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof. (Section “Economic Sciences”)
Myasnikova L. A., Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Section “Philosophical sciences”)
Semitko A. P., Dr. Sci. (Law), Prof. (Section “Legal sciences”)

The editorial board

Arkhipov S. I., Dr. Sci. (Law), Prof.
Balakshin V. S., Dr. Sci. (Law), Prof.
Brandt G. A., Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof.
Glushkova S. I., Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof.
Ionaitis O. B., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.
Karasev A.T., Dr. Sci. (Law), Prof.
Khmelkova N. V., Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof.
Kozlova O. A., Dr. Sci. (Economics), Prof.
Kruglova T. A., Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof.
Kurchenko V. N., Dr. Sci. (Law), Prof.
Mayfat A. V., Dr. Sci. (Law), Prof.
Mitsek E. B., Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof.
Neznamova Z. A., Dr. Sci. (Law), Prof.
Pertsev A. V., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.
Semyakin M. N., Dr. Sci. (Law), Prof.
Svetlov N. M., Dr. Sci. (Economics), Prof.
Taras'ev A. M., Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof.
Zaitsev P. L., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof, founder of Liberal Arts University –
University for Humanities, Professor Emeritus
Isakov V. B., Dr. Sci. (Law), Prof. (Moscow)
Krasovskii A. A., PhD (Doctorate) (Vienna-Laxenburg, Austria)
Palokangas T., PhD (Doctorate), Prof. (Helsinki, Finland)
Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)
Rudenko V. N., Dr. Sci. (Law), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
Rutkevich A. M., Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Moscow)
Zhu B., PhD (Doctorate), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Мицек С. А.</i> Основные направления экономической реформы в целях повышения жизненного уровня граждан России	6
<i>Василенко Ю. А.</i> Методы оценки управления рисками в организации	10
Юриспруденция	17
<i>Жеа Ф.</i> Краткие размышления об идентичности и (кон)текстуальности права	18
<i>Семякин М. Н.</i> Проблемы обеспечения сочетания частных и публичных прав и законных интересов в условиях современных глобальных вызовов	26
<i>Дербышева Е. А.</i> Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом	32
<i>Герасимова Е. В.</i> Права и свободы как ценность в практике Конституционного Суда Российской Федерации в контексте концепции устойчивого развития	36
<i>Денисов С. А.</i> Противоречивость российского конституционного законодательства	42
<i>Соболев О. В., Армянинова А. В.</i> Ограничение конституционных прав и правомерные ограничения: вопрос административного диспаритета	54
<i>Стальнова М. А.</i> Соблюдение профессиональных прав адвокатов как фактор развития демократического общества	61
<i>Султанов А. Р.</i> О практике использования результатов оперативно-разыскных мероприятий в качестве доказательств	70
Философия	83
<i>Чернов Л. С., Погорельская Е. Ю.</i> Петро-арт: современная живопись столицы Урала (на примере творчества Бориса и Натальи Хохоновых)	84
<i>Суворов Д. В.</i> Советский тоталитарный режим и русская классическая музыка: алгоритм восприятия	98
<i>Калистратова М.</i> Былинно-сказочные города: пространство и архитектоника	109
Научные события	113
<i>Глушкова С. И., Токарев В. А.</i> Права человека и устойчивое развитие (по итогам Международной научно-практической конференции)	114
<i>Глушкова С. И., Маракулин А. Ю., Токмянина С. В., Уколова О. С.</i> О реализации Концепции преподавания обществознания в Свердловской области (по итогам региональной конференции)	121
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	127

Contents

Economics5
Mitsek S. A.
The Basic Directions of Economic Reform for Improving the Living Standards
of Russian Citizens6
Vasilenko Y. A.
Methods for Assessing Risk Management in an Organization 10

Law17
Géa F.
Concise Reflections on the Identity and (Con)textuality of Law18
Semyakin M. N.
Problems of Balancing Private and Public Rights and Legitimate Interests
in the Face of Today's Global Challenges26
Derbysheva E. A.
A Balance between the Principle of Legal Certainty and the Principle of Equality
of All before the Law and the Court32
Gerasimova E. V.
Rights and Freedoms as a Value in the Practice of the Constitutional Court
of the Russian Federation in the Context of the Concept of Sustainable Development36
Denisov S. A.
Inconsistency of Russian Constitutional Legislation42
Sobolev O. V., Armyaninova A. V.
Restriction of Constitutional Rights and Lawful Restrictions:
the Issue of Administrative Disparity54
Stalnova M. A.
Respect for the Professional Rights of Lawyers as a Factor
in a Democratic Society Development61
Sultanov A. R.
On the Use of Investigative Results as Evidence70

Philosophy83
Chernov L. S., Pogorelskaya E. Yu.
Petro-art: Modern Painting of the capital of the Urals (on the example
of the creativity of Boris and Natalia Khokhonov)84
Suvorov D. V.
The Soviet Totalitarian Regime and Russian Classical Music: a Perception Algorithm98
Kalistratova M. A.
Epic and Fairytale Cities: Space and Architectonics109

Scientific Events113
Glushkova S. I., Tokarev V. A.
Human Rights and Sustainable Development (A Follow-Up
to the International Scientific and Practical Conference)114
Glushkova S. I., Marakulin A. Yu., Tokmyanina S. V., Ukolova O. S.
On Implementing the Concept of Social Science Teaching in the Sverdlovsk Region
(based on the results of the regional conference)121

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors127

|| ЭКОНОМИКА

Основные направления экономической реформы в целях повышения жизненного уровня граждан России

Аннотация. В статье обсуждаются различные аспекты экономической реформы России. Предлагается изменение структуры налогообложения в целях повышения его эффективности, рекомендуются меры по снижению расходов бюджета и концентрации рынка. Также обсуждаются меры нефискального характера.

Ключевые слова: экономика России; экономическая реформа; налоги; бюджеты; нефискальные меры

Первая, самая очевидная и настоятельная мера, – снижение налогов. Отношение выплачиваемых налогов к ВВП в России составляет примерно 38 %¹. Эта цифра – средняя в мире, есть страны, где она меньше². Налоги надо снижать, ради того, чтобы а) обеспечить быстрый экономический рост³; б) укрепить налоговую дисциплину.

В рамках этой группы мер первое, что надо сделать, – отменить налог на имущество организаций, поскольку он наказывает бизнес за осуществление инвестиций.

Следующая мера – отмена налога на прибыль с той ее части, которая идет на развитие производства. Здесь могут применяться разные инструменты: налоговые кредиты и гранты, отказ от налогообложения нераспределенной прибыли, 100%-ная амортизация⁴. Последнее в условиях России представляется наиболее эффективным, так как не потребует прямых выплат из бюджета, сложных механизмов возврата средств и дает гарантии того, что деньги будут потрачены именно на пополнение основного капитала.

Третье – снижение взносов на социальные нужды. Среди всех налогов, взимаемых в России, этот международными экспертами признан самым тяжелым. Поэтому его ставку надо снизить с 30 до 20 % от зарплаты.

Четвертое – снизить налоги на малый бизнес. Для этого надо а) резко расширить сферу действия упрощенной налоговой системы и б) снизить ставку с 6 до 3 % к выручке.

Пятое – надо постепенно отменять экспортные пошлины. Они приводят, во-первых, к тому, что российские экспортеры теряют зарубежные рынки. Во-вторых, страна лишается валютных поступлений. В-третьих – экспортные компании теряют прибыль и, как следствие, осуществляют меньше инвестиций. В-четвертых – снижается престиж России на мировой арене. В-пятых – происходит дестабилизация мировых рынков.

* **Сергей Александрович Мицек**, декан факультета бизнеса и управления, заведующий кафедрой финансов и бухгалтерского учета АНО ВО «Гуманитарный университет», д-р экон. наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

¹ Расчет автора на основе: [5; 3].

² Подробности можно найти в: [13].

³ Математическое доказательство того, что любой налог вреден экономическому росту, можно найти, например, в: [11, ch. 10].

⁴ Краткое описание налоговых инструментов поощрения инвестиций можно найти, например, в: [10].

Как компенсировать потери бюджета от предлагаемого снижения налогов?

Первая мера – сокращение неэффективных расходов. Примерно 15 % консолидированного бюджета России тратится на статью «Национальная экономика», значительная часть этих средств направляется на поддержку убыточных предприятий⁵, что крайне нерационально в долгосрочном аспекте. Кроме того, такая политика не дает развиваться эффективным предприятиям.

Работникам обанкротившихся компаний следует за государственный счет помочь переквалифицироваться на востребованные профессии и/или переселиться в те регионы, где налицо дефицит рабочей силы.

Второе – необходимо всеобщее сокращение затрат бюджета, за исключением тех, которые требуются самым настоятельным образом⁶.

Третье – минимизация субсидий производителям. Поддержку бедняков гораздо эффективнее осуществлять в виде адресной помощи, поскольку от снижения цен на продукцию получают выгоды не только нуждающиеся, но и те, кому помощь не особенно нужна. Кроме того, субсидии искажают цены факторов производства и потому не стимулируют их рациональное использование и инновации⁷.

Четвертое – устранение неоправданных монополий и связанных с ними привилегий. Среди стран – членов ОЭСР и сотрудничающих с ней по концентрации рынков Россия занимает второе место после Мексики [12, р. 62]⁸. Необходимо сохранить лишь эффективные монополии, а на остальных рынках создать конкурентные условия и отменить неоправданные льготы.

Вполне возможно, что для компенсации бюджетных потерь всех этих мер будет достаточно. В противном случае придется вводить новые налоги, но постараться сделать так, чтобы они не мешали экономическому росту.

Первое, что можно предложить в этом направлении, – повышение импортных пошлин, совокупная величина которых сегодня составляет лишь около 3 % от совокупной ценности импорта⁹. Пошлинами должны облагаться следующие импортные товары:

- 1) предметы роскоши и деликатесы, алкоголь и табак;
- 2) товары, имеющие отечественные аналоги, не уступающие по качеству импортным;
- 3) товары, производство которых отечественные производители могут освоить в разумные сроки;
- 4) товары, в торговле которыми партнер использует дискриминационные методы и/или получает субсидии от правительства своей страны.

Второе – введение прогрессивного подоходного налога. При этом шкала не должна быть слишком крутой, чтобы не лишить стимулов средний класс. Прогрессия должна начинаться лишь с доходов, превышающих 1 миллион рублей в месяц, а высокая ставка (свыше 50 %) – относиться лишь к очень высоким доходам.

Третье – введение высоких налогов на роскошь для очень богатых состояний.

Четвертая – введение налога с розничных продаж, доходы от которого должны поступать в муниципальные бюджеты. Данным налогом, однако, не должны облагаться товары первой необходимости.

⁵ Расчет автора на основе: [5; 3].

⁶ Такая мера означает реализацию четвертого из принципов эффективного налогообложения Адама Смита. Подробный разбор в: [4, кн. V, гл. II].

⁷ Подробнее об этом: [2, гл. 3–4].

⁸ Анализ влияния концентрации рынков в России на производительность в: [14].

⁹ Расчет автора на основе: [5; 3; 9].

Пятое – расширение сферы акцизного обложения. Акцизы, во-первых, относительно легко взимаются¹⁰ (поэтому в царской России они занимали большую долю бюджета) [6, с. 198], во-вторых, многие товары в России освобождены от акцизного обложения.

Шестое – постепенное повышение НДС в качестве компенсации за отмену пошлин на экспорт полезных ископаемых.

Еще одна неотложная мера – пенсионная реформа. Нынешняя система, основанная на солидарности поколений, устарела, ибо не стимулирует пенсионные отчисления, так как лицо в этой системе платит за других лиц, пока само работает. Надо осуществить реформу, подобную той, что была проведена в Чили в 1970-х гг., в рамках которой работник сам выбирает пенсионный фонд и пенсионный план и, самое главное, следит за накоплением средств на своем пенсионном счете¹¹.

Также требуется наведение порядка в межбюджетных отношениях. Идеалом должен быть бюджетный федерализм, при котором регион полностью покрывает свои расходы за счет собираемых на его территории налогов. Очевидно, что для такой страны, как Россия, где регионы весьма по-разному наделены природными ресурсами и имеют разное местоположение относительно транспортных путей, последовательное применение данного принципа невозможно. Но опубликовать статистику в общедоступных справочниках о том, сколько регион собирает налогов, сколько из них он отчисляет в федеральную казну, а сколько ему поступает из нее обратно, – следовало бы. И на основе ее анализа скорректировать межбюджетную политику. Аналогичную меру надо осуществить для взаимоотношений региональных и муниципальных бюджетов. И, уж точно, добиться того, чтобы юридические лица, работающие на территории субъекта, отчисляли налог на прибыль именно в его казну¹².

Помимо указанных фискальных мер необходимы меры политического, социального и морального плана.

Первое – защита частной собственности. Никакие меры не будут иметь эффекта до тех пор, пока бизнес опасается за свою жизнь и собственность.

Второе – власть, бизнес и народ должны учиться взаимным уступкам. Власть не должна рассматривать бизнес просто в качестве машины по выдавливанию налогов. Бизнес должен их честно платить и поставлять народу качественные товары. А народ – перестать требовать от власти и бизнеса всего бесплатного.

Власть должна создать внятные, честные и равные для всех правила игры. Необходима формулировка законов в такой форме, которая понятна рядовым гражданам, а также плотная работа власти совместно с бизнесом, чтобы разработать законы, которые не мешали бы ему действовать¹³.

В свою очередь, российский бизнес должен регулярно повышать квалификацию – свою и своих работников. Многие беды, с которыми сталкиваются предприниматели, проистекают не из-за плохих законов, а от их собственной безграмотности. У нас много прекрасных учебных заведений и хорошо образованных преподавателей, у которых бизнес мог бы почерпнуть новые идеи и, самое главное, перенять научные методы управления.

¹⁰ Анализ эффективности применения различных видов налогов, который провел Милль [4, кн. V, гл. VI], актуален и сегодня.

¹¹ Обзор пенсионных систем можно найти, например, в: [8].

¹² Анализ межбюджетных отношений см., например, в: [1].

¹³ Всемирно известный перуанский экономист Эрнандо де Сото убедительно показал, что случается, если власть проводит противоположную политику [7].

Литература

1. Всемирный Банк. Доклад об экономике России № 45: Темпы восстановления экономики в России ускоряются [Электронный ресурс] // Всемирный Банк. – 2021. – Май. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35653> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Всемирный Банк. Российская Федерация, комплексное диагностическое исследование экономики: пути достижения всеобъемлющего роста [Электронный ресурс] // Всемирный Банк. – 2016. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/477441484190095052/Russian-Federation-Systematic-country-diagnostic-Pathways-to-inclusive-growth> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, группа RIM [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <http://www.macroforecast.ru> (дата обращения: 20.09.2021).
4. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии : в 3 т. – М. : Прогресс, 1981.
5. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?group_type=&q_4=Консолидированный+бюджет&DOCUMENT_NUMER_4 (дата обращения: 20.09.2021).
6. Россия : энциклопедический словарь. – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с.
7. Сото Э де. Загадка капитала : Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. Б. Пинскер. – М. : Олимп-Бизнес, 2004. – 263 с.
8. Уайтхауз Э. Пенсионная панорама: пенсионные системы 53 стран : пер. с англ. – М. : Весь мир, 2008. – 223 с.
9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).
10. Crumbley D. L., Friedman J. P., Anders S. B. Dictionary of tax terms. – Barrons' Educational Series, 1994. – 358 p.
11. Dornbusch R., Fischer S., Startz R. Macroeconomics. – 11th ed. – New York : McGraw Hill : Irwin, 2011. – 640 p.
12. OECD Economic Surveys: Russian Federation. – OECD, December 2011. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-russian-federation-2011_economic-surveys-rus-2011-en (дата обращения: 28.08.2012).
13. Paying Taxes // Doing Business (World Bank Group). – URL: <https://www.doingbusiness.org/en/data/exploretopics/paying-taxes> (дата обращения: 20.09.2021).
14. Wildnerova L., Blochliger H. What makes a productive Russian firm? A comparative analysis using firm – level data : OECD Economic Department Working Papers 1592. – OECD, 2019. – URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2019\)62&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2019)62&docLanguage=En) (accessed: 17.02.2020). – DOI 10.1787/8590f752-en.

Sergey Alexandrovich Mitsek,

Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Dean of Business and Management Faculty, Head of Finance and Accounting Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg), Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation

The Basic Directions of Economic Reform for Improving the Living Standards of Russian Citizens

Abstract. The article discusses various aspects of economic reform in Russia. The author proposes changes in the structure of taxation in order to increase its efficiency, and measures to reduce budget expenditures and market concentration. The paper also highlights non-fiscal measures.

Keywords: Russian economy; economic reform; taxes; budgets; non-fiscal measures

Методы оценки управления рисками в организации

Аннотация. В данной статье рассматриваются методы, по которым можно оценить риски организации. Применяя данные методы, финансовый результат организации можно оптимизировать, избежать непредвиденных ситуаций.

Ключевые слова: методы; процесс управления рисками; анализ рисков; методы оценки; риск

В современных условиях важно идентифицировать, оценивать и разрабатывать способы управления рисками в организации. Актуальность управления рисками обусловлена и тем, что при переходе к инновационной экономике значительно усиливаются риски организаций, их структура, а также источники возникновения.

Для любого хозяйствующего субъекта существуют риски, которыми нужно управлять, поэтому существует целая система управления рисками.

Под риском следует понимать вероятность наступления вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, учитывая тяжесть этого вреда.

Управление рисками – процесс подготовки и реализации мероприятий, которые направлены на снижение опасности неправильных решений и на снижение негативных последствий при реализации принятых решений.

Процесс управления рисками включает в себя основные этапы (рис. 1).

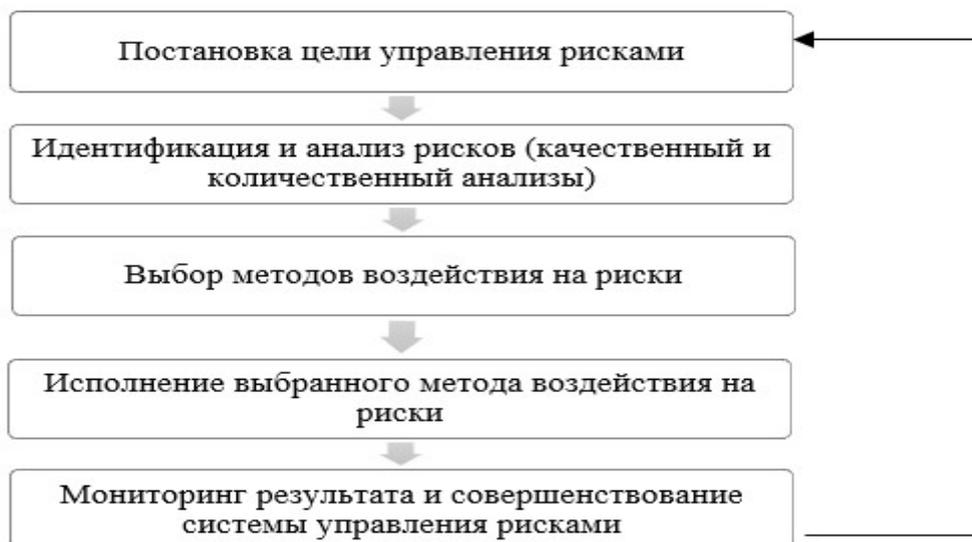

Рис. 1. Алгоритм управления рисками¹

* Юлия Алексеевна Василенко, магистрант 2-го года обучения, факультет бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Составлено автором на основании: [9].

Первый этап определяется постановкой цели. Цель – увеличение прибыли и снижение риска.

Второй и третий этапы характеризуются выявлением рисков, их специфики, трансформации рисков с течением времени, степени взаимосвязи между ними, а также изучением факторов их реализации, в том числе определением суммы финансового ущерба. Без таких исследований невозможно эффективно и целенаправленно проводить процесс управления риском [5].

Качественный анализ рисков основан на предположении возможного ущерба или его последствий, включающем его балльную (или стоимостную) оценку и рекомендацию срочных мер по предотвращению риска или его минимизации (рис. 2).

Рис. 2. Качественный анализ риска²

Качественный анализ рассчитывается различными методами, главным образом использованием аналогов и экспертных оценок.

Метод использования аналогов состоит в нахождении сходств, подобия между явлениями, системами, объектами. Применяется, когда использование других методов оценки риска бесперспективно. Метод субъективен, так как зависит от компетентности аналитика [5].

Метод экспертных оценок определяется путем обработки мнений опытных специалистов и предпринимателей, выступающих экспертами.

В свою очередь, для проведения количественного анализа используют исходную информацию полученного результата качественного анализа риска.

Количественный анализ производится с помощью математических и статистических методов, и с его помощью определяется размер отдельных рисков (рис. 3).

Рис. 3. Процесс количественного анализа рисков³

² Составлено автором на основании: [2, с. 408].

³ Составлено автором на основании: [6].

Могут использоваться следующие инструменты количественного анализа рисков:

- анализ чувствительности – метод, определяющий влияние изменения одного из факторов риска на показатели проекта;
- сценарный анализ – один из способов анализа сложной среды, содержащей множество значимых, влияющих друг на друга тенденций и событий [1, с. 181].

Рассмотрим более подробно различные методы анализа и оценки рисков.

- Сценарный анализ

- 1) определение факторов формирования сценария;
- 2) определение количества и комбинаций сценариев для каждого фактора;
- 3) оценка денежных потоков;
- 4) оценка вероятности реализации.

Основные преимущества и недостатки сценарного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1⁴

Сценарный анализ: преимущества и недостатки

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> – получение возможных значений результатов проекта; – учет корреляции между факторами при разработке сценариев; – большее понимание рисков проекта и его устойчивости 	<ul style="list-style-type: none"> – GIGO. Мусор на входе – мусор на выходе; – дискретный учет рисков; – размытость границ сценариев/субъективность границ; – ограниченное количество сценариев, которые подлежат детальному анализу; – сложность учета всех возможных сценариев

- Дерево решений

- 1) выделение отдельных фаз риска (последовательности случайных событий в проекте);
- 2) оценка вероятности различных исходов в узлах событий;
- 3) определение точек принятия решений;
- 4) вычисление денежных потоков в конечных узлах;
- 5) решение дерева в обратном направлении.

Основные преимущества и недостатки дерева решений представлены в таблице 2.

Таблица 2⁵

Дерево решений: преимущества и недостатки

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> – возможность определения оптимальной стратегии реализации проекта; – динамическое реагирование на риск; – учет стоимости информации; – возможность учета мероприятий по реагированию на риск 	<ul style="list-style-type: none"> – возможность адекватного учета только последовательных рисков; – дискретный учет рисков; – ограниченное количество рисков, которые можно включить в модель; – накопление ошибок в дереве решений; – предпосылка о соблюдении определенной дисциплины в узлах принятия решений

⁴ Составлено автором на основании: [1, с. 182–189].

⁵ Составлено автором на основании: [4, с. 287].

• Имитационное моделирование

Основные этапы:

- 1) построение финансово-экономической модели проекта;
- 2) определение рискованных переменных (факторов риска);
- 3) выбор распределения вероятностей для выбранных переменных;
- 4) анализ взаимосвязи между факторами риска (корреляция);
- 5) проведение имитационного моделирования.

Определив основную сущность имитационного моделирования, следует также отдельно рассмотреть его преимущества и недостатки (табл. 3).

Таблица 3⁶

Имитационное моделирование: преимущества и недостатки

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> – точный учет возможных значений входных параметров; – возможность учета как дискретных, так и непрерывных распределений факторов риска; – получение распределения целевого показателя, а не точечной оценки; – возможность расчета предельных мер риска 	<ul style="list-style-type: none"> – GIGO. Мусор на входе – мусор на выходе; – сложность выбора распределений для входных параметров; – нестационарность распределений входных параметров; – возможное изменение корреляции между разными входными переменными

Анализируя таблицу 3, видим ряд преимуществ, а именно: входные параметры имеют точный учет возможных значений, возможность учета как дискретных, так и непрерывных распределений факторов риска, распределение целевого показателя и расчет предельных мер риска.

Также имеются недостатки, такие как GIGO (неверные данные, неверный результат при правильном алгоритме), сложный выбор распределения для входных параметров, возможное изменение корреляции между разными входными переменными, а также сложность расчетов и использование специализированного ПО.

Анализ основных подходов к минимизации неблагоприятных последствий случайных событий и их финансовых последствий позволяет выделить ряд общих процедур управления рисками (табл. 4).

Таблица 4⁷

Процедуры управления рисками

Процедура управления рисками	Группа методов	
	Методы преобразования рисков	Методы финансирования ущерба от рисков
Уклонение от риска	Отказ от риска	–
Сохранение риска	Удержание риска	Самострахование
Минимизация риска	<ul style="list-style-type: none"> • Снижение частоты ущерба или предотвращение убытка. • Снижение размера убытка. • Диверсификация 	Покрытие убытка посредством: <ul style="list-style-type: none"> – текущего дохода; – резервов. Покрытие убытка за счет использования займа. Покрытие убытка на основе страхования

⁶ Составлено автором на основании: [3, с. 150–172].

⁷ Составлено автором на основании: [8, с. 123–141].

Передача риска	Аутсорсинг риска, страхование и др.	Покрытие убытка на основе: – страхования; – нестрахового пула; – за счет передачи финансирования иска на основе договора; – поддержки государственных муниципальных органов; – спонсорства; – др.
----------------	-------------------------------------	---

Исследование теоретико-методологической сущности управления рисками позволило прийти к следующему заключению.

Основными принципами управления рисками в области методологии управления рисками с учетом требований современной экономики являются:

- осознанность принятия риска;
- решение, связанное с риском, не должно негативно влиять на результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятия и быть экономически грамотным;
- необходимость учета фактора времени при управлении рисками;
- управление рисками принимаемых решений должно базироваться на необходимом объеме достоверной информации;
- управление рисками должно носить системный характер;
- при управлении рисками принимаемые решения должны учитывать объективные характеристики среды, в которой предприятие осуществляет свою деятельность.

Риск организации – это невозможность (неспособность) организации для своего бизнеса избежать или минимизировать опасности путем нейтрализации влияния внешней и внутренней среды.

Для достоверного анализа всего многообразия рисков необходим комплекс методов, которые, в свою очередь, подтверждают актуальность разработки сложного механизма управления рисками.

Литература

1. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление. – СПб. : Питер, 2016. – 544 с.
2. Алешин А. В., Аньшин В. М., Багратиони К. А. и др. Управление проектами: фундаментальный курс : учебник / под ред. В. М. Аньшина, О. Н. Ильиной ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 624 с. – (Учебники Высшей школы экономики).
3. Грачева М. В., Секерина А. Б. Риск-менеджмент инвестиционного проекта : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. – М. : ЮНИТИ, 2012. – 544 с.
4. Дамодаран А. Стратегический риск-менеджмент: Принципы и методики / пер. с англ. О. Л. Пелявского, Е. В. Трибушина. – М. : Вильямс, 2010. – 495 с.
5. Долгачева И. Н. Основные методы и принципы управления рисками транспортной железнодорожной компании с учетом требований современной экономики // Транспортное дело России. – 2012. – № 6-2. – С. 203–205.
6. Сафонова Н. Р. Процесс управления финансово-экономическими рисками проекта [Электронный ресурс] // Интернаука. – 2020. – № 12-2 (141). – С. 21–23. – URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=42670422&selid=42670427> (дата обращения: 14.09.2021).
7. Сметанюк А. А. Методика диагностики кризиса предприятия по оценке показателей финансового состояния в условиях организационных изменений // Вестник Хмельницкого национального университета (Вестник Технологического университета Подолья). – Хмельницкий : ХНУ, 2016. – № 6, Т. 1. – С. 128–131.

8. Управление рисками проектов : учеб. пособие / авт.-сост. Е. В. Кулешова. – 2-е изд., доп. – Томск : Эль Контент, 2015. – 188 с.

9. Шекалин А. Н., Горбунов В. Н., Евсеев Д. В. Принципы и требования к формированию системы риск-менеджмента на предприятии [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 1, Ч. 2. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/01/44996> (дата обращения: 14.09.2021).

Yulia Alekseevna Vasilenko,
second-year Master's student,
Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for
Humanities (Yekaterinburg)

Methods for Assessing Risk Management in an Organization

Abstract. This article discusses methods which one can exploit to assess the risks of an organization. When applying these techniques, the management can improve the financial result of the organization and avoid the unforeseen situations.

Keywords: methods; risk management process; risk analysis; assessment methods; risk

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Краткие размышления об идентичности и (кон)текстуальности права**

Аннотация. Право рассматривается как юридическое выражение социальных изменений в обществе и как активный фактор, стимулирующий таковые. При этом с точки зрения причинно-следственных связей между правом и социальными изменениями роль права в обоих случаях – разная. Однако в силу тесной взаимозависимости права и социальных отношений установить указанные связи трудно, а нередко и вовсе невозможно. В любом случае право не может свестись к своеобразной «палате регистрации» социальных преобразований. Позиционируя себя в качестве текста по отношению к тем, кто способствовал его формированию, право может сохранить свою диалогическую рациональность, открывая себя для осознания внешних обстоятельств, как их обоснования, так и применения, вступая в диалогические отношения с другими, более или менее нормативными понятийными системами, с которыми оно сосуществует и поддерживает эвристическую связь (по примеру понятия справедливости). При этом право не теряет своей, основанной на идее человечности, идентичности, состоящей как в противостоянии беспорядку, проявляющемуся в процессе социальных изменений, так и в том, чтобы раскрыться в виде картины мира, формированию которой оно способствует, интерпретировать эти представления и, таким образом, сохранить свой внешний характер по отношению к ним и в диалоге с ними. Право невозможно рассматривать вне самого различного контекста его существования и действия, поэтому в статье предлагается контекстуальный подход к праву: в рамках такой парадигмы контекст более не является внешним по отношению к праву; он является с ним единичным; он больше не противопоставляется праву, более того, он становится его основополагающим принципом. Однако контекстуальность не может существовать отдельно от текстуальности права просто потому, что последняя составляет само ядро контекстуальности, по крайней мере в праве.

Ключевые слова: право; идентичность права; нормативность; понятийная система; диалогическое отношение; текстуальность права; право в контексте; контекстуальность права

1. Право – это источник, приток, аллювий или результат социальных изменений?

По мере того как мы пытаемся дать ответ на эти вопросы, они усложняются. Проблемы взаимодействия права и среды, в которой оно существует, бесспорно, относятся к категории таких вопросов. Даже рассматриваемая через призму социальных изменений, эта проблематика, которая, безусловно, не нова, разделяется на множество тематических направлений, потенциально антагонистических. Более того, вышеупомянутое разделение относится к явлениям эпистемологического порядка. Можно ли утверждать, что право *должно быть* созвучным социальным изменениям, или оно уже является таковым? Но при такой постановке вопроса на арену выходят различные понимания – от радикальной версии до ее отрицания – дихотомия сущего (*Sein*) и должного (*Sollen*), которую известное теоретическое Писание возводит в аксиому при любом размышлении о праве.

Тем не менее этот тезис при всей своей противоречивости может быть подкреплен определенными доказательствами – однако не являются ли они мнимы-

* **Фредерик Жеа**, профессор факультета права Нанси, Университет Лотарингии (Франция).

** Géa F. Brèves réflexions sur l'identité et la (con)textualité du droit // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. – 2013/1. – P. 99–107. – URL: <https://www.cairn.info/revue-interdisciplinaire-d-etudes-juridiques-2013-1-page-99.htm>

ми? На наш взгляд, бесспорно, что право могло быть продолжением, результатом или, иначе, юридическим выражением социальных изменений. Как представляется, эволюция нравов открывает дорогу многочисленным социальным реформам, особенно если опираться на положения французского права, акцентируя отмену в 1982 году положения статьи 331 Уголовного кодекса Франции, предусматривавшего уголовную ответственность за «непристойное или противоестественное деяние в отношении несовершеннолетних лиц различного или *одного пола*» (которое по-разному трактуется – и как гетеро-, и как гомосексуальность); это также и принятие законодательной системы в 1999 году, выражающейся в закреплении в Гражданском кодексе Франции Гражданского Договора солидарности (PACS), повлекшем за собой признание законности однополых пар, а сегодня это законопроект¹, открывающий дорогу для заключения брака лицами одного пола. Исходя из этого, мы утверждаем, что эволюция нравов была порождена правом (в той нормативности, которая заложена в основе этой эволюции). Тот факт, что право может подпитывать, оказывать влияние на социальные преобразования или даже стимулировать их, представляется, на первый взгляд, настолько же бесспорным. Не для того ли, чтобы скорректировать социальное поведение и содействовать равному доступу мужчин и женщин к выборным должностям во Франции, был принят Конституционный закон от 8 июля 1999 года? Не для того ли, чтобы внести изменения в социальные отношения или простимулировать их, законодатель смог добавить к критериям дискриминации, запрещенной как Трудовым кодексом Франции, так и Уголовным кодексом Франции, наряду с законом, принятым 6 августа 2012 года, указание на «сексуальную идентичность», косвенно направленную на гомосексуалистов, транссексуалов или трансгендеров? Если мы поставим своей целью поддержку этих положений, тогда ответ будет положительным. Но разве нельзя сказать то же самое о первой серии приведенных нами примеров? Как, в самом деле, обозначить разницу, с одной стороны, между динамикой, порождаемой правом и стремящейся инициировать общественные изменения, и, с другой стороны, динамикой, исходящей от самого общества? И как рассматривать роль права, которое, фактически постулируя что-то необходимым или законным, ограничивается собиранием, сопровождением, закреплением и даже консолидацией общественных изменений? Однако проблема, с которой довольно быстро столкнется наблюдатель, – это проблема *причинности* или, если угодно, причинной детерминации. Непрерывные реформы законодательства, определяющего режим имущественных отношений между супругами, – в первую очередь, речь идет о законах Франции от 13 июля 1965-го и 23 декабря 1985 года – навеяны, прежде всего, заботой и стремлением к достижению еще большего равенства между мужем и женой, как и различные правовые механизмы, направленные на укрепление профессионального равенства между мужчинами и женщинами на предприятиях. Возникает вполне закономерный вопрос: являются ли они официальным закреплением уже состоявшихся социальных изменений или лишь этапами, в конечном счете нацеленными на воплощение в жизнь, инициацию или усиление этих социальных преобразований? Обе сферы представляются тесно переплетенными, что делает чрезвычайно трудным, а нередко и непродуктивным применение любого «причинно-следственного» подхода.

Если такое переплетение все же существует, то главным образом по той причине, что право, осуществляя какое-либо нормативное предписание, одновременно и создает основу для социальных преобразований, будто бы реально осуществляющихся, которые, при этом, совсем не лишены нормативности. И в том и в другом случае действуют люди, их язык, заложенные в их слова смыслы и, конечно

¹ Данный законопроект стал законом 17 мая 2013 года (LOI n° 2013-404 du 17 mai 2013). – Прим. редакции.

же, представления, которые индивиды сначала порождают, а потом и передают. «Социальная реальность» отнюдь не представляет собой необработанную, объективную, требующую анализа данность. Если право поддается интерпретации, то «социальная реальность» сама по себе представляется ученым – социологам и правоведам – объектом операций кодирования/декодирования. Возьмем в качестве примера труд женщин в XX веке. В одной из научных работ было показано, что представление о том, что женщины будут массово выходить на рынок труда только в 1970-х годах, привело к недооценке труда, который был им доверен в первые десятилетия XX века, а в результате, в течение XX века – с конца Первой мировой войны и до 1960-х годов – произошло снижение их профессиональной активности; указанное выше представление, таким образом, явилось результатом статистической оптической иллюзии². Дело в том, что определение труда как женского зависит от дефиниции самого труда и, следовательно, от того, какое представление о нем существует в данный момент времени. Содержание такого общественного представления и обуславливает форму нормативности, которая неизвестна законодательству. Современные разговоры о кризисе, который мы переживаем, также свидетельствуют не только о невозможности интерпретации поставленных «диагнозов», но и о множестве перспектив, которые они собою открывают: призыв к «нечто большему, чем право» сочетается со стигматизацией права, которое признается неспособным преодолеть этот кризис (если не ответственным за него), в то время как намерение реформировать финансовые рынки постепенно лишь по мановению руки уступило место ряду реформ европейского рынка труда. Здесь предполагаемые преобразования трудовой функции будут обосновывать растущую гибкость трудового права (теперь взятую в качестве цели...)? В новых условиях они будут служить гарантией укрепления прав работников. Вот что побуждает расшифровать в речах о социальных переменах игру представлений, несущих общественную нормативность, которая стремится подменить собой нормативность правовую. Или, по крайней мере, проникнуть в процесс ее формирования.

Будь то *лоббирование* либо более или менее открытые механизмы участия в разработке норм (управление, переговоры, консультация), установленных правом, эта внеправовая нормативность будет в состоянии взаимодействовать с правовой нормативностью не через барьер, а, скорее, функционировать именно внутри нее. Здесь присутствуют взаимозависимость и конкуренция нормативностей. Однако, несмотря на то что «дисциплина права» остается принципиально открытой, она, тем не менее, берет на себя функцию, которую можно назвать, наряду со многими другими авторами (например, с Аленом Супиотом), *догматической* и которая, хоть и полностью не сводится к одной «дисциплине права», свойственна ей. Однако эта функция происходит из представлений, согласно которым право структурирует общество, регулирует социальные отношения, закладывает ценности и, *в конечном счете*, создает определенную понятийную систему. Сущность права как системы связей не позволяет ему освободиться от своего догматического измерения, отказавшись от своей основной роли – *установления границ и их отражения в сознании субъектов*, в чем, как мы полагаем, право не может, кроме как путем уничтожения своего места и его уступки другому типу нормативности, свестись единственно к работе своеобразной «палаты регистрации» социальных преобразований. Более того, такие социальные изменения оказываются в значительной мере непредсказуемыми, что, как известно, три десятилетия назад привело Раймона Будона к признанию значения понятия беспорядка в теории (теориях) социальных изменений. Право в этих условиях должно быть способно противо-

² M. MARUANI et M. MERON, *Un siècle de travail des femmes. 1901-2011*, Paris, La Découverte, 2012.

стоять изменениям, поскольку его горизонт, амбиции, устремления коренным образом связаны с определенной идеей человечности. Основания права могут вполне закономерно, посредством его (или их) коммуникации (коммуникаций) и в особенности интерпретации, поставить право в независимую позицию по отношению к событиям, конечно, им порожденным, но, смотря по обстоятельствам, либо вписавшимся в его текстуальность, либо, наоборот, оставшимся за его пределами. Любая эволюция, любые социальные изменения не всегда находят в недрах права свое отражение или закрепление. Сопrotивление, в то же время, не означает безучастности. Совсем наоборот. Если право позиционирует себя в качестве Текста по отношению к тем, кто способствовал его формированию, то оно может только сохранить свою диалогическую рациональность, будучи открытым для осознания внешних обстоятельств, как их обоснования, так и применения, и таким образом вступая в диалогические отношения с другими, более или менее нормативными понятийными системами, с которыми оно сосуществует и поддерживает эвристическую связь (по примеру понятия справедливости). И это *при условии, что право никогда не теряет из виду своей собственной идентичности, выкованной принципиально иным образом*. Значит, то, каковым право является, собственно, и есть либо может быть тем, каким оно призвано быть. Предназначение права, исключая стремление отнести его функцию к чисто инструментальной, приводящее к его отрицанию, очевидно, заключается не в том, чтобы позволить субъекту права раствориться в догме объективного права; его призвание состоит в том, чтобы через представления, к которым оно обращается, раскрыться в виде картины мира, формированию которой оно способствует, интерпретировать эти представления и таким образом сохранить свой *внешний характер* по отношению к ним. Как в *диалогическом соотношении*.

Краткая библиография:

- R. BOUDON, *La place du désordre*, Quadrige – Essais débats, Paris, PUF, 3e éd., 2004 ;
- P. DEUMIER, *Introduction générale au droit*, Paris, L.G.D.J, Lextenso éditions, 2011 ;
- Fr. GÉA, *Contribution à la théorie de l'interprétation jurisprudentielle. Droit du travail et théorie du droit dans la perspective du dialogisme*, coll. Varenne, Paris, L.G.D.J, 2009 ;
- J. LARRIEU (dir.), *Crise(s) et Droit*, Paris-Toulouse, L.G.D.J, PU Toulouse I Capitole, 2012 ;
- P. MOOR, *Dynamique du système juridique. Une théorie générale du droit*, Bruxelles – Paris – Lausanne, Bruylant – L.G.D.J – Schulthess, 2010 ;
- SUPIOT, *Homo juridicus. Essai sur la fonction anthropologique du Droit*, coll. La couleur des idées, Paris, Seuil, 2005 ;
- SUPIOT, *L'esprit de Philadelphie. La justice sociale face au marché total*, Paris, Seuil, 2010.

2. Что для вас представляет собой подход к праву «в контексте»? Каковы его цели и задачи, преимущества и ограничения?

Наше право – особенно наше современное право – характеризуется своей «текстуальностью». Именно в ней, по нашему мнению, заложены главные пружины как для его формирования, так и для реализации, и даже его динамики. Работа всегда начинается с интерпретации, поэтому с этой точки зрения право вполне можно было бы представить как право... «в тексте». Не кажется ли такое представление противоречащим подходу к праву «в контексте»? Разумеется, нет, если рассматривать контекст как целостный текст, составляющий осмысленное единство, в его отношении к одному из его элементов. Бесспорно – нет и в том случае,

если определить контекст как ситуацию, в которой лингвистический элемент дополняется его внелингвистическими условиями. Но что, если контекст рассматривается в качестве «совокупности обстоятельств, связанных с ситуацией, когда возникает феномен, происходит событие»?³

Поставим вопрос иначе. Если подход к праву «в контексте» способен охарактеризовать, в рамках наших размышлений, разрыв, то в чем же он заключается? Иначе говоря, чем, помимо названия, определяются его смысл и значение? Нам представляется, что западная правовая мысль, по крайней мере со времен Монтескье и его фундаментального труда «О духе законов» (1748), усвоила идею о том, что законы могут представлять собой связи, доступные для наблюдения, приспособливающиеся к переменным различной природы (по мнению Монтескье, культурным или естественным причинам). В этом и был заложен один из способов подтвердить контекстуальное закрепление норм законодательства и объяснить, почему национальные правовые системы в случае необходимости сопутствующим образом порождают акты – законодательные формулировки, – которые иногда столь явно содержательно различаются и которые при их противопоставлении порождают целый ряд коллизий и ответвлений в национальных правовых системах. Но современный разум породил не менее идеальную концепцию права, чем известная и давно воплощенная идея естественного права, в которой устоявшееся понимание прав человека – или основных прав и свобод – продолжает играть более или менее значимую роль. Этому идеализму, отпечатку универсализма, корреспондирует приверженность основным принципам, которые на самом деле стремятся выразить ценности права. Внедрение юридического анализа в контексте (контекстах) может в этом случае означать только поворотный момент, поскольку ожидаемое и даже провозглашаемое единство здесь замещается множественностью – сегментацией, фрагментацией. Если речь действительно идет о том, чтобы принимать во внимание условия зарождения и развития права, то юридические дискурсы призывают к корректировке и поиску правильных изменений в зависимости от рассматриваемого контекста. Грамматика указанного перевода представляет собой эквивалентность без идентичности, согласно анализу, предложенному Полем Рикером. Этот призыв состоит, в развитие концепции научного труда немецкого философа Хайнца Висмана, в том, чтобы «думать сквозь языки» и, стало быть, пытаться выявить механизмы, с помощью которых правовые системы накапливают свой потенциал, выделяются, дифференцируются посредством динамики, которая придает таким правовым системам позиции, по крайней мере, внешне противоречивые.

Контекстуализировать – значит изменить угол зрения при рассмотрении объекта. Это относится к любому контексту, будь то глобальный *правовой контекст*, рассматриваемый с системной точки зрения, либо иные *контексты в праве*: с одной стороны, «производство» правовых текстов (нормативных, конвенциональных), с другой – разработка способов толкования, в обязательном порядке применяемых к таким текстам. Понятие контекста, как таковое, безусловно, представляет собой повторяющуюся фигуру нашего права, независимо от того, возникает ли оно на стадии реального воплощения его разнохарактерного содержания, или в форме указания на обстоятельства преступления или проступка, или на обстоятельства, послужившие основанием для выражения согласия, даже если в этом случае контекст рассматривается через призму психологии *заблуждения*, поведения и умысла исполнителя обмана или насилия. Вместе с тем следует отметить, что понятие контекста в таких случаях во многом перестает быть цельным и плохо поддается отмежеванию от самого процесса оценивания оснований для дей-

³ Trésor de la Langue Française informatisé, ATILF (Université de Lorraine), v° Contexte, sens C.

ствий. Тем не менее даже сведенная к такому минимальному значению отсылка к контексту, по-видимому, делает этот контекст неуязвимым при его сравнении с некими обычными схемами рассуждений. Об этом, например, свидетельствуют недавно проведенные исследования в сфере французского трудового права, касающиеся значения или ценности воли работника, который планировал увольнение по собственному желанию, получил одобрение на это со стороны работодателя, но вновь объявил себя кандидатом на открывающуюся вакансию; в таких случаях Кассационный суд Франции, основываясь на дифференцированном анализе, принимает во внимание контекст и разрешает дела в зависимости от того, повлекут ли действия работника сокращение штата или потерю *им* рабочего места. Здесь имеет значение не столько намерение работника и не столько причины поступка, сколько особенности контекста, сохраняющего либо не сохраняющего каждому из потенциальных выгодоприобретателей в правоотношении возможность реально пользоваться свободой выбора между увольнением (с предприятия) или сохранением (того же) рабочего места. Здесь можно было бы упомянуть дискуссию, получившую развитие в судебной практике с момента законодательного закрепления в 2008 году, о возможности расторжения бессрочного трудового договора по соглашению сторон, когда речь шла об особом внимании судей к контексту, в котором происходило расторжение; такой контекст зачастую представляется заменой маловероятного – если вообще возможного – определения оснований правового акта, оформляющего соглашение сторон о прекращении договорных отношений в ожидании официального утверждения этого акта властями, осуществляющими регулирование отношений в сфере труда. В подобной же гипотезе отсылка к контексту вновь вводится в пользу *объективации* суждения, на основании вынесения которого в дальнейшем происходит расторжение договора. В приведенных примерах мы видим, что контекст, в сущности, становится одним из ключевых элементов в схеме действительности/легитимности расторжения трудового договора. И именно подход к праву «в контексте» лежит в основе рассуждений судей. Однако тогда мы оказываемся в ситуации, которая может быть охарактеризована как *слабая* версия этого подхода – сколь бы эвристической она ни была. Но, вероятно, существует и другая, сильная, версия.

С идеей права «в контексте», на самом деле, может быть связана концептуально более мощная или, по крайней мере, более радикальная модель. Именно на такой модели строится (строилось бы) утверждение о *существенном* признаке (в *строгом* смысле этого термина) контекста для права, наподобие тезиса, в настоящее время защищаемого Марком Хуньяди в сфере нравственной философии. Подобный подход имел бы большее значение, нежели просто рассмотренное выше расторжение договора: нечто вроде инверсии. Провозглашение фундаментальной контекстуальности права предполагает выход за рамки анализа, содержательно построенного на отождествлении контекста как окружающей среды и контекста права. Однако реализация заявленного возможна лишь одним путем: прекратить позиционировать контекст в качестве фона или, тем более, в виде совокупности юридически значимых обстоятельств, к которым право в значительной степени стремится прикоснуться. Базируясь на реализации вышеописанного пути решения поставленной задачи, теория права «в контексте» могла бы стать открытой для утверждения или признания конституирующей или даже первоначальной роли этого контекста (в зависимости от того, какая точка зрения принимается во внимание по отношению к нему). В рамках такой парадигмы контекст более не является внешним по отношению к праву; он является с ним единичным. Он больше не противопоставляется праву, более того: он становится его основополагающим принципом...

Таковой могла бы быть, на наш взгляд, сильная вариация контекстуальной теории права. И, стало быть, концепции права «в контексте». Этот подход имеет или мог бы иметь значительные достоинства. Во-первых, он позволяет существенно обновить объяснения эволюционного и релятивистского характера права, (пере)ориентируя взгляд исследователя на различные контексты (политический, идеологический, экономический, социальный...), которыми оно порождено. Во-вторых, – осознать и осмыслить многочисленные социальные взаимодействия, действующие в праве или в условиях, в которых это право применяется, – что, на наш взгляд, обязательно объединяет взаимодействие правовых или неправовых дискурсов. Таким образом, контекстуальный подход к праву мог бы подтвердить соображения, обоснованные разными точками зрения, предоставить им перспективу – новую гипотезу, тяготеющую к иному способу идентификации *субъективных прав*, выявления их сходства или совпадения и признания их антагонизма. Эта концепция должна считаться с некоторым релятивизмом, неизбежным образом проецируемым ею на право, при этом дестабилизируя его проведением через «истины», признаваемые незыблемыми, в чем сущностно и заключается ее основной теоретический вклад. Тем не менее такой релятивизм порождает и некоторые пределы практического применения данной концепции. В то время как перспектива постмодерна, которая ее вдохновляет, не вызывает у нас недовольства, поскольку она зачастую дает соответствующие объяснения для понимания некоторых преобразований нашего современного права, радикальный характер сильной версии, которую мы чуть выше обозначили, представляет (представлял бы) собой всепоглощающую ловушку – право в контексте (контекстах), из которого оно предположительно рождено, как будто бы взято из матрицы. И более того, увязывание его с парадигмой этого мира представляет собой простую задачу воспроизводства правовых норм, господствующих в определенном обществе и в определенный исторический момент. Таким образом, под угрозой утраты правом смысла обнаружится картина права, не имеющего собственной идентичности и отказывающегося от своей собственной (догматической) функции. Избежать такой ловушки, как нам представляется, позволит подход к праву «в контексте».

В заключение скажем, что подход к праву «в контексте» в теоретическом плане должен включать подход к праву «в тексте», поскольку он имеет самое фундаментальное значение. Игра слов? Не совсем. Контекстуальность не может существовать отдельно от текстуальности просто потому, что текстуальность составляет само ядро контекстуальности, по крайней мере в праве. Однако не является ли она, в сущности, первой и основополагающей формой выражения права?

Краткая библиография:

- Ch. EBERHARD, *Le droit au miroir des cultures. Pour une autre mondialisation*, Paris, L.G.D.J, 2ème éd., 2010.
- S. GOYARD-FABRE, *La textualité du droit. Étude formelle et enquête transcendantale*, coll. Humanités, Paris, Cerf, 2012.
- M. HUNYADI, *L'Homme en contexte. Essai de philosophie morale*, coll. Humanités, Paris, Cerf, 2012.
- Fr. OST, *Traduire. Défense et illustration du multilinguisme*, coll. Ouvertures, Paris, Fayard, 2009.
- PAPAUX, *Introduction à la philosophie du « droit en situation »*, coll. Quid juris?, Bruxelles – Paris – Lausanne, Bruylant – L.G.D.J – Schulthess, 2006.
- T. SACHS (dir.), *La volonté du salarié*, coll. Thèmes et commentaires, Actes, Paris, Dalloz, 2012.

Frédéric Géa,

Professor at the Faculty of Law, Nancy,
University of Lorraine (France)

Concise Reflections on the Identity and (Con)textuality of Law

Abstract. The paper considers law both as a legal expression of social changes in society and, also, as an active factor in stimulating such changes. In terms of the cause-effect relationship between law and social changes, the role of law is distinct in each case. However, due to the close interdependence of law and social relations, it is hard, and often futile, to establish these ties. In any case, one cannot reduce law to a kind of “chamber of registration” of social transformations. By positioning itself as a text in relation to those who contributed to its formation, the law can maintain its dialogic rationality, opening itself to the awareness of external circumstances, both their justification and application, entering into dialogic relations with other, more or less normative conceptual systems with which it coexists and maintains a heuristic connection (following the example of the concept of justice). At the same time, the law does not lose its humanity-based identity, which consists both in confronting the disorder manifested in the process of social change, and in revealing itself in the form of a picture of the world, the formation of which it contributes, to interpret these ideas and, thus, to preserve its external character in relation to them and in dialogue with them. The law cannot be considered outside the very different context of its existence and operation, so the article proposes a contextual approach to law: within such a paradigm, the context is no longer external to law; he is unanimous with him; it is no longer opposed to the law. Moreover, it becomes its fundamental principle. However, contextuality cannot exist separately from the textuality of law simply because the latter constitutes the very core of contextuality, at least in law.

Keywords: law; identity of law; normativity; conceptual system; dialogical relation; textuality of law; the law in context; contextuality of law

Проблемы обеспечения сочетания частных и публичных прав и законных интересов в условиях современных глобальных вызовов

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные публичные права человека, их ограничения в условиях пандемии COVID-19, а также связанные с этим вопросы пропорциональности и соразмерности. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства, усилении обеспечения сочетания публичных и частных прав, защиты интересов граждан в экстремальных условиях.

Ключевые слова: публичные, частные права; сочетание; совершенствование законодательства; глобальные вызовы

В настоящее время – в период стремительного развития общества – возникает ряд социальных вызовов: COVID-19; обеспечение защиты прав и законных интересов граждан в информационной сфере; возмещение вреда, причиненного в связи с климатическими изменениями, нарушениями экологического баланса и т. д. В решении названных и иных подобного рода проблем важное значение имеют не только государственно-политические, экономические, финансовые, медицинские, санитарно-технические и иные меры, но также свою роль призваны выполнять и нормативные установления, и иные правовые средства. В таких условиях от законодателя требуется максимальная собранность, быстрота и гибкость в регулировании общественных отношений с учетом складывающихся новых реалий.

В связи с этим в сфере правового регулирования много трудностей и проблем, о которых писал в свое время известный дореволюционный цивилист и историк права И. А. Покровский, сохраняют актуальность и в настоящее время: «Мы увидим в дальнейшем немало отступлений и ложных шагов современного законодательства. Но причины этих шагов двоякого рода. С одной стороны, они коренятся иногда в неправильных социально-этических предпосылках, а с другой стороны, иногда в неправильном подборе средств: сплошь и рядом к правильно поставленной цели пытаются идти неправильным путем» [5, с. 90].

В современных условиях, как представляется, при разрешении возникающих острых проблем в условиях глобальных социальных вызовов, у нас, к сожалению, имеют место разновидности обоих видов указанных недостатков, – связанных как с «социально-этическими предпосылками», так и с «неправильным подбором средств». Так, с начала возникновения пандемии COVID-19 в литературе, как отечественной [2; 10], так и зарубежной [12] достаточно активно обсуждалась связанная с этим проблематика. Примечательно, что некоторые авторы, в том числе специалисты, явно неадекватно осознавали глубину и масштабы опасности коронавирусной инфекции, полагая, что она представляет собой некоторое подобие обычных сезонных респираторных заболеваний, типа гриппа, и в связи с этим считали, что нет экстренной необходимости принимать какие-либо кардинальные меры, в том числе ограничительного характера. Однако в дальнейшем устойчивый рост заболеваний от коронавирусной инфекции, достигающий критических значений, во многих случаях с летальными исходами, опроверг такие представле-

* Михаил Николаевич Семякин, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).

ния, и органы власти начали принимать ряд ограничительных мер: обязательное ношение масок в общественных местах, дистанционное обучение в образовании, перевод на дистантную форму работы определенной части сотрудников организаций, вынужденные отпуска для работников ряда предприятий и т. д.

Конечно, Правительством Российской Федерации в связи с этим был издан целый ряд постановлений и распоряжений, направленных на обеспечение социальной поддержки соответствующих категорий граждан, компенсацию ущерба, причиненного малому и среднему бизнесу, и др. Однако на законодательном уровне возникла проблема, связанная с тем, что регулирование отношений, касающихся обеспечения здоровья граждан, относится к совместной компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а на федеральном уровне ряд из таких вопросов не был предусмотрительно урегулирован, и субъекты Российской Федерации, опережая федерального законодателя, были вынуждены к тому, чтобы принимать правовые акты, направленные на защиту прав и законных интересов граждан в условиях коронавирусной пандемии.

В частности, в таком «опережающем» порядке было принято постановление Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Московской области», устанавливающего обязанность жителей не покидать места своего проживания (пребывания), за исключением установленных случаев, что, по существу, ограничивает право граждан на свободу передвижения.

Однако данное постановление – положение подпункта 3 пункта 5 – Главы субъекта Российской Федерации Конституционный Суд РФ признал соответствующим Конституции Российской Федерации [6]. Высшая судебная инстанция при этом исходила из условий ограничения прав, закрепленных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации: а) наличие конституционно значимой цели; б) соблюдение требований пропорциональности и соразмерности ограничения; в) форма ограничения – федеральный закон. Конституционный Суд РФ основывался на том, что «жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация гражданских, экономических, социальных и иных прав становится во многом бессмысленна...» [7, с. 63].

Иного рода «неувязка», связанная с «выбором средств», возникла в Свердловской области, когда административные санкции за нарушение «масочного» режима сначала применялись на основе положения статьи 38 Закона Свердловской области «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области». Однако в дальнейшем Законодательное собрание Свердловской области данную статью признало утратившей силу, в результате чего вынесенные административные постановления о применении вышеуказанных санкций были лишены своей легитимности [3].

Конечно, это не означает, что в настоящее время отсутствует основание для применения административной ответственности за нарушение режима, связанного с обязанностью ношения гигиенических масок в общественных местах: оно установлено в новой норме, закрепленной в части 1 статьи 20.6.1 Федерального закона – Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ). Легитимность самого правового режима, касающегося обязательного ношения гигиенических масок для защиты органов дыхания в местах массового пребывания людей (в общественном транспорте, такси, на парковках, в лифтах), подтверждена и в решении Верховного Суда РФ от 25 января 2021 г. № АКПИ20-862 «Об отказе в иске о признании недействующим пункта 1 постановления Главного государ-

ственного врача РФ от 16 октября 2020 № 31 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19 в период сезонного подъема заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями и гриппом»» [4].

Применительно к вышеприведенным ситуациям «выбор средств», направленных на защиту жизни и здоровья граждан в условиях распространения пандемии и связанных с соответствующим ограничением их прав, относится, по общему правилу, к дискреции федерального законодателя. Однако органы государственной власти субъектов Российской Федерации были вынуждены действовать «упреждающе» – в отсутствие федерального правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни и здоровью людей.

Вопросы прав человека, их ограничения сейчас актуальны не только в контексте борьбы с пандемией COVID-19, но также и в ряде иных направлений, в частности касающихся свободы права на информацию, свободы слова и т. п. Так, по требованию Роскомнадзора был заблокирован ряд сайтов, в том числе во время выборов в Госдуму РФ Telegram заблокировал бот «Умное голосование», а YouTube – видео с «рекомендациями» оппозиции по голосованию и т. д.

В связи с этим в соцсетях началось бурное высказывание различных мнений, в том числе и таких, что указанные действия рассматривались как нарушение прав человека на свободу информации, свободу слова. В этом контексте возникает вопрос: можно ли указанные действия квалифицировать как нарушение прав на свободу мысли и слова, свободу производить и распространять информацию (ст. 29 Конституции РФ)? Думается, что нет. И здесь, как представляется, необходимо обратить внимание на следующее.

Во-первых, в соответствии с положением пункта 3 статьи 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо, в том числе в целях защиты основ конституционного строя, здоровья граждан, прав и законных интересов других лиц и т. д. С учетом этого можно отметить, что меры, предусмотренные законодательством, регулирующие отношения в условиях пандемии COVID-19, а также связанные с созданием и распространением информации, в том числе сопряженные с ограничением прав граждан, преследуют конституционно значимые цели и направлены соответственно на обеспечение жизни и здоровья людей, прав и законных интересов граждан в информационной сфере.

Во-вторых, согласно российскому правопорядку, признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также положениями Конституции РФ. При этом, безусловно, не должны нарушаться предписания установленного законодательства, в том числе касающиеся ограничения прав, направленные на обеспечение жизни и здоровья граждан в экстремальных условиях пандемии COVID-19 и других конституционно значимых целей. В противном случае говорить о правах человека, их правовом обеспечении и т. п. не представляется возможным.

Однако, как показывает практика, нередко некоторые граждане грубым образом нарушают требования действующего законодательства и вместе с тем ссылаются на то, что нарушаются их конституционные права, и требуют их правовой защиты. Это, в частности, касается так называемых ковид-диссидентов, а также ряда представителей «оппозиции», которые во время выборов в Госдуму РФ в нарушение требований законодательства, в том числе касающихся того, что проведение предвыборной агитации в день голосования и в предшествующий ему день запрещено [9], тем не менее совершали такие действия.

В-третьих, в соответствии с положением пункта 3 статьи 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Это означает, что любой человек, осуществляя свои субъективные права и свободы, может действовать лишь в рамках, обозначающих эти права и свободы. И, следовательно, выход за указанные пределы уже не может рассматриваться как осуществление указанного субъективного права, а может и должен квалифицироваться как «обычное» противоправное действие (в соответствующих случаях – уголовное деяние) со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными правовыми последствиями. Иначе говоря, права и свободы человека «заканчиваются» там, где «начинаются» права и свободы другого человека.

Причем выход за пределы вышеуказанного субъективного права – как противоправное действие (деяние) – необходимо отличать от иной специфической формы правонарушения – злоупотребления правом человека. Этот последний «феномен» характеризуется тем, что формально не нарушает предписания закона (действует формально правомерно), однако в результате этого преследуется цель противная закону, нежелательная для правопорядка и т. п., что должно влечь наступление такого последствия, как отказ в защите права.

Указанные выше права человека, их ограничения тесным образом связаны и взаимодействуют с частноправовой сферой, нередко взаимно проникая друг в друга [8, с. 160]. По мысли С. С. Алексеева, обозначение подсистем частного и публичного права как элементов в системе права – это, прежде всего, деление концептуального порядка [1, с. 344]. Поэтому в ряде случаев провести четкую границу между публичным и частным правом становится достаточно сложно.

Публичные правоположения в преобразованном виде часто закрепляются в иной – частноправовой – сфере (например, в Гражданском кодексе РФ) и регулируют частные отношения субъектов. Такие правоположения, приобретая частноправовой «статус», вместе с тем сохраняют свою публично-правовую субстанциональную сущность (исходную природу).

Примечательно, во французской правовой системе авторы отмечают, что «права человека занимают... первое место в совокупности отраслей частного права, учитывая и то, что они относятся также и к праву публичному» [13, р. 92]. По словам Даниэля Манги, некоторые публичные свободы и права человека относятся не более к публичному праву, чем к частному [8, с. 164].

Конституционно значимая цель ограничения вышеобозначенных публичных прав, особенно с учетом разъяснений Конституционного Суда РФ, вряд ли может вызывать сомнения. Однако, что касается пропорциональности и соразмерности таких ограничений в сопряжении их с частными правами, то здесь возникает ряд вопросов, которые требуют как их теоретического обсуждения, так и законодательного разрешения.

Здесь представляется возможным обратить внимание лишь на некоторые из них. Так, компания Inter IKEA – всемирный франчайзер бренда – предупредила, что будет вынуждена повысить цены на свои товары впервые с 2019 года из-за проблем с поставками и увеличившимися затратами, что вызвано публичными ограничениями, связанными с пандемией COVID-19 [11].

Малый и средний бизнес также несет значительные убытки, обусловленные введением различных публичных ограничительных мер – вынужденного временного прекращения работы, установления QR-кодов, перевода части сотрудников на удаленный режим работы, ограничений обслуживания граждан в ряде организаций общественного питания (торговля только на «вынос») и др.

Такого рода убытки, возникающие у субъектов частноправовых отношений, на сегодняшний день, несмотря на принятый Правительством РФ ряд правовых актов, частично покрываются благодаря, в значительной мере, «ручному» управ-

лению в указанном направлении. Однако, думается, такие вопросы носят не единоразовый характер, поскольку, как показывает практика, они спонтанно возникают в обществе и – более того – приобретают глобальный характер, что обуславливает необходимость их разрешения на законодательном уровне – в виде специального («именного») закона.

В настоящее время в Государственной Думе РФ обсуждается вопрос о распространении геномной регистрации на всех граждан Российской Федерации, что, безусловно, серьезным образом затрагивает частноправовую сферу – тайну частной жизни человека, недопустимость необоснованного вмешательства в частную жизнь индивида. Все это требует глубокой законодательной проработки с точки зрения пропорциональности и сбалансированности такого «вмешательства» в частную жизнь, обеспечения прав и законных интересов граждан в указанной сфере.

Нуждается в научном обсуждении и проблема, касающаяся привлечения не только к публично-правовой, но также и к гражданско-правовой ответственности – возмещения причиненного вреда (убытков) – лечебным учреждениям, а также гражданам лицами – носителями инфекции COVID-19, которые умышленно уклонились от вакцинирования, приобретя поддельный QR-код, медицинскую справку о вакцинации и т. п.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что лечение одного тяжелообольного COVID-19 обходится, в конечном счете, бюджету в 500 тыс. руб. А если в результате действия (бездействия) такого лица оказался инфицированным COVID-19 другой гражданин, которому может быть в связи с этим причинен вред его жизни или здоровью, то на сегодняшний день также оказывается крайне проблематичным возмещение такого вреда (убытков).

В заключение можно сделать общий вывод о том, что действующее российское законодательство нуждается в ряде существенных изменений, дополнений и нововведений с учетом современных социальных вызовов, необходимости адекватного правового реагирования на них. Ограничения публичных прав человека при наличии конституционно значимых целей должны более тесно увязываться с проблемами обеспечения их пропорциональности и соразмерности, усиления охраны и защиты частных прав и законных интересов граждан в экстремальных условиях.

Литература

1. Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7 : Философия права и теория права. – М. : Статут, 2010.
2. Васяев А. А. Ограничение прав человека в России в период пандемии вируса COVID-19 // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 7. – С. 156–161.
3. Мякишева Ю. На Среднем Урале отменили местные штрафы за нарушение масочного режима [Электронный ресурс] // Российская газета. – 04.08.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/08/04/reg-urfo/na-srednem-urale-otmenili-mestnye-shtrafy-za-narushenie-masochnogo-rezhima.html> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.11.2021).
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М. : Статут, 1998.
6. Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202005190001> (дата обращения: 04.11.2021).

7. Руденко В. В. К вопросу об ограничении прав человека актами субъектов Российской Федерации в период распространения новой коронавирусной инфекции: комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 3 (34). – С. 62–68.

8. Семитко А. П. Дихотомия частное – публичное право: сравнительный анализ идей // Публичное/частное в современной цивилизации : сб. науч. тр. XXII российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 16–17 апреля 2020 года) / ред. Л. А. Закс [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. – С. 158–168. – DOI 10.35853/UfH-Public/Private-2020-21.

9. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (п. 3 ст. 49) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система (дата обращения: 06.11.2021).

10. Черепанов В. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина законами субъектов Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решений // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 46–52.

11. Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу» [Электронный ресурс]. – URL: <http://electronic.ruzh.org/> (дата обращения: 06.11.2021).

12. Lyons A., Davis M., Kjaerum M. COVID-19 and Human Rights. – Taylor and Francis, 2021. – 348 p.

13. Roland H., Boyer L. Introduction au droit. – Paris : Litec, 2002.

Mikhail Nikolaevich Semyakin,

Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Department of Scientific Research, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Problems of Balancing Private and Public Rights and Legitimate Interests in the Face of Today's Global Challenges

Abstract. The article considers individual public rights, their limitations due to the COVID-19 pandemic, as well as related issues of proportionality and proportionality. The author emphasizes the need to improve legislation, to strengthen the combination of public and private rights, to protect the interests of citizens in extreme conditions.

Keywords: public, private rights; combination; improvement of legislation; global challenges

Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом

Аннотация. Принцип правовой определенности, получивший свое обоснование в практике Конституционного Суда РФ, неоднократно упоминается вместе с принципом равенства всех перед законом и судом. В этом смысле вызывает научный интерес раскрытие соотношения данных принципов и уточнение их взаимосвязи. В результате исследования сделан вывод о том, что принцип правовой определенности и принцип равенства всех перед законом и судом взаимосвязаны и взаимообусловлены, в процессе правоприменения коллизия между ними невозможна, а нарушение одного из них всегда влечет нарушение другого.

Ключевые слова: принцип правовой определенности; принцип равенства всех перед законом и судом; общеправовой принцип; специально-юридический принцип; определенность нормы права

В своих многочисленных постановлениях Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что принцип правовой определенности вытекает из принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленного частью 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации [4]. Оба они являются фундаментальными общеправовыми принципами, распространяются на всю систему правового регулирования, на все отрасли права.

Содержание принципа правовой определенности образует совокупность его требований, к которым относятся: ясность, точность, недвусмысленность и непротиворечивость норм права и индивидуально-властных предписаний, четкость порядка действия нормативного правового акта, стабильность правоотношений, устойчивость правоприменительных актов и актов реализации права.

Из перечисленных требований определенность нормы права является основным, поскольку от ее ясного, точного, недвусмысленного и непротиворечивого содержания во многом зависит как четкое функционирование всего механизма правового регулирования, так и обеспечение равенства субъектов права.

Идея равноправия является фундаментальной для Конституции РФ, в преамбуле которой говорится следующее: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов... принимаем Конституцию Российской Федерации». Эта идея, кроме того, проходит «красной нитью» в различных положениях Конституции России. Так, ст. 5 устанавливает равноправие субъектов Российской Федерации в отношениях друг с другом и в отношениях с федеральными органами государственной власти. В ч. 2 ст. 8 Конституции говорится, что все формы собственности признаются равными и защищаются «равным образом».

Формулировка «все равны перед законом и судом» ч. 1 ст. 19 Конституции РФ означает, что данный принцип распространяется в одинаковой мере как на физические, так и на юридические лица. При этом Конституционный Суд РФ уточняет, что «принцип равенства перед законом и судом гарантирует одинаковые права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает возможность установления различных условий, например касательно привлечения к

* Екатерина Александровна Дербышева, магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры прав человека юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

ответственности, для различных категорий субъектов права. Подобные различия не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов» [5].

Распространяясь в одинаковой мере на всех субъектов, требование равенства касается всех их прав и свобод, а также обязанностей, закрепленных во второй главе Конституции России. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие формулировки Основного закона: «каждый имеет право» (ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 22, ст. 23, ч. 2 ст. 26, ч. 4 ст. 29 и др.), «никто не обязан», «никто не может» (ч. 3 ст. 29, ч. 2 ст. 30, ч. 1 ст. 50, ч. 1 ст. 51 и др.).

Принцип равенства всех перед законом и судом состоит из двух частей, которые, по мнению Конституционного Суда РФ, представляют собой «относительно самостоятельные конституционно-правовые императивы» [2, с. 186].

Речь идет о равенстве перед законом и равенстве перед судом соответственно. В теории права «равенство граждан перед законом» рассматривается как более широкое понятие, первичное по отношению к «равенству граждан перед судом». Это вполне закономерно, поскольку законами регулируются все сферы жизнедеятельности общества, включая и сферу правосудия [3, с. 13].

В практике Конституционного Суда РФ принцип равенства реализуется в нескольких аспектах. Во-первых, равенство подразумевает запрет какой-либо дискриминации по отношению к людям, принадлежащим к одной категории, группе. Конституционный Суд РФ отмечает, что «любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в том числе вытекающим из закрепленного ею принципа равенства (ст. 19), в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. В свою очередь, соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет на введение таких ограничений в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях)» [6].

Во-вторых, равенство предполагает, что закон в равной степени защищает всех граждан и любые их объединения (созданные, разумеется, в целях, не противоречащих закону). Например, речь идет о гарантиях любым лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, права на равенство перед законом и на равную защиту со стороны закона [10].

Лежащий в основе реализации пассивного избирательного права принцип равенства означает, прежде всего, равную защиту закона без всякой дискриминации в ходе выборов [8].

По словам судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря (судья в отставке с 1 ноября 2020 г.), конституционное требование равенства всех перед законом в позитивном представительно-обязывающем плане включает в себя следующее: а) закрепление за всеми гражданами равного объема прав и свобод во всех сферах жизни; б) закрепление равных для всех граждан возможностей реализации соответствующих прав и свобод, включая равный, одинаковый процессуальный порядок их осуществления; в) закрепление равенства в способах защиты, а также восстановления нарушенных прав и свобод; г) равенство для всех граждан юридических обязанностей и закрепление в законодательстве равных, одинаковых для всех оснований юридической ответственности [1, с. 150].

Принцип равенства перед судом, составляющий вторую часть общего принципа равенства, неоднократно рассматривался Конституционным Судом РФ.

В совокупности с правом каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и принципом осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон принцип равенства перед судом предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости [7].

Говоря о закреплении равных прав и свобод, порядка их реализации и защиты, равных обязанностей и ответственности, подразумевается их фиксация в нормативных правовых актах. Конституционным Судом РФ сформулирована правовая позиция, согласно которой соблюдение принципа равенства перед законом и судом обеспечивается при условии определенности, ясности, недвусмысленности содержания правовой нормы, благодаря единообразному пониманию и толкованию нормы всеми правоприменителями [9].

Таким образом, все перечисленные аспекты принципа равенства обеспечиваются за счет определенности правовой нормы как ключевого требования принципа правовой определенности. Ясность предполагает адекватное восприятие смысла правовой нормы всеми субъектами права; точность означает строгое соответствие формулировок нормы права устоявшимся юридическим понятиям, терминам, конструкциям; недвусмысленность подразумевает полноту и конкретность содержания нормы права, а непротиворечивость предполагает ее согласованность с системой действующего правового регулирования (т. е. отсутствие коллизий).

Возможна ли ситуация, при которой принцип правовой определенности будет конкурировать с принципом равенства? Ответ на поставленный вопрос может быть лишь отрицательным, поскольку невозможно отдать предпочтение какому-то одному из этих принципов в ущерб другому. В основе принципа равенства лежит одна из фундаментальных общечеловеческих и универсальных идей. Данный принцип, наряду со справедливостью и гуманизмом, относится к общеправовым морально-нравственным принципам права. В то время как принцип правовой определенности является специально-юридическим принципом, его условно можно назвать одним из важнейших инструментов, благодаря которому реализуется принцип равенства. Нарушение принципа правовой определенности в аспекте определенности нормы права всегда влечет нарушение принципа равенства. В свою очередь, нарушение принципа равенства, заключающееся в отсутствии какого-либо из его аспектов, будет подрывать чувство уверенности и защищенности субъектов правоотношений и, следовательно, являться недостатком, упущением в правовом регулировании, что будет влиять и на правовую определенность как его результат.

В качестве общего вывода следует заключить, что принцип правовой определенности создает необходимую и прочную основу для реализации и соблюдения принципа равенства перед законом и судом. Исследуемые принципы очень тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, в процессе правоприменения коллизия между ними невозможна, а нарушение одного из них всегда влечет нарушение другого.

Литература

1. Бондарь Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1996. – 240 с.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М. : Норма : Инфра-М, 2013. – 1040 с.

3. Магомедова П. Р. Конституционный принцип равенства перед законом и судом в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Магомедова Патимат Расуловна. – М., 2015. – 26 с.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П // Рос. газ. – 2016. – 27 января (№ 15).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П // Рос. газ. – 2001. – 06 июня (№ 107).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.04.2007 № 5-П // Рос. газ. – 2007. – 11 апр. (№ 75).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П // Рос. газ. – 2012. – 16 марта (№ 58).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2014 № 33-П // Рос. газ. – 2014. – 24 дек. (№ 293).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П // Рос. газ. – 1995. – 05 мая (№ 87).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.03.2004 № 5-П // Рос. газ. – 2004. – 16 марта (№ 52).

Ekaterina Aleksandrovna Derbysheva,

MA (Law), Senior Lecturer at Human Rights chair,
Legal Department of Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

A Balance between the Principle of Legal Certainty and the Principle of Equality of All before the Law and the Court

Abstract. The principle of legal certainty, which has received its justification in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, is repeatedly mentioned alongside the principle of equality of all before the law and the court. In this sense, it is of scientific interest to disclose the relationship of these principles and clarify their relationship. The study concluded that these principles are interrelated and mutually agreed upon, a conflict between them is impossible in the process of law enforcement, and violation of one of them always leads to violation of the other.

Keywords: the principle of legal certainty; the principle of equality of all before the law and the court; the general legal principle; the specific legal principle; the certainty of the rule of law

Права и свободы как ценность в практике Конституционного Суда Российской Федерации в контексте концепции устойчивого развития

Аннотация. Долгосрочные цели устойчивого развития на глобальном и национальном уровнях получают нормативное закрепление как в программных документах, так и в нормах Конституции РФ. В статье рассматривается вопрос о том, как реализация признанных на международном и конституционном уровне ценностей – прав и свобод человека находится во взаимосвязи с защитой окружающей среды от климатических изменений, вызванных деятельностью человека и глобальными процессами. Автор подчеркивает, что особая роль Конституционного Суда РФ в сфере защиты конституционных ценностей в контексте устойчивого развития обусловлена его компетенцией – поиском баланса частных и публичных интересов при рассмотрении дел о конституционности нормативных правовых актов. Анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о комплексном подходе к защите таких ценностей, как экологическая безопасность, здоровье граждан, достоинство человека, сохранение природы, при котором социальные права гражданина (воплощают частный интерес) должны быть эффективно восстановлены в случаях нарушения экологического законодательства, а на публичную власть возлагаются конституционные обязательства по защите окружающей среды в общественных интересах.

Ключевые слова: конституционные ценности; устойчивое развитие; Конституционный Суд Российской Федерации

В современном мире в условиях глобальных климатических изменений и продолжающейся пандемии реализация целей устойчивого развития приобретает актуальность, особенно в контексте защиты прав и свобод человека. Можно согласиться с высказываемым учеными мнением о том, что ситуация в области окружающей среды и охраны здоровья свидетельствует о необходимости принятия государствами дальнейших мер по ослаблению негативных воздействий окружающей среды на здоровье человека, а также по ее улучшению [4, с. 62–63]. Разработанные Генеральной Ассамблеей ООН международные стандарты, закрепленные в резолюциях и декларациях, определяют концепцию устойчивого развития как обеспечение такого развития, при котором удовлетворяются потребности нынешнего и будущего поколений при условии достижения экономического, социального прогресса и охраны окружающей среды. ООН призывает все государства приложить усилия для содействия устойчивому развитию, поскольку такая деятельность оказывает влияние на права и свободы, обеспечивает их существенный признак – всеобщность. Реализация признанных на международном уровне ценностей – гражданских, экономических, социальных прав и свобод находится в тесной взаимосвязи с защитой окружающей среды от климатических изменений. Необходимо отметить, что в отличие от международного, конституционный аспект реализации целей устойчивого развития в российском правовом поле недостаточно изучен и требует рассмотрения через призму современного правового

* **Евгения Вячеславовна Герасимова**, канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой международного и европейского права, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград).

E-mail: e.gerasimova@mail.ru

регулирования (прежде всего в ракурсе внесенных в Конституцию РФ изменений в 2020 году) и последней практики Конституционного Суда РФ.

Цели развития Российского государства в направлении достижения устойчивого развития были непосредственно сформулированы в Указе Президента РФ от 01 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», который закрепил «необходимость решения проблем социально-экономического развития страны и сохранения благоприятной окружающей среды, природно-ресурсного потенциала, удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений людей»¹. Конституция РФ, безусловно, является базой для реализации концепции устойчивого развития, поскольку уже в преамбуле провозглашает ценностные ориентиры: обеспечение преемственности поколений, достижение благополучия и процветания России. Удовлетворение целей социального, экономического прогресса и охрана окружающей среды обеспечиваются конституционными принципами и правами в главах первой и второй Конституции РФ, неизменными с момента ее принятия.

Как отмечают ученые, конституционные стандарты социального, экономического и экологического благополучия были повышены после принятия поправок в Конституцию РФ в 2020 году [6, с. 14–16]. Так, ориентиры экологически устойчивого развития были закреплены в статье 114 п. «е.5»: необходимость создания благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижения негативного воздействия различных субъектов на окружающую среду.

Также одной из новелл Конституции РФ является статья 75.1, которая фактически воплощает цели устойчивого развития: устойчивый экономический рост страны, экономическую, социальную солидарность, повышение благосостояния граждан. Как отмечает М. С. Саликов, новый этап развития Конституции РФ ознаменовался закреплением после принятия поправок целого ряда конституционных ценностей, к которым относятся перечисленные в статье 75.1, а также, например, уникальное природное и биологическое разнообразие страны, преемственность в развитии, солидарность поколений [5, с. 65–66]. Таким образом, достижение целей устойчивого развития получило форму конституционных стандартов. Оценивая данные конституционные новеллы, можно отметить их прогрессивный характер, соответствие международным стандартам устойчивого развития. С другой стороны, эти ценности нашли воплощение в нормах – целях, что повышает их идеологический потенциал, но в то же время их достижение зависит от действий целого ряда органов публичной власти, что впоследствии может привести к провозглашению их декларативными.

После конституционной реформы 2020 года цели устойчивого развития также получили статус национальных целей государства, которые закреплены в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»² и иных правовых актах. Следует подчеркнуть, что их содержание корреспондирует провозглашенным ООН целям устойчивого развития.

Как показывает правовой анализ, в настоящее время цели устойчивого развития получили достаточно полное правовое регулирование на самом высоком – конституционном – уровне. Национальное регулирование соответствует международным стандартам, а реализация конституционных прав (личных, социальных, экономических) рассматривается в единстве и взаимосвязи с ценностями экологического благополучия и обеспечения государством благоприятных условий жизнедеятельности населения.

¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/9017665> (дата обращения: 28.10.2021).

² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 28.10.2021).

Особое значение для защиты конституционных ценностей в контексте устойчивого развития имеет деятельность органов судебной власти. Так, В. М. Лебедев отмечает направляющую роль Верховного Суда РФ, который указал, что суды при рассмотрении дел, связанных с вопросами окружающей среды, должны соблюдать баланс между экологическими и социально-экономическими потребностями общества, исходить из «принципа сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды» [3, с. 2–3].

Полагаем, что помимо судов общей юрисдикции, арбитражных судов РФ в вопросе защиты прав и свобод как ценностей в контексте повестки устойчивого развития в силу специфики полномочий – поиска баланса между публичными и частными интересами при рассмотрении дел о проверке конституционности нормативных правовых актов – Конституционный Суд Российской Федерации занимает исключительное место.

В первую очередь стоит отметить, что в рамках достижения целей устойчивого развития – социального, экономического благополучия и охраны окружающей среды затрагивается широкий круг конституционных ценностей. В таком случае можно утверждать, что объектом защиты Конституционным Судом РФ станут личные (статья 21 часть 1), социальные (статьи 39, 40, 41) экономические (статья 36), экологические (статья 42) права и свободы, которые судом будут рассматриваться в единстве с принципами, составляющими основы конституционного строя. Так, ученые отмечают, что при рассмотрении дел, направленных на защиту социально-экономических прав на землю, Конституционный Суд РФ трактует норму о земле как основе жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации (статья 9), вкуче с социально-экономическими правами как основой для установления и реализации права частной собственности на землю (статья 36 Конституции РФ) [1, с. 63–64].

Такой комплексный подход к правам и свободам сформировался в практике Конституционного Суда РФ достаточно давно. В Определении от 15 февраля 2005 г. № 17-О³ суд высказался об универсальности такой ценности, как «достоинство личности», которое должно признаваться во всех сферах правового регулирования, в том числе при рассмотрении дел о защите социальных прав и проверке конституционности законодательства о пенсиях.

Также Конституционный Суд РФ в своей практике уже рассматривал дела о социальной защите и компенсациях гражданам, подвергшимся радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (десять постановлений за период с 1997-го по 2018 г.).

Как отмечают ученые, изучающие зарубежный опыт, конституционные суды уже сталкиваются с резонансными «климатическими» делами, однако Конституционный Суд РФ пока таких дел не рассматривал [2, с. 34–36]. В то же время за последние несколько лет суд сформулировал несколько правовых позиций, которые касаются защиты ценностей в контексте целей устойчивого развития.

Так, стоит отметить значение Постановления Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 № 2-П⁴. Цели устойчивого развития в условиях федеративного государства должны реализовываться на всех уровнях, поэтому была принята федеральная программа, направленная на устойчивое развитие сельских территорий, повышение уровня жизни местного населения и предоставлявшая гражданам социальную выплату на строительство (приобретение) жилья.

³ URL: <https://rg.ru/2005/04/20/pensia-sud-dok.html> (дата обращения: 28.10.2021).

⁴ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001170002> (дата обращения: 28.10.2021).

Заявительница оспаривала конституционность ряда норм Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья, так как судами при толковании нормы не допускалась возможность применения различных вариантов урегулирования ситуации в случае объективной невозможности исполнить ее предписание в срок по независящим от заявительницы причинам. Конституционный Суд РФ указал, что типовое положение было направлено на предоставление мер социальной поддержки гражданам, избравшим место жительства в сельской местности; суды при рассмотрении таких дел должны воздерживаться от формального подхода к отправлению правосудия, и положение граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, не может ухудшаться. Таким образом, суд подчеркнул необходимость обеспечения устойчивого развития сельских территорий и гарантий социальных прав (статья 40 Конституции РФ) добросовестных получателей социальных выплат.

Следующий пример из практики Конституционного Суда РФ касается защиты прав коренных малочисленных народов. В Постановлении от 5 июля 2021 г. № 32-П Конституционный Суд РФ анализировал вопрос о праве на охоту в целях ведения традиционного образа жизни представителей коренного малочисленного народа⁵.

Подчеркнем, что на фоне глобальных изменений климата сообщества коренных малочисленных народов могут рассматриваться как особо уязвимая группа населения. Конституционный Суд РФ в мотивировочной части своего решения ссылается на принятую Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 года, и отмечает, что «сложные климатические условия, уязвимость традиционного образа жизни и малочисленность этих народов требуют особой государственной политики в отношении их устойчивого развития, предусматривающей системные меры по сохранению их самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания». Анализ данного решения позволяет выделить защищаемые судом конституционные ценности: природное и биологическое многообразие, природное богатство, землю и природные ресурсы, животный мир. Как мы видим, носителем прав и свобод в рассматриваемом деле является представитель коренного малочисленного народа, поэтому следует отметить, что при реализации концепции устойчивого развития может быть выделена группа населения, обладающая особой уязвимостью из-за ведения традиционного образа жизни в местах традиционного проживания, и наделенная определенными связанными с образом жизни ценностями.

Большое значение для темы исследования имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ, содержащаяся в Постановлении от 29 сентября 2021 г. № 42-П⁶. В данном деле суд применил аргументацию о поиске баланса частных и публичных интересов, указав, что регулирование и защита права на занятие предпринимательской деятельностью должны соотноситься с интересами граждан и общества в целом, включая потребность в благоприятной окружающей среде. Суд подчеркнул, что публичные интересы имеют приоритет в сфере защиты окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и здоровье граждан являются конституционно защищаемыми ценностями, а публичная власть несет конституционную ответственность за сохранение природы и обязана обеспечить защиту экологических прав.

⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107070021> (дата обращения: 28.10.2021).

⁶ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110010004> (дата обращения: 28.10.2021).

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Цели устойчивого развития закреплены как на уровне ООН, так и на национальном уровне. Правовое регулирование РФ в сфере устойчивого развития является достаточно полным. Особое значение в вопросе совершенствования правового регулирования имеют новеллы Конституции РФ, которые закрепили отдельные конституционные ценности: экологическое благополучие, устойчивое экономическое развитие, социальную солидарность, солидарность поколений, снижение негативного воздействия на окружающую среду и другие.

Правовой анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации по данной категории дел позволяет сделать вывод о выработке к настоящему времени правовых позиций по защите таких ценностей, как экологическая безопасность, здоровье граждан, достоинство человека, сохранение природы.

Спецификой правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации можно назвать комплексный подход к защите конституционно значимых ценностей: достоинство личности должно гарантироваться в делах о социальной защите в случае нарушения экологической безопасности, а публичная власть должна обеспечить минимизацию экологических рисков и нести конституционную ответственность за сохранение природы. Также особое внимание Конституционный Суд РФ в своей практике уделял правам и свободам лиц, в отношении которых приняты отдельные нормативные акты о реализации в отношении них концепции устойчивого развития (например, граждане, проживающие в сельской местности; представители коренных малочисленных народов).

Литература

1. Аверьянова Н. Н. Земля как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 59–64.
2. Кузнецов Д. А. Дело «Urgenda»: проблема разделения властей в контексте имплементации экологических обязательств государств // Журнал конституционного правосудия. – 2021. – № 4 (82). – С. 30–39.
3. Лебедев В. М. Принципы рассмотрения дел, связанных с вопросами охраны окружающей среды // Российская юстиция. – 2021. – № 6. – С. 2–5.
4. Павликов С. Г. Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия в России: требование Конституции Российской Федерации и реалии мирового сообщества // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – С. 61–65.
5. Саликов М. С., Гончаров М. В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1. – С. 60–68.
6. Харьков В. Н. Проблемы развития экологического и природоресурсного законодательства Российской Федерации в контексте модернизации функционирования публичной власти // Экологическое право. – 2021. – № 1. – С. 14–18.

Evgeniya Vyacheslavovna Gerasimova,

Cand. Sci (Law), Head of the Chair for International and European Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Rights and Freedoms as a Value in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Context of the Concept of Sustainable Development

Abstract. Long-term goals of sustainable development at the global and national levels receive normative consolidation both in program documents and in articles of the Constitution of the Russian Federation dedicated to human rights and freedoms. The paper examines how the implementation of internationally and constitutionally recognized values - human rights and freedoms are interconnected with protecting the environment from climate change caused by human

activities and global processes. The author emphasizes that the specific role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of protection of constitutional values in the context of sustainable development is due to the competence of the court - to find a balance of private and public interests when considering cases on the constitutionality of normative legal acts. An analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation allows us to conclude that an integrated approach to the protection of such values as environmental safety, the health of citizens, human dignity, and nature conservation is necessary. The social rights of a citizen (that represent a private interest) must be effectively restored in cases of violation of environmental legislation, and the public authority has constitutional obligations to protect the environment (that represent a public interest).

Keywords: constitutional values; sustainable development; Constitutional Court of the Russian Federation

Противоречивость российского конституционного законодательства

Аннотация. Устранение разделения властей в России создает условия для формирования противоречивого конституционного законодательства. Противоречивой является сама Конституция РФ, особенно после принятия поправок в 2020 г. Большое количество противоречий содержится между нормами Конституции и законами. Конституция декларирует демократию. Законы вводят авторитарный режим. Вместо республики законы обеспечивают возникновение монархии. Федеративные отношения подменяются имперскими. Высшая ценность человека подменяется высшей ценностью государства.

Ключевые слова: конституционное законодательство; конституция; законы; противоречия между нормами права

Под конституционным законодательством в данном случае понимается совокупность нормативных актов, содержащих нормы конституционного права. К ним относятся Конституция РФ, законы Федерации и субъектов Федерации, подзаконные акты.

Теория права и нормы Конституции РФ требуют непротиворечивости конституционного законодательства. Нормы всех глав Конституции РФ должны соответствовать требованиям основ конституционного строя (гл. 1). Все законы страны должны соответствовать Конституции РФ. Подзаконные акты должны соответствовать законам и Конституции. Однако Конституция РФ предъявляет слишком большие требования к Российскому государству, которое не может и не хочет их выполнять. Оно систематически издает законы, которые противоречат требованиям норм Конституции РФ. Механизм государства нацеливается не на выполнение норм Конституции РФ, а на их нейтрализацию. Органы государства, созданные для охраны Конституции РФ, направляют свои усилия на то, чтобы исказить значение норм Конституции и доказать, что никаких отступлений от нее в законодательстве нет. Они подгоняют толкование Конституции РФ под потребности правящего класса, выраженные в законах.

Для поддержания противоречивого характера законодательства устраняется разделение властей, все органы власти подчиняются верховной власти Правительства. Одни органы власти под руководством Правительства принимают законы, не соответствующие Конституции, а другие делают вид, что не замечают противоречия между нормами Конституции и законов. Так, в своем Постановлении от 7 июня 2000 г. [43] Конституционный Суд РФ признал законы, устранившие суверенные права субъектов Федерации, не противоречащими Конституции РФ.

Известно, что принцип права, в отличие от конкретной нормы, – это абстрактное требование. Однако законодатели приняли ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» [20] и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» [19] и наполнили эти нормативные акты нормами конкретного содержания.

* Сергей Алексеевич Денисов, канд. юрид. наук, доцент кафедры прав человека юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: Sa-denisov@yandex.ru

Основное противоречие российского законодательства лежит между нормами Конституции РФ и законами. Подзаконные акты издаются на основании неконституционных законов без нарушения принципа законности. Нарушается принцип конституционности законодательства и принцип конституционной законности. Нетрудно обнаружить противоречия и в самой Конституции РФ между основами конституционного строя и рядом статей, содержащихся в иных главах документа. Ст. 1 Конституции РФ указывает, что Россия должна иметь республиканскую форму правления, а ст. 81 вводит в стране пожизненное монархическое правление. Ст. 10 Конституции требует введения разделения властей и обеспечения самостоятельности всех ветвей власти. Статьи иных глав Конституции позволяют подчинить все органы государства верховной власти Правительства, который называется Президентом России. Нормы Конституции открыто устраняют самостоятельность Правительства, палат Федерального Собрания и судебных органов, вводят зависимость их от верховной власти Правительства, позволяя ему наполнять эти органы лично преданными ему людьми. Ряд норм Конституции РФ позволяют заменить федеративные отношения, провозглашенные в главе 1 Конституции (ст. 1, 5, 11), имперскими отношениями между центром и провинциями. Противоречивость норм Конституции РФ еще более усилилась после принятия поправок к ней в 2020 г. [7, с. 116–123].

Противоречивость конституционного законодательства является традиционной для России. Конституционный акт всегда был в ней всего лишь идеологическим документом, средством имитации конституционного строя. Противоречивость законодательства является особенностью правовой культуры всех «догоняющих» стран. С помощью декларации норм в конституционных актах они делают вид, что модернизировались, превратились в современные государства. Они не хотят признать свою отсталость, наличие у них средневековых свойств.

Все «догоняющие» страны создают механизм нейтрализации конституционных норм с помощью норм законов и подзаконных актов [6, с. 2–8]. Типичным предлогом для издания неконституционных норм является защита каких-то конституционных ценностей. В задачи служилой интеллигенции и бюрократии входит доказывание того, что посягательство на Конституцию делается в интересах самой же Конституции. Очень часто административный класс (правящая группа) выдает собственные интересы, направленные на удержание власти над страной, за интересы России, общества, государства. Под предлогом защиты этих интересов он издает законы, противоречащие конституции. Например, ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» лишает людей свободы на объединение под тем предлогом, что эти объединения угрожают интересам России (ст. 3 ФЗ) [33].

Помощь в поддержании противоречивости законодательства оказывает юридическая техника: неясность формулировок норм Конституции и законов, дефектные юридические конструкции. Так, Конституция РФ несколько раз вместо слова «свобода» употребляет слово «право». Вместо фразы «свобода объединения», она говорит о «праве на объединение» (ч. 1 ст. 30). Конституционный Суд РФ вынужден был указывать на то, что «право на объединение» следует понимать как «свободу объединения» [44]. Также следует заменить слова «право собираться мирно» на слова «свобода собраний», в соответствии с ч. 1 ст. 20 Всеобщей декларации прав человека, которая говорит именно о свободе мирных собраний и свободе объединения (ассоциаций) [5, с. 23–29].

Часто законы и подзаконные акты только имитируют реализацию норм Конституции. С этой целью применяется метод дозирования реализации отдельных норм и метод ритуальной реализации норм [9, с. 96–101]. При ритуальных дей-

ствиях создается только видимость реализации норм права. Например, проведение управляемых выборов, результат которых всем заранее известен. Населению могут позволять воспользоваться конституционными правами и свободами, но только с разрешения должностных лиц государства и под их надзором. Использование своих прав человеком не должно наносить ущерба власти бюрократии. Скрыть противоречия между Конституцией и законодательством пытаются с помощью наименования законов. Так, закон, лишаящий население России свободы совести и вероисповедания, имеет название «О свободе совести и о религиозных объединениях» [38]. Закон, лишаящий население осуществлять местное самоуправление, называется «Об общих принципах организации местного самоуправления» [19].

Часто нормы закона не содержат открытого противостояния нормам Конституции РФ. Они становятся противоречащим нормам Конституции в понимании правоприменителя. Антиконституционность нормы закона может проявляться в том, что она позволяет злоупотреблять ею, использовать ее в ущерб нормам Конституции РФ [4, с. 3–10].

Далее предлагается рассмотреть основные противоречия в конституционном законодательстве России.

1. Конституция РФ требует, чтобы Россия стала демократическим обществом и государством (ст. 1), чтобы народ стал в нем суверенным (ст. 3). Административный класс, государство, его представляющее, верховный Правитель, естественно, не собираются расставаться со своим суверенитетом и передавать его населению. Они принимают законы, которые не позволяют населению стать суверенным народом.

Суверенный народ должен обладать экономической самостоятельностью. Для этого в стране должны возникнуть цивилизованные рыночные отношения, которые позволяют людям получать долю общественного продукта в результате рыночного обмена, а не от «добротного» и «заботливого» государства. Российское государство, как известно, продекларировало защиту частной собственности и предпринимательства (ст. 8, 9, 34–36), но не намерено обеспечивать их на деле. Налоговое законодательство позволяет обирать предпринимателей, и в стране не много желающих открывать новое производство. Уголовное законодательство позволяет отправлять в места лишения свободы предпринимателей, на которых «положил глаз» какой-нибудь чиновник или представитель клиентелы бюрократии. Государство остается важнейшим хозяйственным субъектом, и антимонопольное законодательство не мешает ему устранять свободный рынок и вытеснять на периферию частных предпринимателей. Таким образом законодательство превращает большинство населения страны в экономически зависимых от государства людей, т. е. в подданных этого государства.

В России уже появились группы граждан, которые хотели бы воспользоваться политическими свободами, закрепленными в Конституции РФ (ст. 13, 29–33). Но законодательство ставит препятствия им на этом пути. ФЗ «О средствах массовой информации» [40] и сопутствующее ему законодательство позволяет устранять независимые от государства средства массовой информации. Охранительные нормы используются государством для преследования оставшихся независимых СМИ [48]. Законодательство не запрещает государству создавать массу пропагандистских ресурсов, с помощью которых оно успешно манипулирует сознанием общества, устраняя свободу мысли (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ). Правящая группа ведет откровенную войну с интернет-пользователями, стараясь лишить их свободы получения информации, закрепленной в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ (принуждение блогеров стать средством массовой информации, запрет брать интервью у лиц, подозреваемых в терроризме, блокировка сайтов, критикующих

правлящую группу, и интернет-мессенджеров, запрет рекламы на платных телеканалах, препятствующий их развитию). Государство открыто вводит цензуру, запрещенную ч. 5 ст. 29 Конституции РФ. Оно уже не может восстановить «железный занавес», отделяющий страну от демократического мира. Но установить «решетку», мешающую свободному получению информации из демократических стран для массы населения (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), оно смогло (ст. 19.1 и 19.2 Закона «О средствах массовой информации»). При этом «прутья этой решетки» становятся все толще. ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации”» постарался полностью исключить проникновение иностранных СМИ на территорию России [23].

Конституция РФ закрепляет свободу объединения и свободу деятельности объединений людей (ст. 30). ФЗ «Об общественных объединениях» [18] и ФЗ «О некоммерческих организациях» [34] ликвидируют эту свободу. Они позволяют государству решать, каким объединениям населения позволить существовать, а какие не подлежат регистрации или ликвидируются. Нарушая принцип равенства всех общественных объединений, закрепленный в ч. 4 ст. 13 Конституции РФ, государство разделило объединения по их полезности для сохранения власти правящей группы и административного строя. Объединения, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в России и демократии, оно объявило нежелательными [24]. За связь с ними в стране установлена уголовная ответственность (ст. 284.1) [14]. На объединения, которые получают деньги из-за рубежа и независимы от государства, наклеен ярлык «иностранные агенты» [25]. Законодательство создает всяческие препятствия в их работе. Одновременно законодательство вводит привилегии для тех объединений, которые помогают государству осуществлять его патерналистские функции [26]. Нормы законов не мешают создавать квазиобщественные объединения, патронируемые разного рода должностными лицами, которые делают вид наличия в России гражданского общества и свободы объединения (создание и поддержка Общероссийского народного фронта Президентом РФ, создание и поддержка деятельности движения «В защиту человека труда» тогдашним полномочным представителем Президента РФ в Уральском федеральном округе И. Холманским) [15, с. 12].

ФЗ «О политических партиях» [35] устраняет свободу объединения и свободу деятельности политических объединений, закрепленную в ст. 30 Конституции РФ. Он позволяет допускать на политическую сцену только организации, одобряемые правящей группой. Закон позволяет не регистрировать в качестве партий организации, представляющие угрозу для правящей группы, способные на деле ввести республиканскую форму правления с ее сменяемостью власти в стране [16]. Закон запрещает создание местных и региональных партий, подрывая корни политического плюрализма, устанавливаемого нормами Конституции РФ (ст. 13). До 2012 г. указанный закон позволял существовать на политической сцене только организациям-гигантам, одобренным Администрацией Президента РФ. Закон не удовлетворяет конституционным требованиям, так как не ставит препятствий для создания партеобразного объединения бюрократии, которое в отличие от настоящих партий является не общественной организацией, а теневой структурой механизма авторитарного государства, нацеленного на обеспечение контроля над обществом со стороны правящей группы, на захват власть в стране [8, с. 247–278]. Последнее запрещено в ч. 4 ст. 3 Конституции РФ.

Опыт других стран показывает, что правящая группа (засидевшийся на посту главы государства человек) может быть свергнута в результате уличных мероприятий («цветные» революции). Население может воспользоваться своей свободой собираться мирно на улицах и площадях. Чтобы этого не произошло, Российское государство установило в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях

и пикетировании» [39] порядок, при котором люди могут выходить на улицу только с разрешения органов власти, туда, где они укажут и в строго установленное время (ч. 5 ст. 5 ФЗ). Правоохранительным органам позволено безнаказанно пресекать собрания людей, не получивших разрешения на проведение уличного мероприятия, вплоть до избиения мирных демонстрантов и лишения их свободы. За попытки сопротивления этому произволу государства действует административная (ст. 19.3 и ст. 20.2 КоАП РФ) и уголовная (ст. 212.1 УК РФ) ответственность. Явно антиконституционный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» прикрывает интересы бюрократии ссылками на необходимость поддержания общественного порядка и безопасности граждан.

2. Конституция РФ требует, чтобы Российское государство имело республиканскую форму правления.

Республиканская форма правления предполагает выборность органов власти. Ч. 3 ст. 3 Конституции РФ требует проводить свободные выборы. ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [21] не допускает проведения свободных выборов. Он бюрократизирует процедуру выборов, что позволяет административному классу проводить управляемые выборы, результаты которых заранее известны. Законодательство страны не мешает бюрократии устранять политический плюрализм в стране, подбирать кандидатов на выборные должности и обеспечивать победу на выборах определенных ею кандидатов. Выборы в представительные органы уподобляются «договорным матчам». Организациям, изображающим оппозицию, выделяется в представительном органе определенное количество мест, не позволяющее приобретать властные полномочия. Таким образом законодательство о выборах в России устраняет представительный характер ассамблей. Они оказываются в подчинении верховного Правительства и его заместителей в регионах и на местах. Республика подменяется монархической формой правления.

Возникновению республики в России мешает слабость Федерального Собрания РФ. Глава 4, 5 и 6 Конституции РФ превращает Правительство РФ в орган при верховном Правителе, называемом Президентом РФ. То есть даже появление независимого парламента в России не приведет к устранению монархического правления в стране.

Ст. 10 Конституции РФ требует организации власти в России на основе разделения властей. Глава 4 Конституции РФ позволяет вместо разделения властей ввести в стране разделение труда между органами государства, подчиненными верховной власти в лице Президента РФ. Другие законы укрепляют абсолютную власть Правителя. ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “О Счетной палате РФ”» 2004 г. позволил Президенту представлять «карманному» Федеральному Собранию кандидатуры Председателя Счетной палаты, его заместителя, аудиторов, а также вносить предложения об их освобождении от должности [28]. Это закрепляется и в действующем сегодня ФЗ «О Счетной палате» [42]. С 2009 г. Президент РФ получил право предлагать послушному ему Совету Федерации кандидатуру Председателя Конституционного Суда РФ и двух его заместителей [29].

Ввести в стране монархическую форму правления помогает ч. 2 ст. 95 Конституции РФ, указывающая, что Совет Федерации формируется не на основе прямых выборов населением двух представителей в палату, а путем делегирования членов палаты представительным и исполнительным органом субъекта Федерации. Президент фактически назначает в регион своего заместителя, который в соответствии с российскими традициями формирует угодный ему представительный орган региона. Затем послушные Президенту органы власти региона направляют в Совет Федерации согласованных с его Администрацией людей. Таким

образом в России формируется «карманный» Совет Федерации, который всегда согласен с инициативами, исходящими от Президента.

3. Конституция РФ требует, чтобы Российское государство стало федеративным государством.

Ч. 1 ст. 77 Конституции РФ закрепляет право субъектов Федерации самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти. ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» фактически лишает самостоятельности субъекты РФ, навязывая им не принципы, а конкретную систему органов власти, конкретные правила их формирования. Указанный закон позволял с 2004-го по 2012 г. лишать население страны права выбирать себе глав регионов [20; 21]. Закон навязывает регионам смешанную систему выборов представительных органов власти (ч. 4 ст. 4 ФЗ). Указанный закон позволяет Президенту РФ лишить полномочий главу региона (ст. 19 ФЗ) и распустить представительный орган региона (ст. 9 ФЗ). При отстранении от должности главы региона или его добровольной отставке Президент РФ назначает в регион своего заместителя, занимающего должность временно исполняющего обязанности главы региона (ч. 5-2 ст. 18 ФЗ). Конституционная самостоятельность регионов в России была уничтожена Указом Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» [36]. Полномочные представители Президента в федеральных округах стали выполнять функции генерал-губернаторов имперской России. Они позволили превратить Президента РФ в императора, контролирующего все органы власти в стране. Все это привело к закреплению в стране имперской власти Правителя.

4. Конституция РФ требует от государства (его органов власти и должностных лиц) признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2, 17 и 18). Государство откровенно игнорирует это требование, ликвидируя свободы человека и гражданина. В лучшем случае оно предоставляет человеку право воспользоваться конституционными нормами, но с разрешения должностных лиц и под их надзором. Как уже отмечалось, человек не имеет права использовать свои права для посягательства на всевластие административного класса. Законодательство вводит огромное количество охранительных норм, предусматривающих ответственность (уголовную и административную) за использование права говорить (ст. 282, 283.1 УК РФ), права объединяться в союзы, неудобные административному классу (ст. 239 УК РФ), права собираться мирно (ст. 212.1 УК РФ). Лишение людей конституционной свободы доступа к информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ) прикрывается фразами об обеспечении суверенитета государства и его информационной безопасности.

Антимонопольное и хозяйственное законодательство не мешает правящей группе разгонять инфляцию и лишать людей их накоплений, систематически снижать реальные доходы населения. В частности, с помощью законодательства государство систематически поднимает цены на регулируемые товары и услуги (газ [30], коммунальные услуги [22]). Высокая инфляция не позволяет населению накапливать средства для обеспечения себе достойной жизни и свободного развития в старости (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ).

Конституция РФ устанавливает принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19). Однако существующее законодательство позволяет разделить людей на тех, кто имеет привилегии (например, неприкосновенность), и тех, кого лишают конституционных прав (представителей оппозиции). Подчинение правоохранительных органов Президенту РФ (ФКЗ «О правительстве РФ») позволяет ему направлять их деятельность в собственных интересах. Силловые органы направляются на борьбу с представителями оппозиции и не замечают нарушений закона

среди должностных лиц и клиенты, находящейся под опекой Президента РФ и его окружения.

Конституция РФ декларирует свободу совести, вероисповедания и равенство всех независимо от вероисповедания (ст. 14 и 28). Однако ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [38] устранил эту конституционную свободу и подменил ее правами, которые можно использовать под контролем государственной бюрократии. Все религиозные организации должны получить регистрацию (фактически, разрешение на существование и деятельность). Он разделил религиозные организации на виды в зависимости от одобрения их со стороны государственных органов. Закон предоставил одобряемым государством религиозным объединениям разного рода привилегии и ущемил в правах те из них, которые не нашли поддержки органов власти. Охранительные нормы (в первую очередь законодательство об экстремизме) позволяют преследовать представителей определенных вероисповеданий вне зависимости от того, наносят они какой-то вред обществу или приносят пользу (преследование «Свидетелей Иеговы»). Достаточно уже того, что государственные органы поставили на них «черную метку». Для борьбы с атеизмом в стране введена уголовная ответственность за посягательства на чувства верующих (ст. 148 УК РФ).

Бюджетное законодательство позволяет государству наращивать гонку вооружений и пренебрегать медицинским обслуживанием людей, образованием и социальной помощью нуждающимся. В стране, где миллионы людей живут за чертой бедности, правящая группа расходует миллиарды рублей (в соответствии с законом о бюджете) на придумывание и создание еще одного способа уничтожить человечество.

Нельзя сказать, что государство не заботится о массе подданных. Оно с помощью проводимой законодательной политики сначала создает массу бедных, а затем с помощью социального законодательства оказывает им поддержку. На этом держится власть административного класса и правящей группы (Правителя). Конституционалисту ясно, что государство подменяет конституционное требование социального государства (ст. 7) реализацией принципа патерналистского государства [10, с. 3–9].

Ч. 2 ст. 40 Конституции РФ обязывает государство поощрять жилищное строительство. В нарушение этой нормы в 2017 г. был принят закон, затрудняющий доступ строителей к деньгам потребителей [37]. Одновременно государство принимает законы о помощи отдельным категориям граждан.

Ч. 1 и 5 ст. 43 Конституции РФ дает всем, проживающим в России, право на образование и обязывает государство поддерживать различные формы образования и самообразования. Однако ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» забюрократизировал процесс образования и создал массу препятствий на пути его получения [17]. В соответствии с законодательством не рынок, не потребители знаний, а чиновники решают, кому предоставить право обучать чему-либо людей, а кому запретить это делать [12]. Бюрократия ликвидировала в последние годы массу вузов. Она затруднила получение образования людям из небольших городов, где ранее были филиалы вузов. В области образования в наибольшей степени проявляются полицейские свойства Российского государства и законодательства. Ликвидация вузов по решению бюрократических органов лишает массу людей свободы преподавания (закреплена в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ).

Особую безжалостность государство проявляет к детям, которые не могут себя защитить. Так, ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [33], который правозащитники назвали «законом подлецов», обрек тысячи детей в России на жизнь без отца и матери. Государство принуждает их

жить в детских домах, а затем годами отказывается предоставить им жилье [1, с. 4].

Итак, законодательство России отказывается проводить в жизнь закрепленный в Конституции РФ принцип верховенства человека, его прав и свобод. Вместо него оно закрепляет принцип господства государства над управляемым населением.

5. Конституция РФ требует от государства не посягать на свободный рынок, частную собственность и предпринимательство (ст. 8–9, 34–36). Однако государство, под предлогом стремления к реализации принципа справедливости, защиты интересов бедных и потребителей систематически издает законы, позволяющие должностным лицам устранять свободный рынок, посягать на право частной собственности и мешать людям заниматься предпринимательством (создает административные барьеры). При этом оно систематически борется само с собой. Одновременно издается масса законов, которые должны оказать помощь предпринимателям. Таким образом, государство действует как опытный мошенник. Оно само посягает на конституционные права и свободы и само принимает законы, направленные на ограничение этого посягательства (в цирке это называется «борьба нанайских мальчиков»). Так, с одной стороны, законодатели и правительство окружают производителей продукции и услуг массой разрешительных процедур, а с другой стороны, регулярно отчитываются о сокращении их числа. Эксперты отмечают, что на каждые 10 отмененных ограничений приходится 10 новых [2, с. 38]. Служилая интеллигенция скрывает первый вид деятельности и рекламирует второй вид деятельности, выдавая государство за главного защитника предпринимателей. Заместитель Генерального прокурора А. Звягинцев отмечал: «Чиновники принимают незаконные нормативно-правовые акты, очень часто с превышением должностных полномочий. Вводят, например, не предусмотренные законом сборы, представляют льготы и привилегии своим любимчикам, ограничивая тем самым конкуренцию и нарушая права других предпринимателей. Так называемый своизм здесь процветает» [47, с. 3].

Ч. 2 ст. 34 Конституции РФ требует от государства принимать меры по недопущению монополизации и недобросовестной конкуренции. Но принимаемые им законы сознательно направлены на поддержку государственных и частных монополий, которые позволяют изымать деньги у частного предпринимателя и у населения, поддерживать его бедность на определенном уровне. Так, ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [32] позволяет поддерживать повышенные тарифы на железнодорожные перевозки [13, с. 8]. Правящая группа не позволяет демонополизировать транспортировку нефти по трубам и газотранспортную систему страны [46]. Законодательство искусственно создает естественные монополии [31]. Государство старательно защищает российские монополии от конкуренции с зарубежными компаниями. Монополизацией своих рынков занимаются региональные и муниципальные органы. Так, губернатор ХМАО издала указ о монополизации перевозки детей в области компанией «Северавтотранс», принадлежащей правительству [41, с. 4]. В России огромное количество локальных рынков и локальных монополий, отмечал руководитель ФАС И. Ю. Артемьев [13, с. 8]. Глава Минэкономразвития М. Орешкин заявил в 2018 г., что уровень конкуренции в России остается невысоким [45, с. 4].

6. Конституция РФ требует от государства признавать и защищать местное самоуправление (ст. 12). Административный класс не может допустить самостоятельности местных общин (особенно городских), способных сформировать опасные для региональной бюрократии контрэлиты, подорвать основы самодержавного правления. В. А. Маклаков писал в начале XX в., что земство воспитывает кадры людей, которые на опыте узнают нужды страны, трудности, с которыми

сталкиваются политики. Эти люди становятся подготовленными, «чтобы сменить прежних представителей власти» [11, с. 168]. Бюрократия откровенно, через ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [19] (далее ФЗ № 131), лишает местные общины какой-либо самостоятельности. Как уже отмечалось, само содержание закона грубо противоречит требованию Конституции РФ. Вместо принципов права он содержит нормы конкретного характера. Закон унифицировал организацию управления на местах, устранив право населения мест самостоятельно выбирать формы и методы самоуправления. По логике ст. 3, 12, ч. 1 ст. 131 Конституции РФ население само должно решать, в каких границах объединяться в муниципальные образования. Однако федеральный законодатель точно указал, на каких территориях необходимо осуществлять «местное самоуправление», исходя из удобства бюрократического управления населением на местах. Он уничтожил всякое многообразие муниципальных образований, сведя его к 7 видам (ч. 1 ст. 10 ФЗ № 131). Закон подробно расписывает статусы муниципальных образований, структуру их органов власти, порядок их формирования и полномочия и лишает местное население права самостоятельно решать, какое самоуправление ему нужно. Конституция РФ объявляет референдум высшим проявлением власти народа, ч. 3 ст. 44 ФЗ № 131 запрещает местным общинам принимать свой устав непосредственно, на референдуме. Он должен приниматься только представительным органом власти муниципалитета. Данное положение обеспечивает власть местной и региональной бюрократии, которая, как правило, подчиняет себе представительный орган. Ст. 131 (ч. 1) Конституции РФ указывает, что население муниципалитета самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления. Это решение должно отражаться в уставе муниципалитета. Логично, что это решение должно быть принято на референдуме. Однако федеральный закон запрещает это делать. Региональная и местная бюрократия (через устав, принятый местным представительным органом) навязывают населению такую структуру органов местного самоуправления, которая удобна для нее, а не для населения. ФЗ № 131-ФЗ носит противоречивый характер. Часть его норм декларирует широкие права муниципалитетов. Другие нейтрализуют эти декларации. ФЗ РФ от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26³ Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [27] позволил органам власти региона лишать общины их конституционных прав самостоятельно решать дела местного значения, чем главы регионов тут же воспользовались. Открыто нарушая ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, они стали указывать, какие органы должны создаваться в муниципалитетах. Почти повсеместно они запретили выборы глав муниципалитетов.

Итак, российское конституционное законодательство представляет собой противоречивое явление, где нормы законов вступают в конфликт с нормами Конституции РФ. Противоречивой является сама Конституция РФ. В законах также отражается противоречивая государственная политика. Это является одной из причин экономического застоя страны.

Литература

1. Башкатова А. Власти делают из сирот бомжей // Независимая газета. – 2017. – 14 сентября. – С. 4.
2. Горячев И. Пора остановиться // Эксперт. – 2018. – № 51. – С. 38.
3. Денисов С. А. Административное общество. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. – 608 с.

4. Денисов С. А. Злоупотребление властных субъектов нормами конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 3–10.
5. Денисов С. А. Конституционные свободы // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 7. – С. 23–29.
6. Денисов С. А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 6. – С. 2–8.
7. Денисов С. А. Правовой механизм нейтрализации норм главы 1 и 2 Конституции РФ // Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 5–11 октября 2020 года). – Вып. 6. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2021. – Ч. 1. – 292 с.
8. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России : монография : в 3 т. – Т. 2. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 411 с.
9. Денисов С. А. Ритуальная и дозированная реализация прав человека при имитации конституционного строя // Верховенство права: человек в государстве : сб. науч. ст., докладов преподавателей, ученых, практиков – участников Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., 20 апреля 2017 г. : в 2 ч. – Ч. 1. Ижевск : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – С. 96–101.
10. Денисов С. А. Социальное или патерналистское государство // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 7. – С. 3–9.
11. Еремян В. В., Федоров М. В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.). – М. : Новый юрист, 1998. – С. 168.
12. Шушкина А. «Зачистка» вузов или борьба за качество образования [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 31.03.2017. – URL: <https://www.pnp.ru/social/2017/03/31/zachistka-vuzov-ili-borba-za-ikh-kachestvo.html> (дата обращения: 10.02.2021).
13. Лучше обходиться без максимальных санкций // Коммерсантъ. – 2014. – 12 марта. – С. 8.
14. Лурье В. О незаконном преследовании Анастасии Шевченко [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. – 23.01.2019. – URL: https://echo.msk.ru/blog/viktor_louriet/2357361-echo/ (дата обращения: 04.02.2019).
15. Мосеев В., Дрогаева Т. Игорь Холманских сыграет в партию // Коммерсантъ-Урал. – 2012. – 21 июня. – С. 12.
16. Навальному повторно отказали в регистрации партии // Ведомости. – 2018. – 27 августа.
17. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
18. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 12 мая 1995 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
19. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
20. Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ : Федеральный закон от 06 октября 1999 № 184-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
21. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 50. – Ст. 4950.
22. Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса : Федеральный закон от 30 декабря 2004 № 210-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 36.
23. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» : Федеральный закон от 14 октября 2014 № 305-ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 42. – Ст. 5613.
24. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 мая 2015 № 129-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2015. – 23 мая. – № 0001201505230001. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505230001?index=0&rangeSize=1>
25. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного

- агента : Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 30. – Ст. 4172.
26. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций : Федеральный закон от 05 апреля 2010 № 40-ФЗ // СЗ РФ. – 2010. – № 15. – Ст. 1736.
27. О внесении изменений в статью 26³ Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 30 мая.
28. О внесении изменений в ФЗ «О Счетной палате РФ» : Федеральный закон // СЗ РФ. – 2004. – № 49. – Ст. 4844.
29. О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» : Федеральный конституционный закон от 2 июня 2009 г. № 2-ФКЗ // Российская газета. – 2009. – 4 июня.
30. О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2000 № 1021 // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 175.
31. О естественных монополиях : Федеральный закон от 17 августа 1995 № 147-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 34. – Ст. 3426.
32. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 № 17-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 169.
33. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7597.
34. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.
35. О политических партиях : Федеральный закон от 11 июня 2001 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.
36. О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе: Указа Президента РФ от 13 мая 2000 г. // СЗ РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
37. О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июля 2017 № 218-ФЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4767.
38. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
39. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании : Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.
40. О средствах массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 г. // Российская газета. – 1992. – 8 февраля.
41. Осторожно, дети // Эксперт-Урал. – 2016. – № 50. – С. 4.
42. О Счетной палате РФ : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.
43. Постановление Конституционного Суда от 7 июня 2000 г. // Российская газета. – 2000. – 21 июня.
44. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П // Вестник КС РФ. – 2005. – № 1. – С. 28-38.
45. Соловьева О. «Квасных» производителей ставят на место // Независимая газета. – 2018. – 6 апреля. – С. 4.
46. Подобедова Л. ФАС предложила не считать «Газпром» монополистом в добыче газа [Электронный ресурс] // РБК. – 17.10.2017. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59e5de409a79479105456b18> (дата обращения: 10.02.2021).
47. Ямшанов Б. Принуждение к справедливости // Российская газета. 2009. – 20 мая. – С. 3.
48. The New Times [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_New_Times (дата обращения: 30.12.2020).

Sergey Alekseevich Denisov,

Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Human Rights chair,
Legal Department of Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Inconsistency of Russian Constitutional Legislation

Abstract. The elimination of the separation of powers in Russia creates conditions for forming contradictory constitutional legislation. The Constitution of the Russian Federation itself is contradictory, especially after the adoption of the amendments in 2020. There exist many contradictions between the norms of the Constitution and the laws. Bill of rights declares democracy. The legislation introduces an authoritarian regime. Instead of a republic, laws contribute to the emergence of a monarchy. Imperial relations are replacing the federal ones. The supreme value of the state is substituting the highest value of man.

Keywords: constitutional legislation; the constitution; laws; contradictions between the norms of law

Ограничение конституционных прав и правомерные ограничения: вопрос административного диспаритета

Аннотация. В статье рассматривается проблема административно-правовой экспансии в сфере правомерных конституционных ограничений прав граждан. Приводится ряд примеров, которыми подчеркивается трансформация правоограничений из конституционных в административно-правовые. В основе данной трансформации заложен административно-правовой базис, который заключается в обеспечении безопасности и соблюдения порядка управления в разных социальных сферах. Реализационный потенциал, который характерен для субъектов исполнительной власти, позволяет преобразовывать отраслевые ограничения, переводя их в проекцию административной деятельности. Жизнеспособность ограничений конституционных прав обеспечивается в процессе деятельности органов исполнительной власти, в связи с чем авторы приходят к выводу о том, что ограничения конституционных прав могут корректироваться в процессе исполнения субъектами административной деятельности путем осуществления административных операций.

Ключевые слова: ограничения прав граждан; субъекты административной деятельности; неюрисдикционные ограничения; органы исполнительной власти; конституционные ограничения

В эпоху глобальных вызовов вопрос о различных отраслевых механизмах ограничения прав приобретает актуальность и требует нового осмысления. Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией COVID-19, в очередной раз показала, что профилактические меры и механизмы правомерного (неюрисдикционного) ограничения прав являются одними из самых распространенных инструментов сдерживания распространения вируса. Можно сказать, что за последние несколько лет понятие «ограничение» стало своеобразным лейтмотивом повседневной социально-политической повестки. Это явным образом прослеживается в том, что вводятся новые ограничения: на посещение мест, на выезд за границу, пользование инфраструктурой, говоря глобально: ограничиваются привычные условия жизни.

Вместе с тем нельзя сказать, что создаются какие-то качественно новые ограничения, изменяется порядок их применения, поскольку данные ограничения были и раньше, однако применялись с иной степенью интенсивности. В действительности феномен ограничений не является новым для юриспруденции и права, поскольку ограничения прав рассматривались с позиции разноотраслевого регулирования, то есть преимущественно с позиции регламентации общественных отношений без учета их реализационного характера. Иными словами, постулировалось, что ограничения в каждой отрасли права имеют свои уникальные цели и задачи, обусловленные спецификой социальных связей, входящих в сферу отраслевой правовой регламентации.

Конституционное право, в первую очередь, устанавливает общие требования для введения и применения ограничений прав и свобод граждан путем закрепления в тексте Конституции РФ оснований, пределов, форм и их целей. Иными сло-

* Олег Васильевич Соболев, канд. юрид. наук (г. Екатеринбург).

E-mail: sov120192@yandex.ru, SPIN-код: 5952-1783, AuthorID: 835805.

Анна Владимировна Армянинова, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург).

E-mail: armyaninova_anna@mail.ru

вами, «это своеобразная “общая часть” института ограничения прав и свобод человека и гражданина, те общие, принципиальные, конституционные условия, в соответствии с которыми в федеральных законах устанавливаются ограничения всех прав и свобод» [13, с. 10].

Помимо общеправового установления условий правомерных ограничений, конституционное право самостоятельно использует данное правовое средство в целях регламентации отношений, входящих в предмет отрасли. Э. С. Эбзеев предлагает считать конституционно-правовыми ограничениями «допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина» [22, с. 192]. Исходя из предложенного определения становится очевидным, что объектом конституционно-правовых ограничений выступает правовой статус индивида, иначе называемый конституционно-правовым статусом личности. Отличительной особенностью конституционных прав является всеобъемлющий характер, охватывающий все сферы социальной действительности, а традиционная классификация конституционных прав предполагает наличие следующих их видов: личные, политические, экономические, социальные, культурные [10, с. 130].

Итак, при ограничении основного политического права – избирательного – установленным для правоприменителя ориентиром является ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, в которой определены ограничения активного и пассивного избирательного права для недееспособных лиц и лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Дальнейшая конкретизация ограничений, в первую очередь пассивного избирательного права, определена в ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 4 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также в ст. 3 Федерального закона от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления».

Обращаясь в отдельности к каждому виду ограничений, можно говорить, что они имеют разные основания для их установления и применения. Если для недееспособных лиц подобные ограничения применяются в связи с отсутствием возможности понимать значение своих действий или руководить ими по причине психического расстройства, то для лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, отсутствие возможности реализовать избирательное право является реакцией государства на их противоправное поведение.

Справедливости ради следует отметить, что положения ч. 3 ст. 32 Конституции РФ не подлежат расширительному толкованию, в связи с чем ограничения избирательных прав подобного рода не распространяются на ограниченно дееспособных лиц, а также лиц, подвергнутых административному аресту, заключенных под стражу, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда, либо не связанный с лишением свободы, либо предусматривающий лишение свободы, но на день голосования не вступивший в законную силу [9, с. 231]. Однако Европейский суд по правам человека посчитал положения ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, в части ограничения избирательных прав для лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, противоречащими ст. 3 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [16]. Конституционный суд РФ лишь частично согласился с выводами Европейского суда по правам человека, отметив в Постановлении от 19 апреля 2016 года № 12-П, что «в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав, поскольку в соответствии со статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими

ее положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, по общему правилу, исключается наказание в виде лишения свободы и тем самым лишение избирательных прав осужденных, совершивших впервые преступления небольшой тяжести, а за преступления средней тяжести и тяжкие преступления лишение свободы, как более строгий вид наказания из числа предусмотренных Особенной частью данного Кодекса за совершение соответствующего преступления, назначается по приговору суда и, следовательно, влечет лишение избирательных прав только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей наказания» [19].

Между тем дифференцированный подход применяется и для ограничения пассивного избирательного права, которое может зависеть от срока судимости [18] или вида юридической ответственности (ч. 3.2 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), от государственной принадлежности (ч. 3.1. ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ) или в связи с наличием специального статуса (ч. 4 – ч. 5.2., ч. 5.3. – ч. 7 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

Стоит признать, что многочисленные основания конституционных ограничений не являются способом дискриминации и каким-либо ущемлением прав, а направлены «как на установление разумности в избирательном праве, так и на обеспечение безопасности Российской Федерации, ее суверенитета» [11, с. 116]. Следовательно, конституционно-правовые ограничения главным образом устанавливаются в целях сохранения баланса [7, с. 33–36] распределения политических прав между социальными группами, которые позволяют избежать ситуаций неравномерного распределения государственной власти.

В то же время конституционно-правовая сфера не может обходиться исключительно ограничениями политических прав граждан. В частности, ч. 2 ст. 27 Конституции РФ предоставляет каждому право свободно выезжать и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию. Раскрывая положения Конституции РФ, ст. 4 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» определяет механизм для ограничения права на выезд из РФ и констатирует невозможность ограничения права соотечественников на въезд.

С одной стороны, государство возлагает на себя обязанность по обеспечению режима порядка въезда в РФ и выезда из нее и реализации указанных выше прав; с другой стороны, для выполнения этой обязанности государству необходимо использовать правоограничения, чтобы добиться надлежащего эффекта в данной области. Главным образом этот эффект достигается путем соблюдения административных требований.

Трудно говорить о свободной реализации конституционного права на выезд и въезд, когда положения Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в ст. 6 прямо предусматривают возможность выезда и въезда в РФ только при наличии действительных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Таким образом, несоблюдение административных требований режима паспортной системы делает невозможным реализацию конституционного права на выезд из РФ [3; 4; 2; 6]. Учитывая положения ст. 11 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», можно сделать вывод, что режим государственной границы не позволяет беспрепятственно въезжать в РФ и выезжать с ее территории не только самому гражданину, но и перемещать принадлежащие ему вещи.

В связи с этим органы исполнительной власти обязаны создать условия для обеспечения безопасности путем мер пограничного контроля, которые представляют собой существенные ограничения прав (см., например, Постановление Правительства РФ от 04.06.2012 № 546 «Об утверждении Положения о содержании пограничного контроля при пропуске лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 02.02.2005 № 50 «О порядке применения средств и методов контроля при осуществлении пропуска лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через Государственную границу Российской Федерации»).

С другой стороны, органы исполнительной власти не могут ограничивать конституционные права граждан путем введения дополнительных требований в рамках установленных административных процедур. Положения ч. 2 ст. 26 Конституции РФ устанавливают право на пользование родным языком. В свою очередь, ч. 2 ст. 5 Закона РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» прямо предусматривает гарантию для реализации основных прав гражданами вне зависимости от знания языка. Однако на практике органы миграционного контроля считают, что недостаточный уровень владения русским языком является препятствием для успешной социальной адаптации и основанием для отказа в оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [1].

Наиболее остро стоит проблема ограничений тех прав, которые гарантируются государством и одновременно являются обязанностью самих граждан. В частности, ст. 43 Конституции РФ гарантирует общедоступность и бесплатность основного общего образования и вместе с этим устанавливает получение данного уровня образования обязательным. Исходя из этого, можно предположить, что поскольку государство, с одной стороны, гарантирует получение общего образования, а с другой стороны, считает его обязательным, то выглядит логичным создание всех необходимых условий для получения соответствующего уровня образования.

В свою очередь, основным актом, который регламентирует порядок отношений в сфере образования, а именно Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», прямо не предусматривает каких-либо ограничений для получения общего образования в РФ. Однако в п. 5 Приказа Минобрнауки России от 22.01.2014 № 32 «Об утверждении Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» содержится единственное возможное ограничение права на прием в образовательное учреждение – это отсутствие свободных мест. Любое иное ограничение будет свидетельствовать о совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 5.57 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [17; 14; 20; 21].

В данном случае ограничение конституционного права продиктовано объективными обстоятельствами, поскольку комплектование учебных классов происходит исходя из предусмотренных санитарными нормами наполняемости здания и количества детей, уже обучающихся в здании [5]. В связи с высокой степенью социальной значимости образования и воспитания детей, государство устанавливает строгие требования, гарантирующие условия безопасности жизни, здоровья, психологического и эмоционального состояния детей в процессе обучения [15]. В силу того, что установленный норматив для одного места обучающегося должен быть не менее 2,5 квадратного метра, то естественным образом площадь помещения школы не позволит вместить в себя всех желающих. Отсюда следует вывод, что ограничение конституционных прав в данном случае продиктовано техниче-

скими нормами, которые обусловлены объективными причинами. В таком случае можно предположить, что ограничения прав, которые возникают из требований стандартов и технических регламентов, максимально приближены к естественно-техническим запретам.

Нередко конституционные права могут быть ограничены в целях защиты иного конституционного права. Например, ч. 1 ст. 44 Конституции РФ устанавливает защиту интеллектуальной собственности. Наравне с этим, в ч. 4 ст. 29 Конституция РФ предусматривает право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. Подчеркивая важность права на доступ к информации, в п. 4 ст. 8 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» законодатель устанавливает сферы и объекты, где доступ к информации не может быть ограничен. В частности, к ним относится информация, накапливаемая в открытых фондах библиотек.

Важность доступа к источникам, содержащимся в библиотеках, трудно переоценить. Не случайно в условиях внедрения информационных технологий во многие социальные сферы открытие электронных библиотек стало одним из перспективных направлений для развития культуры и институтов образования и просвещения. На сегодняшний день самой крупной онлайн-библиотекой является электронная библиотека Российской государственной библиотеки (<https://www.rsl.ru>).

Согласно п. 5.4. «Положения об электронной библиотеке РГБ» поиск и просмотр документов является бесплатным для всех категорий пользователей; <...> ограничения на просмотр и копирование вводятся для обеспечения прав правообладателя [12]. Таким образом, свободный доступ к информации, содержащейся в электронной библиотеке РГБ, возможен при условии посещения электронных читальных залов с доступом к данному информационному ресурсу. Удаленный доступ к полным источникам, содержащимся в электронной библиотеке РГБ, является платной дополнительной услугой, стоимость которой на сегодняшний день составляет 5 000 рублей за 1 год доступа. На основании этого примера становится очевидным, что возможны случаи ограничения конституционных прав в целях обеспечения иного права. Справедливости ради следует отметить, что в данном случае ограничение вводится на основе локального акта Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская государственная библиотека», а не на основании федерального закона, как того требует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Таким образом, рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что различные ограничения конституционных прав граждан в полной мере могут быть реализованы только в процессе административной деятельности. При этом значительная часть правоограничений без учета воздействия со стороны субъектов административной деятельности носит установительный характер, однако часть ограничений конституционных прав граждан в первую очередь зависит от подзаконной регламентации, которая осуществляется органами исполнительной власти самостоятельно. В этом и заключается содержание и смысл административной деятельности – публичного администрирования [8]. Переходы от стратегического планирования к публичному администрированию (как двух взаимосвязанных моделей управления) определяют трансформацию конституционно-правовых ограничений в административно-правовые правоограничения. Исходя из этого, процесс реализации ограничений имеет преобладающее значение над формальной стороной установления правоограничений, тем самым обуславливая административный диспаритет над конституционной природой ограничений прав.

Литература

1. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 26.08.2015 по делу № 33-8013/2015.
2. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 12.03.2015 по делу № 33-1034/2015.
3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 07.04.2015 по делу № 33-5494/2015.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.04.2016 по делу № 33-13711/2016.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.03.2017 по делу № 33-11706/2017.
6. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 09.02.2016 по делу № 2-1416/2015.
7. Герардс Я., Сенден Х. Структура основных прав и Европейский суд по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 3 (76). – С. 36–63.
8. Домченко А. С. Публичное администрирование и стратегическое планирование: к вопросу о демаркации механизмов управления // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3. – С. 119–127.
9. Кокотов А. Н. Конституционное право России : курс лекций. – М. : Проспект, 2012. – 296 с.
10. Конституционное право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция», квалификация «бакалавр» / С. В. Бендюрина, М. В. Гончаров, Д. М. Евстифеев ; отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 447 с.
11. Макарецв А. А. Публичные и индивидуальные интересы в избирательном праве России: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 108–117. – DOI 10.12737/20907.
12. Официальный сайт Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rsl.ru/photo!_ORS/1-O-BIBLIOTEKE/7-documenty/4readers/3_5_price.pdf (дата обращения: 11.07.2021).
13. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 9–17.
14. Постановление Белгородского областного суда от 20.11.2015 № 4А-491/2015.
15. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 29.12.2010 № 189 «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях» // Российская газета. – 16.03.2011. – № 54.
16. Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 2.
17. Постановление Кемеровского областного суда от 13.07.2016 по делу № 4а-759/2016.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова» // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2013. – № 43. – С. 5622.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 25.04.2016. – № 17. – С. 2480.
20. Постановление Хабаровского краевого суда от 23.09.2013 по делу № 4а-471/13.
21. Решение Московского городского суда от 17.08.2010 по делу № 7-1502.

22. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М. : Проспект, 2013. – 656 с.

Oleg Vasil'evich Sobolev,

Cand. Sci. (Law) (Yekaterinburg)

Anna Vladimirovna Armyaninova,

Lecturer of the Department of Administrative Law
and Administrative Activity of the Department
of Internal Affairs, Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

**Restriction of Constitutional Rights and Lawful Restrictions:
the Issue of Administrative Disparity**

Abstract. The article deals with the problem of administrative and legal expansion in the sphere of legitimate constitutional restrictions on the rights of citizens. The paper provides some examples, which emphasize the transformation of legal restrictions from constitutional to administrative-legal ones. This transformation is based on the administrative and legal framework, which resides in ensuring security and governance in various social spheres. The implementation potential, which is characteristic of the subjects of the executive power, allows you to transform industry restrictions, translating them into the projection of administrative activity. The viability of restrictions on constitutional rights is ensured in the course of the activities of executive authorities. In this connection, the authors conclude that the restrictions of constitutional rights can be adjusted in the process of execution by the subjects of administrative activity through the implementation of administrative operations.

Keywords: restrictions on the rights of citizens; subjects of administrative activity; non-legal restrictions; executive authorities; constitutional restrictions

Соблюдение профессиональных прав адвокатов как фактор развития демократического общества

Аннотация. Важнейшей целью взаимодействия государств на международной арене является укрепление, развитие демократии. Демократические принципы закреплены в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах. Говоря о демократии, мы подразумеваем уважение и защиту, возможность реализации прав человека, создание условий для развития человека как личности и достойного образа жизни. На данном пути имеются как достижения, так и проблемы, затрудняющие полноценное развитие демократического общества. Одной из гарантий уважения и защиты прав человека является право на квалифицированную юридическую помощь, реализуемое адвокатами. В процессе исполнения профессионального долга адвокаты сталкиваются с рядом проблем, которые присущи как европейским государствам, так и Российской Федерации. *Цель:* проанализировать роль и место адвокатуры в государстве, правовое положение адвокатов, выявить актуальные проблемы адвокатуры, связанные с соблюдением профессиональных прав адвокатов при взаимодействии с государством. *Методы:* эмпирические методы описания, интерпретации; анализ теоретических источников и нормативно-правовых источников; обобщение, теоретический метод формальной логики, частнонаучные методы: юридико-догматический, метод толкования правовых норм. *Результаты:* исследование позволило сделать следующие выводы: несмотря на независимость адвокатуры от государства, данное профессиональное сообщество реализует публичную функцию защиты прав граждан. Особую роль адвокатуры отмечают Европейский суд по правам человека и Конституционный суд РФ. Однако данная роль в настоящее время не реализована в полном объеме, что связано с недостатками правового регулирования и уровня профессионального правосознания. Для изменения ситуации следует повышать правосознание – как профессиональное, так и обыденное, укреплять идею верховенства права.

Ключевые слова: адвокат; адвокатура; адвокатская тайна; демократия; правовое государство; право на квалифицированную юридическую помощь; право на справедливое судебное разбирательство

В целях раскрытия вопроса о проблемах адвокатуры необходимо определить ее роль и место в государстве.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) характеризует адвокатов как посредников между обществом и судами при отправлении правосудия [12; 9; 14; 8]. В своих постановлениях ЕСПЧ также отмечает, что адвокаты должны содействовать надлежащему отправлению правосудия.

Имеются различные точки зрения на сущность и правовую природу адвокатской деятельности, а именно: является ли адвокатская деятельность публичной, осуществляют ли адвокаты отдельные полномочия государства по выполнению его функции в сфере обеспечения прав личности. Часть российских адвокатов выступает против того тезиса, что адвокатура служит государственным и общенародным интересам, полагая, что такая позиция наносит вред правосудию. Однако признание адвокатов независимыми правозащитниками не означает, что на адвокатуру не могут быть возложены публично-правовые обязанности [3].

Конституционный суд РФ изложил следующую правовую позицию относительно роли адвокатуры:

* Мария Александровна Стальнова, адвокат Коллегии адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов» (г. Екатеринбург).

- «адвокаты, на которых законом возложена публичная обязанность обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи» [11];

- «общественные отношения по поводу оказания юридической помощи находятся во взаимосвязи с реализацией соответствующими субъектами конституционной обязанности государства по обеспечению надлежащих гарантий доступа каждого к правовым услугам и возможности привлечения каждым лицом, заинтересованным в совершении юридически значимых действий, квалифицированных специалистов в области права, – именно поэтому они воплощают в себе публичный интерес, а оказание юридических услуг имеет публично-правовое значение» [10].

Считаю возможным констатировать, что адвокатура осуществляет публичную функцию защиты прав человека и гражданина.

Статья 48 Конституции РФ закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Данное конституционное право реализуется, в первую очередь, представителями адвокатского сообщества.

Конституционный суд РФ отмечал, что Россия, как правовое государство, обязана создать эффективную систему гарантирования защиты прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия. Поэтому очевидно, что адвокатура является неотъемлемой частью правового государства, своеобразным показателем существования правового государства как такового. Только адвокатура способна обеспечить эффективную защиту частных прав и интересов, в том числе и от произвола со стороны властных органов государства (см.: [4]).

Представительство интересов граждан в конституционном, уголовном, административном и гражданском судопроизводстве направлено не только на удовлетворение интереса одного частного лица, но и на обеспечение принципа состязательности судебного процесса, достижение истины, охрану прав граждан и тем самым на создание демократического правового государства (см.: [15]).

Право на получение квалифицированной юридической помощи является гарантией соблюдения и защиты остальных прав и свобод личности. Поэтому данное право закрепляется важнейшим нормативным правовым актом государства, имеющим высшую юридическую силу, – Конституцией РФ, в соответствии с которой оно принадлежит каждому (см.: [2]).

Адвокаты в силу прямого указания закона являются квалифицированными специалистами, о чем свидетельствует положение ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ, согласно которой адвокатская деятельность – квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими в установленном законом порядке статус адвоката. Цель адвокатской деятельности – защита прав, свобод и интересов граждан и их объединений (юридических лиц).

Европейский суд по правам человека в Постановлении по делу «Грациани-Вейсс против Австрии» оценивал правовой статус адвокатов и иных лиц, имеющих юридическое образование. По результатам проведенной оценки суд пришел к выводу, что имеется существенное различие между профессиональными группами практикующих адвокатов, чьи права и обязанности регулируются специальными законами и подзаконными актами, и группой иных лиц, которые, возможно, имеют юридическое образование и даже прошли профессиональную юридическую подготовку, но не работают в качестве практикующих адвокатов.

Аналогичную по смыслу правовую позицию относительно статуса адвоката Европейский суд по правам человека озвучил в деле Ван дер Мусселе: «...между

адвокатурой и различными профессиями, упомянутыми заявителем, включая даже судебные и околосудебные профессии, имеются фундаментальные различия, на которые правомерно обратили внимание государство-ответчик и большинство Комиссии, а именно различия в правовом статусе, условиях для занятия профессией, характере осуществляемых функций, способе осуществления этих функций и так далее».

Что касается Российской Федерации, то принцип квалифицированности находит свое воплощение в наличии квалификационных требований, предъявляемых к претендентам на получение статуса адвоката: двухлетний стаж работы по юридической специальности после получения высшего юридического образования, подтверждение квалификации путем сдачи экзамена.

Роль адвокатуры наиболее ярко характеризуется участием в уголовном процессе. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ). Если у гражданина нет финансовой возможности привлечь адвоката (защитника) самостоятельно, то ему предоставляется защитник в порядке ст. 51 УПК РФ.

Адвокаты не только осуществляют защиту обвиняемых, подозреваемых в совершении преступления, но и обеспечивают законодательно закрепленный принцип состязательности в уголовном процессе. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Адвокатское сообщество отмечает, что такое равноправие является больше декларацией, на практике имеются сложности в реализации данного принципа. Адвокаты обладают значительно меньшими возможностями по сравнению с государством, действующим в лице органов предварительного следствия и прокуратуры. К тому же имеет место искаженное восприятие адвокатуры в профессиональном правосознании представителей государственной власти. Можно констатировать, что деятельность адвокатов воспринимается как ущемляющая независимость судебной власти, давление на суд [2]. Это свидетельствует о дефектах в профессиональном правосознании и означает, что оно еще недостаточно приближено к идее верховенства права.

Такое представление об адвокатах влечет за собой различные формы вмешательства со стороны государства в их деятельность. В результате такого вмешательства адвокаты сами оказываются в положении граждан, нуждающихся в защите, что, безусловно, значительно затрудняет исполнение профессионального долга.

К сожалению, в Российской Федерации встречаются случаи нарушения профессиональных прав адвокатов. Однако данная проблема характерна не только для нашего государства, но также и для других государств.

Совет Федеральной палаты адвокатов в своем Отчете за период с апреля 2019-го по апрель 2021 г. отмечает следующие основные факты нарушения прав адвокатов:

- незаконные допросы адвоката в качестве свидетеля с целью дальнейшего его отвода как защитника (представителя);
- неправомерные обыски адвокатских образований, адвокатов и мест их проживания.

Данные нарушения являются вмешательством в профессиональную тайну.

«Адвокатская тайна» – понятие, закрепленное в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. Это любые сведения, которые становятся известны адвокату в процессе оказания юридической помощи конкретному доверителю. Закреплен прямой за-

прет на допрос адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в процессе работы по делам его доверителей. Между тем такие запреты нарушаются, адвокатов вызывают на допросы. В этом случае адвокат должен отказываться от дачи показаний по причине обязанности хранить адвокатскую тайну.

Вмешательство в адвокатскую тайну может лишить обвиняемого права на судебную защиту, на справедливое судебное разбирательство [1]. Такое вмешательство может быть также связано с нарушением права на уважение частной жизни, тайну переписки и телефонных переговоров (ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 04.11.1950)).

Вопросы нарушения адвокатской тайны были предметом исследования Европейским судом по правам человека. В Постановлении от 13.03.2007 г. по делу «Кастравец (Castravet) против Молдавии» (жалоба № 23393/05) Европейский суд по правам человека указывал, что право на эффективную защиту невозможно без соблюдения конфиденциальности общения между адвокатом и его клиентом. Адвокатская тайна может быть нарушена не только путем действительного перехвата информации или прослушивания переговоров. Разумная уверенность в том, что переговоры прослушиваются, также способна ограничить эффективность защиты, поскольку это неизбежно препятствует свободному обсуждению и нарушает право заключенного эффективно обжаловать неправомерность своего содержания под стражей. Наличие указанных обстоятельств является нарушением требований пункта 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В свете рассмотрения вопроса о недопустимости прослушивания переговоров доверителя с адвокатом ЕСПЧ в Постановлении от 07.11.2017 «Дело “Дудченко (Dudchenko) против Российской Федерации”» (жалоба № 37717/05) делает важное указание: «Не имеет значения, что на момент прослушивания защитник еще не был официально допущен в качестве адвоката в уголовном разбирательстве против заявителя. Как пояснил Конституционный Суд Российской Федерации, в соответствии с российским законодательством адвокатской тайной защищается вся информация, ставшая известной адвокату в результате представления интересов клиента, включая любую информацию, сообщенную клиентом до того, как адвокат был официально допущен в качестве адвоката в уголовном разбирательстве. Европейский суд напоминает, что, хотя статья 8 Конвенции защищает конфиденциальность всей корреспонденции между лицами, она обеспечивает “усиленную защиту” общения между адвокатами и их клиентами, поскольку адвокаты не смогут представлять интересы своих клиентов, если они не могут гарантировать, что их общение остается конфиденциальным».

В своей прецедентной практике Европейский суд по правам человека говорит о минимальных гарантиях, подлежащих закреплению во внутригосударственном законодательстве с целью избежать превышения полномочий со стороны органов государственной власти, случаев раскрытия адвокатской тайны:

- закон должен четко определить сферу применения адвокатской тайны и указать, каким образом, на каких условиях и кем должно проводиться различие между привилегированными и непривилегированными данными. Учитывая, что конфиденциальные отношения между адвокатом и его подзащитными относятся к особо чувствительной сфере, которая непосредственно касается прав защиты, недопустимо, чтобы эта задача возлагалась на члена исполнительной власти без надзора со стороны независимого судьи [6];

- правовые положения, касающиеся изучения, использования и хранения полученных данных, мер предосторожности, которые должны быть приняты при передаче данных другим сторонам, и обстоятельств, при которых записи могут или должны быть стерты или данные уничтожены, должны обеспечивать достаточные гарантии защиты юридически привилегированных данных, полученных в

результате скрытого наблюдения. В частности, внутригосударственное законодательство должно иметь достаточную ясность и быть подробным в отношении процедур передачи независимому надзорному органу для рассмотрения случаев, когда данные, относящиеся к адвокатской тайне, были получены в результате скрытого наблюдения; процедур безопасного уничтожения таких материалов; условий, при которых они могут быть сохранены и использованы в ходе уголовного разбирательства, проводимого правоохранительными органами, и в этом случае процедур безопасного хранения, распространения таких данных и их последующего уничтожения, как только они больше не требуются для любой из разрешенных целей [7, § 138–139].

Европейский суд отмечает, что российское законодательство провозглашает защиту адвокатской тайны, под которой понимается любая информация, касающаяся юридического представительства клиента адвокатом. Однако оно не содержит каких-либо конкретных гарантий, применимых к прослушиванию сообщений адвокатов. На адвокатов распространяются те же правовые положения о прослушивании сообщений, что и на любое другое лицо. Европейский суд уже устанавливал, что эти правовые положения не обеспечивают адекватных и эффективных гарантий против произвола и риска злоупотреблений и, следовательно, неспособны делать «вмешательство» «необходимым в демократическом обществе» [5, § 302–304].

О необходимости охраны адвокатской тайны говорил и Конституционный Суд РФ. В деле «По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» содержится следующая правовая позиция:

«Согласно статье 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Как одно из наиболее значимых данное право провозглашается в международно-правовых актах (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Государство, соответственно, обязано не только обеспечить подготовку квалифицированных юридических кадров и определить квалификационные требования в отношении лиц, оказывающих юридическую помощь, на что обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 января 1997 года № 2-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР, но и создать надлежащие условия гражданам для реализации этого конституционного права, а лицам, оказывающим юридическую помощь, в том числе адвокатам, – для эффективного осуществления их деятельности».

«Одним из таких условий является обеспечение конфиденциальности информации, с получением и использованием которой сопряжено оказание юридической помощи, предполагающей по своей природе доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом, чему, в частности, служит институт адвокатской тайны, призванный защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента или других лиц в связи с предоставлением юридических услуг. Эта информация подлежит защите и в силу конституционных положений, гарантирующих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (статья 23 (часть 1) Конституции Российской Федерации) и тем самым исключаящих возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, утверждающих недопустимость разглашения сведений о частной жизни лица без его согласия и обуславливающих обязанность адвокатов и адвокатских образований хранить адвокатскую тайну и обязанность государства обеспечить ее в законодательстве и правоприменении».

Совет Федеральной палаты адвокатов РФ в своем Отчете сообщает, что адвокатское сообщество неоднократно поднимало вопрос о необходимости введения уголовной ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности. На данный момент соответствующая статья в Уголовном кодексе РФ отсутствует. Однако есть определенные сдвиги в данном направлении. Министерством юстиции РФ разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон). Предлагается ввести ст. 294.1 УК РФ о воспрепятствовании законной деятельности адвоката. В ней предусмотрены три части. Состав предполагает обязательное наличие последствий – причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Работа в данном направлении ведется и на международном уровне. С докладом о проблемах адвокатуры перед Парламентской Ассамблеей Совета Европы выступил заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Александр Башкин. Согласно докладу, нарушения профессиональных прав адвокатов допускаются не только в Российской Федерации, но и в странах Западной и Восточной Европы.

В докладе поднимаются следующие проблемы:

- вмешательство следственных органов путем вторжения в помещения, занимаемые адвокатами, поиски файлов, конфискация конфиденциальных документов по конкретным делам;
- прослушивание конфиденциальных разговоров между адвокатами и задержанными;
- угрозы и насилие в отношении адвокатов;
- вызов адвокатов в качестве свидетелей по делам их клиентов;
- отождествление адвокатов с преступлениями, в которых обвинялись их клиенты;
- непредоставление адвокатам информации по делам их клиентов, что «нарушает принцип равенства сторон и приводит к несправедливому судебному разбирательству»;
- вмешательство властей в работу адвокатских коллегий;
- неправомерная и безосновательная оценка следственными органами гонимых адвокатов и инициирование в связи с этим уголовного преследования.

В докладе отмечается, что в ряде стран адвокаты остаются объектами посягательств за их участие в делах, связанных с правами человека, таких как права беженцев, лиц, ищущих убежища, и мигрантов, женщин, представителей национальных и языковых меньшинств, представителей ЛГБТ-сообщества. Они также подвергаются преследованиям за свою работу по изобличению неподотчетности правительства или коррупции, или за представительство интересов определенных лиц (таких, как подозреваемые в терроризме, оппозиционные политики, активисты гражданского общества, независимые журналисты) [13, с. 11–12].

«Посягательства на личную безопасность и свободу адвокатов часто происходят на общем фоне неуважения к верховенству закона. Адвокаты могут столкнуться с административными и судебными преследованиями, включая незаконное вмешательство в их профессиональные права и привилегии. Кроме того, по имеющимся сообщениям, органы прокуратуры привлекали адвокатов в качестве подстрекателей (“агентов-провокаторов”), в этих случаях доверие и конфиденциальность адвоката с клиентом была нарушена *ab initio*, а сообщения адвокатов в дальнейшем использовались для судебного преследования» [13, с. 11].

В докладе отдельно отмечается: «Судебная практика свидетельствует о том, что значительная доля жалоб, связанных с вызовом адвокатов на допрос в качестве свидетелей по делам их клиентов, имеет отношение к Российской Федерации».

Как следует из доклада, Ассамблея принимала Рекомендацию, касающуюся стандартов адвокатской профессии, а также призывала разработать конвенцию о профессии адвоката. В последней Рекомендации содержится шесть принципов адвокатской деятельности:

- общие принципы свободы осуществления профессии адвоката;
- юридическое образование, обучение и доступ к профессии;
- роль и обязанности адвокатов;
- доступ к услугам адвокатов для всех лиц;
- объединения;
- дисциплинарное производство.

В докладе раскрыты содержание и значение каждого из указанных принципов. Общие принципы включают в себя, в том числе, принципы свободы от санкций или давления, доступ адвокатов к своим клиентам, конфиденциальность в отношениях адвоката и его клиентов, доступ к суду, равное уважение со стороны суда.

Анализируя российский и международный опыт, можно сделать вывод, что пробелы в правовом регулировании адвокатской деятельности и практическом применении адвокатами своих профессиональных прав и обязанностей существуют. Их игнорирование приводит к нарушению прав граждан на квалифицированную юридическую помощь, на справедливое правосудие и, как следствие, мешает укреплению и развитию правового государства. Поэтому существование проблем признается как на международном уровне, так и на уровне Российской Федерации. Что касается решения данных проблем, то практические шаги по искоренению нарушений профессиональных прав адвокатов пока не предпринимаются, и можно сказать, что процесс решения имеющихся сложностей находится в стадии предложений и рекомендаций.

В заключение хотелось бы отметить, что отношение к адвокатуре является одним из индикаторов уровня правосознания в обществе, как обыденного, так и профессионального. От этого уровня зависит степень правовой защищенности граждан, которые не могут чувствовать себя защищенными, зная, что эта защита будет пресекаться государством. Принцип справедливости при вынесении приговоров не может быть реализован без надлежащего обеспечения двух сторон в уголовном процессе: обвинения и защиты. Существование демократического общества невозможно без сильной адвокатуры. Поэтому необходимо уделять внимание повышению уровня правосознания граждан, воспитывать уважение к праву. В данной связи следует уделять должное внимание деятельности по правовому просвещению.

Литература

1. Бадыло Ю. М. Европейские стандарты защиты адвокатской тайны // Адвокатская практика. – 2021. – № 1. – С. 54–58.
2. Володина С. И., Кучерена А. Г., Пилипенко Ю. С. Адвокатура : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. С. Пилипенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2018. – 360 с.
3. Кучерена А. Г. Адвокатура России : учебник. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2012. – 784 с. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/367259>
4. Никифоров А. В. Адвокатура в Российской Федерации : учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : ИД РИОР, 2011. – 65 с. (Карманное учебное пособие). – URL: <https://znanium.com/catalog/product/308568>

5. Постановление Европейского Суда по делу «Роман Захаров против Российской Федерации», § 302–304.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 марта 1998 г. по делу «Копп против Швейцарии» (Kopp v. Switzerland), § 73 и 74, Reports of Judgments and Decisions 1998-II.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «R.E. против Соединенного Королевства», § 138–139.

8. Постановление ЕСПЧ от 03.02.2011 г. «Дело «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05).

9. Постановление ЕСПЧ от 20.04.2004 «Дело «Амихалакиоае (Amihalachioaie) против Республики Молдова» (жалоба № 60115/00).

10. Постановление Конституционного суда РФ от 18.07.2019 № 29-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова».

11. Постановление Конституционного суда РФ от 21.01.2020 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.».

12. Постановление от 20.05.1998 по делу «Шепфер (Schorfer) против Швейцарии» (жалоба № 25405/94).

13. Принципы и гарантии адвокатской деятельности : доклад Заместителя Председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Д. Башкина в Парламентской Ассамблее Совета Европы (23 октября 2020 г.). // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 4(47). – С. 11–12.

14. Решение от 24.01.2008 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 17155/03 «Изабель Кутан (Isabelle Coutant) против Франции».

15. Свистунов А. А., Щепанский И. С., Куликова Т. Б. Зарубежный и отечественный опыт оценки квалификации юристов : монография. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 192 с. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/959908>

Maria Aleksandrovna Stalnova,

lawyer, Lawyers Association the “Sverdlovsk Regional Guild of Lawyers” (Yekaterinburg)

Respect for the Professional Rights of Lawyers as a Factor in a Democratic Society Development

Abstract. The principal goal of the interaction of states on the international scene is strengthening, development of democracy. The Charter of the United Nations, the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights set forth democratic principles. When we speak of democracy, we mean the respect and protection of human rights, the possibility of realizing human rights, creating the conditions for human development as individuals, and a dignified way of life. The road towards democracy has been full of achievements and problems. They have hindered the progression of a democratic society. One of the guarantees of respect and protection of human rights is the right to qualified legal assistance. It is lawyers who realize this assistance. Performing their professional duty, lawyers face several problems that occurred both in European states, and the Russian Federation. *Objective:* to analyze the role and place of the Bar in the state, the legal status of lawyers, to identify the current problems of the Bar related to the observance of professional rights of lawyers in interaction with the state. *Methods:* empirical methods of description, interpretation; analysis of theoretical sources and normative-legal sources; generalization, formal logic, specific scientific methods: legal-dogmatic, interpretation of legal norms. *Results:* the research allowed us to draw the following conclusions: despite the independence of the Bar from the state, this professional community realizes the public function of protecting the rights of citizens. The specific role of the Bar is noted by the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the

Russian Federation. However, this role is currently not implemented to the full extent due to the shortcomings of legal regulation and the level of professional legal consciousness. To change the situation, we should raise the legal consciousness, both professional and mundane, to promote the idea of the rule of law.

Keywords: lawyer; legal profession; attorney-client privilege; democracy; rule of law; right to qualified legal assistance; right to a fair trial

О практике использования результатов оперативно-разыскных мероприятий в качестве доказательств

Аннотация. В статье анализируется сложившаяся в России правоприменительная практика толкования и применения положений законодательства о доказательствах, которая не соответствует Конституции РФ. Приводятся многочисленные примеры судебных актов, свидетельствующих о том, что правоприменительная практика толкования и применения оспариваемых норм закона допускает принятие в качестве письменных доказательств в арбитражном разбирательстве материалы оперативно-разыскных действий (объяснений опрошенных правоохранительными органами лиц, рапортов сотрудников, писем правоохранительных органов), полученных без соблюдения процессуальных требований закрепления доказательств, подменяя допросы, предусмотренные Налоговым кодексом РФ. В то же время приводится и противоположная судебная практика. Анализируется правовая позиция Конституционного Суда РФ о статусе результатов оперативно-разыскных мероприятий, в соответствии с которой для того, чтобы доказательства имели достоверный характер, необходимо соблюдение процессуальных требований. Сами по себе результаты проведения оперативно-разыскной деятельности не являются доказательствами и не могут быть допущены в качестве письменных доказательств в арбитражном процессе. Обосновывается позиция, согласно которой подпункт 12 части 1 статьи 31, часть 1 статьи 36, части 1, 5 статьи 90 Налогового кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, нарушают принцип верховенства Конституции Российской Федерации. Делается вывод о том, что нельзя подменять доказательства, предусмотренные законодательством, сведениями о доказательствах.

Ключевые слова: оперативно-разыскные мероприятия; доказательства; сведения о доказательствах; налоговый орган; правоприменительная практика; конституционно-правовой смысл нормы; принцип равенства; требование определенности

Посвятим данную статью проблеме, вызванной тем, что в настоящее время фактически сложилась судебная практика, которая исходит из возможности, на наш взгляд, расширительного толкования, допускающего принятие в качестве письменных доказательств в арбитражном разбирательстве материалов оперативно-разыскных действий (объяснений опрошенных правоохранительными органами лиц, рапортов сотрудников, писем правоохранительных органов).

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» дал следующие разъяснения, на которые уже долгое время ориентируются нижестоящие арбитражные суды в своей правоприменительной практике.

«45. При исследовании и оценке представленной налоговым органом доказательственной базы по налоговым делам судам надлежит исходить из того, что материалы, полученные в результате осуществления оперативно-разыскных мероприятий, могут использоваться налоговыми органами в числе других доказательств при рассмотрении материалов налоговой проверки (пункт 4 статьи 101 НК РФ) или при осуществлении производства по делу о предусмотренных НК РФ налоговых правонарушениях (пункт 7 статьи 101.4), если соответствующие ме-

* Айдар Рустэмович Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

роприятия проведены и материалы оформлены согласно требованиям, установленным Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»».

Приведенные ниже выдержки из судебных актов свидетельствуют о том, что в России сложилась не соответствующая Конституции Российской Федерации правоприменительная практика толкования и применения положений законодательства о доказательствах. Например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.06.2017 по делу № А56-64707/2016 указывается на необоснованность утверждения налогоплательщика о том, что объяснения физических лиц, данные сотруднику правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, не являются допустимым доказательством по делу, поскольку получены не в соответствии с положениями статьи 90 Налогового кодекса Российской Федерации.

Кассационная инстанция, сделав ссылку на п. 45 Постановления Пленума от 30.07.2013 № 57, пришла к следующему выводу: *«Действующее законодательство не содержит запрета на использование налоговым органом и арбитражным судом письменных доказательств, добытых в результате оперативно-разыскных мероприятий»*.

Аналогичный вывод сделан в Постановлении Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 10.09.2013 № А72-11704/2012: *«Полученные сотрудниками органов внутренних дел в соответствии с требованиями законодательства об оперативно-разыскной деятельности материалы, экспертные заключения, протоколы опроса, полученные вне рамок выездной налоговой проверки, могут быть использованы в качестве доказательств по делу, поскольку действующее законодательство не содержит запретов и ограничений в использовании налоговыми органами при проведении мероприятий налогового контроля и арбитражными судами при разрешении споров письменных доказательств, добытых в результате оперативно-разыскных мероприятий»*.

В постановлении от 09.12.2016 по делу № А21-8523/2015 Арбитражным судом Северо-Западного округа указано: *«Действующее законодательство не содержит запрета на использование налоговым органом и арбитражным судом письменных доказательств, добытых в результате оперативно-разыскных мероприятий. Таким образом, объяснения, полученные сотрудниками полиции, являясь одним из предусмотренных частью 2 статьи 64 АПК РФ доказательств, исследуются и оцениваются судами наряду с другими доказательствами по делу»*.

Использование материалов оперативно-разыскных действий (объяснений, рапортов) признано судами легитимными также в постановлениях Арбитражного суда Северо-Западного округа по делам № А21-5397/2015 от 27.10.2016, А42-4382/2011 от 28.01.2013, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делам № А67-4593/2013 от 30.04.2014, № А75-10497/2015 от 05.05.2016, Арбитражного суда Поволжского округа по делам № А65-15622/2011 от 26.04.2012, № Ф06-418/2015 от 04.08.2016, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А63-12542/2015 от 28.10.2016, Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.09.2008 по делу № А11-10654/2007.

По нашему мнению, приведенные примеры судебных актов свидетельствуют о том, что правоприменительная практика толкования и применения оспариваемых норм закона допускает принятие в качестве письменных доказательств в арбитражном разбирательстве материалов оперативно-разыскных действий (объяснений опрошенных правоохранительными органами лиц, рапортов сотрудников, писем правоохранительных органов), полученных без соблюдения процессуальных требований закрепления доказательств, подменяя допросы, предусмотренные Налоговым кодексом Российской Федерации.

Необходимо отметить, что имеется противоположная судебная практика, которая исходит из того, что:

- объяснения свидетеля, полученные сотрудниками органов внутренних дел, не являются допустимыми доказательствами, даже если они привлекались к проведению проверки (Постановление ФАС ЦО от 26.03.2014 по делу А08-991/2013);
- протокол допроса (объяснения) свидетеля, составленный (полученный) органами внутренних дел, не является допустимым доказательством, если инспекция не подтвердила этих сведений в рамках мероприятий налогового контроля (постановления ФАС МО от 28.01.2013 по делу № А40-62435/12-116-140, ФАС Дальневосточного округа от 27.01.2012 № Ф03-5901/2011 по делу А73-2078/2011).

При этом Конституционным Судом Российской Федерации сформирована правовая позиция о статусе результатов оперативно-разыскных мероприятий.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в определениях высказывался относительно статуса результатов оперативно-разыскных мероприятий. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, результаты оперативно-разыскных мероприятий не являются доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т. е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации № 2574-О от 19.11.2015, № 18-О от 4.02.1999, № 487-О-О от 22.04.2010, № 1487-О-О от 25.11.2010, № 497-О от 23.04.2013, № 999-О от 23.04.2015, № 167-О-О от 25.01.2012 года, № 1112-О от 19.06.2012, № 286-О от 20.02.2014, № 1198-О от 29.05.2014, № 2557-О от 20.11.2014).

Исходя из правовой позиции, выработанной Конституционным Судом Российской Федерации, для того чтобы доказательства имели достоверный характер, необходимо соблюдение процессуальных требований. Сами по себе результаты проведения оперативно-разыскной деятельности не являются доказательствами и не могут быть допущены в качестве письменных доказательств в арбитражном процессе.

По нашему мнению, подпункт 12 части 1 статьи 31, часть 1 статьи 36, части 1, 5 статьи 90 Налогового кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, нарушают принцип верховенства Конституции Российской Федерации.

Принцип верховенства Конституции Российской Федерации закреплен в ее ч. 1 статьи 15, согласно которой *«Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации»*.

Принцип верховенства Конституции Российской Федерации обеспечивается, в том числе, посредством контроля за соответствием законов и иных правовых актов Конституции Российской Федерации. Одной из форм такого контроля является выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла соответствующей нормы.

«Юридическое последствие решения Конституционного Суда Российской Федерации, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, — прекращение ее действия (а значит, и применения) в неконституционном истол-

ковании и, следовательно, утрата ею силы на будущее время в любом ином, расходящемся с выявленным конституционно-правовым смыслом, допускавшемся ранее понимании. Это означает, что такая норма по общему правилу, вытекающему из части первой и третьей ст. Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» – с момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле» (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р).

«...Данная Конституционным Судом Российской Федерации оценка проверяемой правовой нормы как не соответствующей или, напротив, как соответствующей Конституции Российской Федерации, а также выявленный им конституционно-правовой смысл правовой нормы являются обязательными как для законодателя, так и для правоприменителя и не могут быть отвергнуты или преодолены в законодательной и правоприменительной практике» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-11).

Таким образом, после того, как Конституционный Суд Российской Федерации **выявил** конституционно-правовой смысл соответствующего законоположения, **конкретизировав его нормативно-правовое содержание**, оно больше не может толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле.

С момента вступления соответствующего решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу выявленный им в таком решении конституционно-правовой смысл нормы **неотделим от самой этой нормы** и не может игнорироваться или преодолеваться в правоприменительной практике [10, с. 87].

Поскольку Конституционным Судом Российской Федерации сформирована позиция относительно статуса материалов оперативно-разыскных материалов как сведений об источнике о фактах, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, правоприменительная практика не вправе придавать им, в частности объяснениям опрошенных правоохранительными органами лиц, рапортам сотрудников, письмам правоохранительных органов, силу письменных доказательств, тем самым нарушая принцип верховенства Конституции Российской Федерации.

Согласно части 1 статьи 75 АПК РФ «*письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, договоры, акты, справки, деловая корреспонденция, иные документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа*».

Статьей 68 АПК РФ предписано: «Обстоятельства дела, которые, согласно закону, должны быть подтверждены определенными доказательствами, не могут подтверждаться в арбитражном суде иными доказательствами»

В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» установлено: «*Обратить внимание судов на необходимость выполнения конституционного положения о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований ст. 75 УПК РФ, в силу которой доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения*».

Разъяснить, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гаран-

тированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

Таким образом, доказательства, во-первых, это сведения о фактах, во-вторых, это сведения, подлежащие установлению для разрешения конкретного дела, в-третьих, доказательства должны быть получены из средств, указанных в законе, и, в-четвертых, доказательства должны быть получены в порядке, предусмотренном законом.

При этом любое доказательство имеет форму, под которой понимаются средства доказывания, установленные законом.

Оперативно-разыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов, включая органы внутренних дел Российской Федерации. Содержание этой деятельности регламентировано Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» от 05.07.1995 № 144-ФЗ.

Статьей 6 данного Закона определен исчерпывающий перечень оперативно-разыскных мероприятий, включая опрос, наведение справок, наблюдение, отождествление личности и т. д.

В соответствии со ст. 11 Закона результаты оперативно-разыскной деятельности могут направляться в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, а также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц.

Представление результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами (ч. 4 ст. 11 Закона).

Такие мероприятия оперативно-разыскной деятельности, как объяснение, рапорт, письма либо оформление оперативно-разыскных мероприятий такими документами, не предусмотрены статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности».

Полномочия по осуществлению налогового контроля отнесены к компетенции налоговых органов. Главой 14 «Налоговый контроль» Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрен исчерпывающий перечень мероприятий, который может быть проведен налоговым органом при осуществлении контроля за деятельностью налогоплательщика и которые могут доказывать совершение налогоплательщиком правонарушения (например, налоговый орган вправе вызывать в качестве свидетелей лиц, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для проведения налогового контроля (п. 12 ч. 1 ст. 31, ст. 90 Налогового кодекса РФ), осмотр (ст. 92 Налогового кодекса РФ), истребование документов (ст. 93 Налогового кодекса РФ) и т. д.).

В соответствии с пунктом 1 статьи 36 Налогового кодекса по запросу налоговых органов органы внутренних дел участвуют вместе с налоговыми органами в проводимых налоговыми органами выездных налоговых проверках. Сотрудники органов внутренних дел участвуют в проведении выездной налоговой проверки путем осуществления полномочий, предоставленных им Федеральным законом «О полиции», Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» и иными нормативными правовыми актами РФ.

Пунктом 3 ст. 82 Налогового кодекса РФ предусмотрено, что налоговые органы, таможенные органы, органы внутренних дел, следственные органы в порядке, определяемом по соглашению между ними, информируют друг друга об имеющихся у них материалах о нарушениях законодательства о налогах и сборах и налоговых преступлениях, о принятых мерах по их пресечению, о проводимых ими налоговых проверках, а также осуществляют обмен другой необходимой информацией в целях исполнения возложенных на них задач.

Пунктом 4 статьи 101 НК РФ установлено, что при рассмотрении материалов налоговой проверки исследуются представленные доказательства, в том числе документы, ранее истребованные у лица, в отношении которого проводилась налоговая проверка, документы, представленные в налоговые органы при проведении выездных налоговых проверок данных лиц, и иные документы, имеющиеся у налогового органа. При этом не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Налогового кодекса РФ.

Тем самым Налоговый кодекс РФ устанавливает процедуру формирования доказательств, оформления их. Соответственно доказательства только тогда могут считаться таковыми, когда они собраны в строгом соответствии с требованиями Налогового кодекса РФ.

Поскольку сотрудники органов внутренних дел не являются сотрудниками налогового органа, они не вправе осуществлять мероприятия налогового контроля, а *оказывают содействие* налоговым органам при проведении налоговых проверок (розыск, привод и т. д.).

Опрос гражданина не предусмотрен Налоговым кодексом РФ в качестве мероприятия налогового контроля. Показания гражданина могут быть зафиксированы только при проведении допроса, проводимого налоговым органом в порядке статьи 90 Налогового кодекса РФ.

Притом что законом предусмотрена фиксация показаний именно в допросах, толкование судами оспариваемых норм свидетельствует о признании легитимной подмену налоговым органом предусмотренное Налоговым кодексом РФ осуществление допросов свидетелей «материалами» оперативно-разыскных действий, не обеспечивающими достоверность полученной информации.

В соответствии с ч. 5 ст. 90 Налогового кодекса РФ *«перед получением показаний должностное лицо налогового органа предупреждает свидетеля об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний либо за дачу заведомо ложных показаний, о чем делается отметка в протоколе, которая удостоверяется подписью свидетеля»*.

Помимо этого, права свидетеля при его допросе ограничиваются. Так, свидетель вправе отказаться от дачи показаний только по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 90 Налогового кодекса РФ), а именно: гражданин вправе не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ).

Таким образом, законом установлен определенный порядок получения такого письменного доказательства, как объяснение свидетеля.

В нашей практике генеральный директор одного из предприятий дал объяснение только в рамках опроса при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, соответственно при опросе он не предупреждался об ответственности за дачу ложных показаний.

Это означает, что он мог давать какие угодно показания, чтобы уйти от ответственности за налоговые правонарушения либо за незаконное образование юридического лица, и он в любом случае не понес бы ответственность за дачу ложных показаний. Судом был принят опрос в качестве письменного доказательства без

надлежащего процессуального закрепления налоговым органом доказательств в установленном порядке, без обеспечения достоверности.

Опрос, не получивший надлежащего процессуального оформления, не может подменить допрос, проведенный в порядке ст. 90 Налогового кодекса РФ, и является лишь источником сведений о фактах, который без закрепления его надлежащим процессуальным способом не является доказательством.

Также и информация, содержащаяся в рапортах, в письмах сотрудников правоохранительных органах, представляет собой лишь сведения об источнике информации, которую можно использовать для поиска источника, а в дальнейшем для проведения допроса налоговыми органами, т. е. могут быть основаниями для проведения мероприятий налогового контроля, предусмотренных главой 14 Налогового кодекса РФ, но никак не в качестве доказательств содержащихся в них фактов.

В своем определении № 1-О-О от 29.01.2009 Конституционный Суд Российской Федерации указал: *«Пункт 3 статьи 82 Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающий возможность обмена информацией между органами внутренних дел и налоговыми органами, не отменяет действие прав и гарантий, предоставленных налогоплательщикам в рамках проведения мероприятий налогового контроля».*

Соответственно толкование судебной практики о легитимности принятия в качестве письменных доказательств объяснений физических лиц, опрошенных правоохранительными органами, рапорты сотрудников и письма правоохранительных органов находится в противоречии с требованием закона, нарушает принцип недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), поскольку полученные в порядке оперативно-разыскных действий материалы являются доказательствами только тогда, когда они оформлены в предусмотренной процессуальной форме, в данном случае – с учетом норм налогового законодательства.

Сложилась уникальная ситуация, при которой, с одной стороны, арбитражные суды принимают в качестве доказательств материалы оперативно-разыскных действий, вынося судебные акты, основывая их на данных материалах, тем самым создавая преюдицию для уголовного процесса, поскольку в силу ст. 90 УПК РФ *«Преюдиция» «обстоятельства, установленные... вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки».*

С другой стороны, исходя из выработанной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. А также позиции Верховного Суда Российской Федерации о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований ст. 75 УПК РФ, в силу которой доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Таким образом, существуют два стандарта в уголовном и в арбитражном процессе, что затрагивает конституционные права и свободы граждан, ведет к ущем-

лению прав, поскольку через установление обстоятельств на основании материалов оперативно-разыскных действий в арбитражном процессе существует возможность создания преюдиции для уголовного процесса.

Сама по себе возможность неоднозначного толкования открывает дорогу произволу и нарушает конституционно-правовой принцип равенства всех перед законом и судом.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывался в своих постановлениях о критериях определенности правовой нормы. В частности, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 года № 10-П указывается, что *«общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями; неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства и верховенства закона»*.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации неразрывно связывает принцип равенства всех перед законом и судом с требованием **определенности правового содержания нормы и недопустимости ее произвольного применения**.

Принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и существующих правоотношений. Правовая определенность необходима для того, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей [9].

Данный принцип имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и, в том числе, дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы, не будут меняться от случая к случаю [8].

Конституционный принцип правового государства, возлагающий на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод (часть 1 статьи 45 Конституции Российской Федерации), судебную защиту (часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации).

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2017 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр» было разъяснено:

«Во взаимосвязи с закрепленной статьей 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанностью государства охранять достоинство личности и тем самым утверждать приоритет личности и ее прав во всех сферах это означает, что во взаимоотношениях с государством личность выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который в силу статьи 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с госу-

дарством в лице любых его органов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П, от 2 июля 1998 года № 20-П и от 20 апреля 2006 года № 4-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 года № 42-О, от 13 июня 2006 года № 272-О и № 274-О и др.). Следовательно, гарантии судебной защиты должны носить всеобъемлющий характер, с тем чтобы конституционные права и свободы были не иллюзорными, а реально действующими и эффективными.

Применительно к сфере налогообложения, которое по своей природе связано с вмешательством в экономическую автономию личности и выражается в отчуждении части принадлежащих налогоплательщикам денежных средств публично-правовым образованиям для финансового обеспечения их деятельности, судебный контроль приобретает особую значимость для цивилизованного разрешения возникающих в этой сфере правовых споров на основе независимости и беспристрастности, служит средством преодоления возможного произвола в правоприменении и существенным фактором поддержания взаимного доверия во взаимоотношениях личности и публичной власти, определяя тем самым важнейшие условия для устойчивого развития гражданского оборота».

Сложившийся подход арбитражных судов к толкованию обжалуемых положений нарушает данный принцип, поскольку защита прав и свобод граждан и юридических лиц фактически ставится в зависимость от усмотрения судов в каждом конкретном случае.

В результате складывается ситуация, в которой участники соответствующих правоотношений не имеют возможности в разумных пределах предвидеть последствия того или иного поведения и быть уверенными в неизменности своего положения, включая свои права и обязанности, в том числе определенные судебным решением, что недопустимо с точки зрения гарантированности каждому государственной защиты его прав и свобод, судебной защиты, закрепленной в части 1 статьи 45 и части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, оспариваемые положения, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, нарушают часть 1 статьи 45 и часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

В соответствии с частью 3 статьи 123 судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Это один из основных принципов процесса, определяющий порядок взаимоотношений сторон в судопроизводстве и организацию их совместной деятельности в процессе исследования доказательств.

Он означает, что процессуальные стороны осуществляют свои процессуальные функции на соревновательных началах, пользуясь равными процессуальными правами и выполняя процессуальные обязанности, в одинаковых правовых условиях, при исключительной функции суда разрешать дело по существу.

В случае, когда одна сторона представляет доказательства проявления своей должной осмотрительности, полученных перед заключением сделки, включая свидетельства о государственной регистрации, уставы, справки об отсутствии долгов, выданные самим налоговым органом, протоколы назначения директоров и т. п., а другая сторона представляет лишь материалы оперативно-разыскных действий (объяснения опрошенных правоохранительными органами лиц, рапорты сотрудников и письма правоохранительных органов), которые не оформлены ими в надлежащей процедуре, их достоверность не подтверждена процессуально, и суд, признавая допустимость материалов оперативно-разыскных действий в качестве письменных доказательств, которые ими не являются, приходит к выводу о фиктивности организации, тем самым устраняя за налоговый орган его «недоработки», чем, по сути, исполняет обязанность, возложенную на налоговый орган

законом, нарушая баланс интересов сторон, ограничивая право другой стороны аргументированно и эффективно защищать свои интересы.

Таким образом, толкование, данное оспариваемым нормам правоприменительной практикой, допускающее принятие в качестве письменных доказательств в арбитражном разбирательстве «материалов» оперативно-разыскных действий (объяснения опрошенных правоохранительными органами лиц, рапорты сотрудников и письма правоохранительных органов), полученных без соблюдения процессуальных требований закрепления доказательств, подменяя допросы, предусмотренные Налоговым кодексом Российской Федерации, нарушает принцип состязательности и равноправия сторон, право на судебную защиту.

Судебные акты, основанные на толковании норм АПК РФ как позволяющих принимать материалы оперативно-разыскной деятельности (объяснения опрошенных правоохранительными органами лиц, рапорты сотрудников и письма правоохранительных органов) в качестве письменных доказательств в налоговых спорах, приводят к произволу.

Налоговый орган, ничего не предпринявший для привлечения к ответственности настоящего налогового правонарушителя и взыскания с него недоимок в бюджет, выигрывает налоговый спор; в результате добросовестный налогоплательщик уплачивает налоги за себя и за контрагента.

«Такие судебные акты ориентируют участников налоговых правонарушений не на соблюдение законодательства, а на уклонение от него. Например, налоговый мошенник получает для себя наглядные пособия, как легко избежать налоговой ответственности: просто сымитировать пропажу своего паспорта, исказить свои подписи на заявлениях о регистрации организации и первичных документах, отречься от руководимой им организации.

Налоговый инспектор получает готовую инструкцию по проведению налоговых проверок, позволяющих без доказывания вины проверяемого налогоплательщика со 100%-ной гарантией привлечь его к налоговой ответственности и выполнить план налоговых доначислений. При этом инспекции совсем не выгодно преследовать фирмы-однодневки, поскольку в этом случае она не получит незаменимых доказательств: свидетельских показаний их руководителей-отказников...

Такая налоговая практика повлекла за собой ряд негативных для налогового права последствий:

двойную уплату налогов добросовестным налогоплательщиком (за себя и за контрагента);

налоговые преференции для фирм-однодневок (благоприятные условия для создания и осуществления незаконной деятельности);

утрату доверия налогоплательщиков к публичной информации (выпискам из ЕГРЮЛ, данным с сайта ФНС России, ответам из налоговых инспекций по месту учета контрагентов);

снижению доверия к судам...» [7, с. 134].

Таким образом, можно сделать вывод, что Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Постановлением от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», п. 45, способствовал формированию непоследовательной и противоречивой практики применения положений АПК РФ.

Не можем не отметить, что в 1.7 письма Федеральной налоговой службы России от 17.07.2013 № АС-4-2/12837 содержалось разъяснение, что «при использовании налоговыми органами результатов оперативно-разыскной деятельности при реализации ими полномочий по контролю и надзору за соблюдением законода-

тельства о налогах и сборах в качестве доказательств по делу о налоговом правонарушении, налоговым органам необходимо учитывать, что если данные результаты не отвечают требованиям, предъявляемым арбитражным процессуальным законодательством и гражданским процессуальным законодательством к доказательствам, необходимо их закрепление в надлежащей форме путем проведения соответствующих мероприятий налогового контроля, так как в этом случае данные результаты являются лишь сведениями об источниках соответствующих фактов, а не доказательствами (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.1999 № 18-О, от 25.11.2010 № 1487-О-О, от 25.01.2012 № 167-О-О и др.)»).

Однако именно Пленум ВАС РФ стал основанием для формирования практики, которая и по настоящее время «царствует» в арбитражных судах [5; 6; 2; 4; 3] вопреки здравому смыслу и благодаря молчаливому бездействию Верховного Суда РФ. При этом Конституционный Суд РФ продолжает придерживаться позиции, согласно которой «результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ “Об оперативно-разыскной деятельности”, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т. е. так, как это предписывается статьями 49 и 50 Конституции Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 года № 18-О, от 19 декабря 2017 года № 2810-О и др.)» [1].

Полагаем, что приведенные доводы свидетельствуют о недопустимости принятия в качестве письменных доказательств в арбитражном разбирательстве «материалов» оперативно-разыскных действий, а именно: объяснений опрошенных правоохранительными органами лиц, рапортов сотрудников и писем правоохранительных органов, полученных без соблюдения процессуальных требований закрепления доказательств. Нельзя подменять доказательства, предусмотренные законодательством, сведениями о доказательствах.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 786-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронина Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 декабря 2019 г. № Ф05-22285/19 по делу № А40-201678/2018
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 августа 2019 г. № Ф05-13391/19 по делу № А40-147694/2018.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 октября 2019 г. № Ф05-18119/19 по делу № А40-150131/2018.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 января 2020 г. № Ф07-17391/19 по делу № А42-8149/2016.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 3 ноября 2020 г. № Ф08-8698/20 по делу № А53-31855/2019.
7. Сасов К. А. Солидарная ответственность в налоговом праве. – М. : Альпина Паблицер, 2011. – 200 с.
8. Султанов А. Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1(2). – С. 62–65.
9. Султанов А. Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры, или как в Закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 5–17.

10. Султанов А. Р. Правовые позиции постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ и их правовое значение для гражданского процесса [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. – 2011. – № 4. – URL: https://zakon.ru/publication/pravovye_pozicii_postanovlenij_konstitucionnogo_suda_rf_i_postanovlenij_espch_i_ix_pravovoe_znachenie (дата обращения: 08.10.2021).

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Division of Nizhnekamskneftekhim (Nizhnekamsk),
member of Association for Better Living and Education (ABLE)

On the Use of Investigative Results as Evidence

Abstract. The article analyzes the current law enforcement practice in Russia of interpreting and applying the provisions of the legislation on evidence, which is not in accordance with the Constitution of the Russian Federation. Numerous examples of judicial acts show that the law enforcement practice of interpreting and applying the contested norms of the law allows for accepting materials of investigative actions as written evidence in the arbitration proceedings (explanations of persons interviewed by law enforcement agencies, staff reports, letters of law enforcement agencies) received without compliance with the procedural requirements for fixing evidence, replacing interrogations provided for by the Tax Code of the Russian Federation. At the same time, the paper introduces the opposite jurisprudence as well. The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the status of the results of investigative work is analyzed, in accordance with which, for evidence to be reliable, procedural requirements must be respected. In itself, the results of the operational-search activities are not evidence and cannot be admitted as written evidence in the arbitration process. The author justifies the position according to which subparagraph 12 of part 1 of article 31, part 1 of article 36, part 1, part 5 of article 90 of the Tax Code of the Russian Federation and part 1 of article 75 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, in line with the meaning attached to it by law enforcement practice, violate the principle of the supremacy of the Constitution of the Russian Federation. The author concludes that evidence provided for by law cannot be substituted for any other information about evidence.

Keywords: investigative activities, evidence; information about evidence; tax authority; law enforcement practice; the constitutional-legal meaning of the norm; the principle of equality; the requirement of certainty

|| ФИЛОСОФИЯ

Петро-арт: современная живопись столицы Урала (на примере творчества Бориса и Натальи Хохоновых)

Аннотация. Работа посвящена художественному феномену петро-арта, который был создан художниками из Екатеринбурга Борисом и Натальей Хохоновыми. Авторы анализируют природу этого изобразительного стиля, его особенности и отличительные черты. Природа Урала и культурная атмосфера Екатеринбурга позволяют говорить об органическом синтезе декоративного и изобразительного искусств. Авторы используют при описании, анализе и расшифровке вещей, полученных в процессе получения картин в стиле петро-арт, методы философской герменевтики, художественной интерпретации, феноменологической философии, научного анализа, общекультурного синтеза, семиотики и литературоведения.

Результаты анализа доказывают и убеждают, что внимание к региональному, местному, природно-естественному порождает не очередную эклектику, не искусственное соединение, а возвращает нас к истокам природы изобразительного искусства и искусства вообще. Работа обращает внимание на мощный культурный ресурс, который может оказаться полезен для туристических, художественных, музейных инвестиций не только в Уральском регионе, но и в границах всей Российской Федерации.

Ключевые слова: петро-арт; Борис Хохонов; Наталья Хохонова; Екатеринбург; Урал; камень; вещь; современное искусство; естественное

Место культуры является местом тех событий, которые в этом месте случались, и тех людей, которые эти события делали или были в них вовлечены. Как бы ни виртуализировалась или ни дистанцировалась реальность культуры от человека, место культуры никогда не сможет быть сведено к его картинке или информационному упоминанию о нем. Упомянув или читая имя места, например Урала, Екатеринбурга, Невьянска или Верхотурья, мы с неизбежностью вспоминаем определенный набор культурных штампов и стереотипов, которые сопровождают эти имена-названия. Но за этим набором слов находится реальность вещей, тех событий и памятных дат, которые определяют собственно изучаемое место культуры. Расшифровывая и анализируя имя места, мы хотя бы в некоторой степени приближаемся непосредственно к самому месту, к тому, на чем оно основано.

Когда мы вспоминаем Екатеринбург, то говорим о гибели царской семьи, о П. П. Бажове, о модном Ельцин-центре, о водоразделе между Европой и Азией, о свердловском роке, о старике Букашкине (Е. Малахине), о Саше Башлачёве. Эти люди сделали место Екатеринбурга определенным, придали ему свою физиономию, и память об этих людях и анализ их работы в пространстве Екатеринбурга делают этот город специфическим культурным топосом.

Однако известно, что имя Екатеринбург связано, прежде всего, с камнем. Камень является тем символом и знаком, который характеризует город издавна и до сих пор. Мегалополис Екатеринбург не перестает быть городом горнозаводским и городом сказов П. П. Бажова, городом Хозяйки Медной горы [1]. Известно, что в Екатеринбурге самое короткое в России метро по числу станций и одно из самых

* **Леонид Сергеевич Чернов**, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет» (г. Екатеринбург).

ORCID: 0000-0003-2277-2899, e-mail: leon-chernov@yandex.ru

Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

ORCID: 0000-0002-9723-465X, e-mail: schreibigus@mail.ru

коротких по длине. За этими явлениями стоит камень, который представляет собой основу, тайну, фактический фундамент земли и почвы, на которой находится жилое место, где живут люди. В этом месте с камнем принято считаться, его нужно учитывать при бурении земли, при добыче ископаемого, при настрое на работу, на дело, на мастерство.

Камень живет в месте Екатеринбургa не только в модусе самоцветов, драгоценных и полудрагоценных камней (берилл, медный изумруд, аметист, топаз, турмалин, хризолит, горный хрусталь, яшма, малахит), но и в модусе камня как вещи [2, с. 194–200]. Поделочные и драгоценные камни формируют мастера-камнереза с его особой психологией и установкой отношения к миру, а сам феномен камня формирует человека, живущего в природе, где камней много и они попадают тебе под ноги на глаза буквально на каждом шагу. Отсюда невозможность избавиться от каменности как атрибутивного качества субъекта места, проще – жителя Екатеринбургa. Невозможно и в искусстве обойтись без этого качества, даже если это искусство с камнем непосредственно не связано. Авторы данной статьи описывают и анализируют попытку соединения живописи как изобразительного искусства с уральским камнем как самостоятельным объектом и вещью. Соединение живописи и камня рождает особое явление, названное екатеринбургскими художниками Борисом и Натальей Хохоновыми – искусством петро-арта.

В работе Бориса Хохонова «Ожидание мужчин», с одной стороны, присутствует авангард современного ремесла, новизна риторики, подачи материала, а с другой – глубина и традиционность темы. Ведь как традиционно и просто – напряженно ждать мужчин, приготовить для них вино и держать на подносе угощение. Кого этим удивишь? Не слишком ли просто в эпоху моды на толерантность и бесполость во всех ее смыслах? И призвано ли современное искусство анализировать подобного рода темы: ожидание женщинами мужчин, возвращение мужчин. Ответ однозначен: конечно, да. И каким бы авангардистом художник ни слыл по традиционной искусствоведческой классификации, мужское и женское в культуре и искусстве всё еще существуют, и именно их соотношение является одним из основных импульсов и двигателей их развития.

Мужчин на этой картине нет, они не изображены напрямую. Но изображены символы того, что ожидается и кого ожидают. Трём женщинам соответствуют три корабля с белыми парусами. Это означает, что каждая женщина ждет своего мужчину и у каждой есть надежда на то, что угощение будет принято. Что крайне важно, парус одного из кораблей частично нарисован красками, а частично сделан, буквально, из плоского, зеркально отшлифованного камня. Если специально и долго не приглядываться, то и не увидишь, где камень, а где краска. Фактуры краски и камня органично слиты, они продолжают друга друга и переходят одна в другую. И все же нам важно, что парус сделан именно из камня. Ибо камень – символ твердости, основательности, применительно к данной картине – надежды на то, что возвращение состоится и ожидание себя оправдает. Эти же камни – гладкие, зеркально чистые, каждый со своим узором – агат, оникс и яшма придают и без того классическому и внешне примитивному содержанию картины еще бóльшую архаичность и глубину. Камни вкраплены в изображение лица одной из женщин и в то самое угощение – «мороженое», которое находится на одном из подносов. И оказывается в итоге, что камень присутствует в лицах женщин, в парусе корабля и в угощении, которое ждет мужчин. Во всех трех, с точки зрения смысла работы, элементах – лице, парусе, угощении – находится природный уральский камень. Первоначально незаметный, но скрепляющий собой все элементы «Ожидания мужчин». Мужчина приплывет, отведаст угощение и дотронется до женщины – вот что читается за таким неслучайным расположением камней в данной работе.

Рис. 1. Борис Хохонов. Ожидание мужчин

Рис. 2. Наталья Хохонова. Диптих «Оба два»

Самым существенным и важным в этой работе является даже не присутствие в ней камня, сочетающегося с краской, и не архаичская тема изображаемого, а отсутствие на полотне эффекта перспективы в том традиционном смысле, к которому мы привыкли на картинах реалистической направленности. И женщины, и корабли, и подносы нарисованы и располагаются здесь на одной плоскости, прямо перед зрителем. Пространственное различие, которое позволяет нам сказать о том, что корабли всё же вдали, а женщины всё же здесь, перед нами, достигается многослойным способом нанесения краски на холст и специфической, сугубо авторской и неповторимой техникой живописи Бориса Хохонова. Результатом такой

техники является визуальное и смысловое переплетение того, что вдали, и того, что близко. В случае «Ожидания мужчин» достигается интересный эффект: женщины смотрят на корабли, которые находятся ближе к нам, к зрителям, а не вдали и не где-то на горизонте. Можно было бы откеститься от такого рода толкования, сказав, что, дескать, женщины придумали эти воображаемые корабли. Но нет, в данном случае так не получается. И во многом благодаря камням. Камни своей вещественностью, плотностью и особой принадлежностью к земле, природе не дают нам сказать, что женщины ждут воображаемых и несуществующих мужчин. Все оказывается именно так, как мы и предположили вначале. Женщины ждут мужчин, только мужчины приплывают не издалека, не откуда-то, а с того места, откуда смотрят зрители, т. е. от нас с вами.

В работе «Исток художественного творения», написанной в середине 30-х годов XX века, немецкий философ Мартин Хайдеггер, рассуждая о том, что такое мир, в частности, пишет: «Для камня нет мира. И для растения, и для животного тоже нет мира... А у крестьянки, напротив, есть свой мир... Как только раскрывается мир, все вещи становятся по-своему близкими и далекими» [9, с. 284]. Для М. Хайдеггера мир не является только наличием или совокупностью вещей, предметов или явлений. Он специально оговаривает, что мир не может быть («не бывает») предметом. В этом смысле, чтобы быть миром, вещи должны бытийствовать. Проще говоря, вещи должны быть вовлечены в мир человеческой жизни, заботы, труда. Только человеческое присутствие, бытие человека в мире делает мир миром. Похожую идею высказывал О. Э. Мандельштам в манифесте «Утро акмеизма»: «Любите существование вещи больше самой вещи...» [4, с. 23].

Разделенность вещи и ее бытия – явление не очевидное, к нему нужно привыкнуть и понять его. Существование, бытийственность, вовлеченность в мир – это особое состояние, присущее только человеку, наделяющему вещи значениями. И камень здесь – либо украшение, либо материал для храма, либо булыжник у дороги, иными словами – камень очеловеченный. Бытие камня и сам камень различны, и различие это не произвольное, не излишнее, а такое, которое позволяет нам принять и запомнить камень и как булыжник с мостовой, и как камешек с летнего пляжа, где мы провели отпуск и куда хотим вернуться, и как поделочный материал, из которого делают украшения. Хотя мы готовы предположить, что камень, как особая вещь, может жить своей жизнью и что его, каменное, бытие для человека в принципе недоступно. Но это будет уже мир камней, мир сугубо каменный, с каменными законами, связями и ценностями. Мы соглашаемся с М. Хайдеггером в том, что подлинной вещью камень может стать только в пределах и границах мира человека, но вместе с тем полагаем: в камне остается его собственное, каменное, земное. На наш взгляд, искусство Бориса и Натальи Хохоновых находится в этом промежутке. Между миром человеческим, ибо это все же искусство, созданное людьми и для людей, и миром природы, отчасти – миром камня, ибо в этой живописи камни раскрывают нам себя, свое особое существование природных уральских камней. То есть – свое каменное бытие. Отсюда и камень, и окаменевшее дерево, которые используют в своих работах Хохоновы, и свойственная им специфическая манера рисования придают этим работам свойства вещей, подлинных вещей, а не тех, которые мы сейчас обозначаем как аксессуары или стильные штуковины.

С другой стороны, эти камни нераздельно сочетаются с краской и общим замыслом работы, задуманной художниками. И становятся, тем самым, элементом и частью мира человека. Таким образом, мы полагаем, что, раскрываясь в мире людей, природная составляющая творчества Хохоновых-художников продолжает жить своей самостоятельной жизнью, привнося в вещь, как творение, свойства и характеристики природного предмета.

Такого рода двойственность их творчества потребовала для публики особого двойного названия, обозначения: «петро-арт». Соединение камня и живописи на одной плоскости. Вероятно, в названии «петро-арт» под камнем подразумевается как прямое значение – ведь на картинах есть камень, – так и переносное. Камень – это основа, то, что находится под землей и почвой, то, на чем можно стоять, от чего можно отталкиваться и начинать.

В работе «Исток художественного творения» М. Хайдеггер описывает, как художник Ван Гог нарисовал башмаки. Данная работа широко известна этим подробным описанием «вангоговских» крестьянских башмаков. Внимательный зритель-философ видит в крестьянских башмаках не просто и не только изображение, более или менее специфическое, а «упорный труд тяжело ступающих во время работы ног», «заботу, не знающую жалоб», «сытую сырость почвы». За этими башмаками видятся и надежность, помогающая при работе в поле, ведь не выйдешь же в поле в туфлях или штиблетах, и «зов земли», и тот самый незамысловатый крестьянский мир, который окружает работника в деревне. Согласимся с очевидным: башмаки – это нечто первое, самое низкое и плотное, что прижимается к земле, вдавливаясь в нее, когда мы на нее ступаем. И такое очевидное, первичное мы, как правило, пропускаем в жизни, не обращаем на него внимания, воспринимаем как само собой разумеющееся. М. Хайдеггер пишет: «Свойство земли – вбирать в себя мир». Из этого высказывания мы можем сделать и такой вывод: то, что вне земли, может лишиться и мира, а значит, и человеческого.

Что дарит такого рода вещь, вещь земная, внешне простая и незамысловатая? Достаточно внимательно взглядеться в нарисованное. В рисунок, в произведение искусства, которое является творением. Земное здесь многогранно: это и сами башмаки, как предмет рисования, и то, как они нарисованы, и то, как мы смотрим, как воспринимаем их. Мы можем воспринимать их с точки зрения фотографической точности, и тогда у нас как зрителей будет масса претензий к художнику, их нарисовавшему. Мы можем вообще спрашивать – а зачем и нужно ли было рисовать башмаки, такой земной и не очень-то красивый предмет?

Данный рисунок, по мнению М. Хайдеггера, безусловно, является творением именно с точки зрения передачи настроения крестьянского мира, раскрытия этого мира. Это свойство творения – создавать мир, передавать настроение мира другой эпохи, другого времени, присуще не каждому произведению, даже если оно является в художественном отношении высококачественным и мастеровитым. Мы предполагаем, вслед за немецким мыслителем, что только некоторые, особые произведения способны создавать такого рода настроения. И к таким произведениям относятся те, что говорят о земле, о природе, о существовании человека – одним словом, те, которые возвращают человека к истокам, к его собственным основаниям. К таким произведениям, на мой взгляд, относятся и работы Хохоновых.

М. Хайдеггер пишет о том, что мир создается и образуется не просто и не только человеческим присутствием, но именно творением. Творение возвращает человека к земле. Вновь вспоминается О. Э. Мандельштам.

Кружевом, камень, будь
И паутиной стань,
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань! [3, с. 57]

По сути, мир и земля у М. Хайдеггера становятся очень близкими. Не зря для иллюстрации своих философских идей он выбирает именно крестьянские башмаки. Часто мы уподобляем творчество и творению небесному, высокому, заоблачному. Знаменитая скульптура Святой Терезы Бернини так сильно поднимает глаза

вверх, что кажется, будто свой экстаз женщина претерпевает во сне. В этих занебесности и воздухе забывается земное, то, откуда происходит творение, то, где и в чем оно берет силы и свой исток.

Человеческий мир связан с землей и зависим от нее. Такое заключение мы делаем, пытаясь вникнуть в суть написанного немецким философом. В этом «поэтическом», по его словам, споре между творением и землей рождается истина, которая оказывается «бытием творения». А если упростить и попытаться переложить сложную речь философа на наш более простой и повседневный разговор, то получается, что истина может быть только там, где есть земля, проще – природа и естество. Истина есть там, где есть творение, а проще – искусство, творчество. Истина есть там, где земля/природа и творчество начинают взаимодействовать и результатом этого взаимодействия оказывается творение, вещь. Вещь, обладающая своим потенциальным, возможным миром, но вписанным и в наш, человеческий мир оценок и страстей.

Специфическое качество вещи (фактура, материал, цвет, узор, внешняя форма) раскрывается в ней в разной степени, в большей и в меньшей. Эти качества можно скрывать, не афишировать, но можно и выставлять вперед, делать на них «ставку». Зависит это от самой вещи: камень – это камень, стекло – стекло, дерево – дерево, зеркало – зеркало и т. д. И от степени вовлеченности вещи в окружение, от умения вставить вещь в тот или иной контекст, в ту или иную обстановку. Кто это делает, кто вовлекает вещи в определенное пространство? Как вещи поворачиваются, какие свойства их видимы сразу, а какие только через некоторое время? Отчего и само пространство изменяется, и сама вещь приобретает дополнительные характеристики? Очевидно, что это происходит под рукой автора. В живописи Хохоновых позиция автора уходит на второй план. Автор виден, он есть, он наполняет краски и линии своим эмоциональным содержанием, но вместе с тем автор предоставляет вещи право самой сказать о себе. Отчего-то картины Хохоновых, обладая достаточно выраженной экспрессией, воспринимаются как независимые и самостоятельные предметы. Отсюда и отношение к ним как к вещам, как к тому, что несет в себе работу рук, заботу о сделанности, полагание и проект того, как вещь будет жить дальше, где, с кем, в каких условиях.

Сделаем промежуточный вывод: как нам может помочь в отношении современного искусства толкование и объяснение М. Хайдеггером рисунка крестьянских башмаков? И разве связь и сопряженность тем творчества, истины, земли, мира, бытия – не есть сугубо личное и излишне усложненное видение именно М. Хайдеггером вопроса о природе художественного творчества? Ведь на картинах Натальи и Бориса Хохоновых в том, что они обозначают как «петро-арт», мы видим совсем другие краски, другую технику рисования, нежели у знаменитого сейчас автора башмаков. Как можно применить то, что было применимо к одному художнику, в отношении и относительно другого?

В данном случае возможно. Ведь мы не говорим о стилевых и жанровых взаимосвязях, о технике нанесения краски и эстетической преемственности школ. То, о чем писал М. Хайдеггер, и то, что он видел в живописи Ван Гога, Пауля Клее, в стихах Гёльдерлина, Ш. Георге, находится за пределами сугубо эстетического, за пределами искусства и художественного. А значит, это оказывается очень близким каждому из нас, ибо касается любого. Ведь мы все ходим по земле, смотрим на небо, пинаем камешки под ногами. Мужчины любят женщин, женщины мужчин; те и другие любят детей. Искусство, творения, вещи определенного рода – все это обладает удивительной простотой, которую нужно уметь видеть. И не придумывать в ее отношении ничего лишнего. Данные феномены и качества организуют жизнь любого человека. Отсюда – и простота, которая кажется доступной потенциально каждому, но актуализируют ее в творчестве лишь немногие.

Такова, на наш взгляд, простота Ван Гога, Сезанна, Джакометти, Поллака. (Рильке внимательно смотрел на работы Сезанна, учась у художника простой вещи – трудолюбию.) И такой же характеристикой простоты обладают, на наш взгляд, работы Хохоновых. Ибо земля, природа, естество, нарочитая простота техники, особый внимательный взгляд – как раз то, что цементирует мир творчества Хохоновых.

Этот мир раскрывается через такие темы и образы, как камень, мужчина, женщина, медведь, рыба, собака, сон, дом, пророчество. Повторим: это – простые, самые очевидные и близкие к человеку вещи и предметы. Как в историческом, социальном смысле, так и в смысле индивидуальном, личностном. Нет необходимости говорить о том, что человеческие сказки переполнены звериными персонажами и чудесными превращениями людей и животных. Но есть смысл об этом напоминать. Как, например, Борис Хохонов в работах «Поющий медведь» и «Крылатый медведь». Медведи в этих работах изображены не явно, а опять-таки схематично, как бы зашифрованно, но при этом они, собственно, как медведи, вполне убедительны. Они, эти медведи, показаны в моменты превращений, трансформаций, во временном длящемся промежутке. От этого создается впечатление, что художник ничего не придумал, он просто увидел летящего и поющего медведей, успел запомнить их и нарисовал. И в таком случае оказывается, что эти, на первый взгляд фантастические, животные сугубо реальны и не являются плодом художественной фантазии. А если мы начинаем, благодаря искусству подобного рода, спрашивать о том, что есть реальность, что рисует художник, какова в его рисунке степень выдуманности и вымысла, значит, мы действительно, уже сами по себе, без авторитетов и классиков, приходим к связи искусства и истины. Значит, живопись Хохоновых затрагивает не только ощущения, пусть естественные, природные, земные, и находится не только в области эмоций. Она заставляет задуматься о природе искусства и творчества вообще, о том, что есть истина в искусстве, какова природа живописи, рисунка. Что такое краска, цвет и каково, например, происхождение контура в рисунке.

Сочетание авторского, художественного и естественного, земного, вещного придает искусству Хохоновых специфический тон, настрой, который, в общем-то, не свойствен искусству современному, где автор либо слишком громко кричит о себе и пытается привлечь к себе внимание любыми средствами, либо прячется за цитату классика. Это сочетание архаичности, проявленное и в наличии камня и дерева в работах, и в тематике работ, со специфической техникой – сугубо современной, с авторским «Я» обоих художников, – придает их искусству особое напряжение. Это напряжение проявлено и в цветах полотен, и в том усилии, которое нужно прилагать порой даже для первичного понимания того, что ты видишь, и в каком-то напряжении невыразимого уже характера, когда чувствуешь, что рядом с тобой что-то происходит, что это живое и что с ним нужно считаться.

На диптихе Натальи Хохоновой «Оба два» изображены мужчина и женщина. В обеих частях диптиха буквально «бросается в глаза» доминирующий цвет. Он очень яркий: от оттенков бледно-розового до красного святающегося. Такое цветовое сочетание придает всей работе сильную внешнюю визуальную экспрессию. Кажется, что каждая из частей работы светится сама внутренним источником света. Камень – скарн, который присутствует в каждой из работ и который не сразу и увидишь, возможно и придает всему диптиху подобного рода эффект. Хотя камень не блестит и не похож на зеркало, наоборот, он, как почти всегда у Хохоновых, прячется в рисунке. Во всяком случае, первое впечатление от взгляда на эту работу оказывается подобно оптическому толчку, легкому, но ощутимому. Возникает некоторое удивление: что здесь изображено, кто это, почему оба? Со временем, когда начинаешь смотреть на работу дольше и внимательнее, начинаешь

различать в ней собственно фигуры мужчины и женщины. Мужчина и женщина изображены схематично и очень похоже, и для удостоверения того, кто есть кто, использована очень простая линия, линия, очерчивающая огромные шубы, шапки и валенки. И как бы ни были похожи эти зимние одежды, мы все же различаем под ними и за ними контуры мужского и женского тел. Повторим, это различие не бросается в глаза, и его вообще можно не заметить, и название работы, данное автором, здесь дает подсказку нам, зрителям. Мужчина и женщина почти одинаковы не только контурами тел, но и узорами на одежде, цветом изображения, камнем. Различие, как сказано, присутствует: у женщины – промежуток между руками и одеждой, у нее другая шапка и слегка поднятое вверх лицо. За плечами обоих мы видим птиц, похожих на куриц. Хотя – трудно сказать, за плечами они или на плечах. Ведь перспективы нет, всё находится и здесь, на плоскости, и одновременно где угодно, в символическом пространстве, как на детском рисунке. На одежде каждого изображены узоры и контуры животных, полуолений, полулошадей, полуверблюдов. В руке у мужчины – цветок.

Вновь, как и на других работах «обоих» Хохоновых, происходит смешение архаического, народного, этнографического и сугубо авторского, личного и совершенно неповторимого по стилистике. Вновь приходится удивляться, как органичны в работах Хохоновых авторское и вещное, авторское и природное.

Самое странное и существенное в работе «Оба два» – радостное настроение. Кажется, что женщина улыбается, а мужчина обязательно этакий добродушный увалень романтического склада, «что-то типа д'Артаньяна с завалинки». В итоге: он и она. Они не обнажены в чувственном объятии или поцелуе, напротив, они закутаны в зимние одежды, но того, что вокруг холодно, мы не чувствуем. У него цветок, значит, тепло. На плечах и одеждах обоих – птицы и звери. Эти звери находятся и в мечтах тех, кто нарисован, и в узорах их одежд, и за изображенными персонажами, позади них. Каменный узор присутствует в одежде. Вновь, как и в «Ожидании мужчин», – предельно простая тематика. Женщина ждала мужчину, он появился, весь в узорах; принес цветок, в лицах обоих – радость и улыбка. Оба в зимних одеждах привязаны друг к другу (ведь это диптих) названием и внешней одинаковостью. Зимний мороз и холод не чувствуются, скорее, одежда здесь подчеркивает схожесть мужчины и женщины. Мужчина и женщина – предельно земные, как курицы – очень уж земные птицы, бытовые, домашние. Фантастические животные на одеждах – тоже земные, но не в бытовом смысле, а в каком-то «наскальном», «пещерном» и «охотничьем». Пытаясь понять эту работу и вглядываясь в нее, вспоминаешь заключительную сцену фильма «Небо над Берлином» немецкого режиссера В. Вендерса.

В фильме герои встречаются друг с другом за стойкой клубного бара. Она его не видела, а он (сошедший ради нее на землю) ее знает очень хорошо и поэтому ищет. Они могли никогда не встретиться, но встретились и начинают говорить о таких простых вещах, что понятны только тогда, когда перед этим два часа видишь хаос берлинских улиц и переплетения разных судеб самых разных людей. И то, что они встретились в этом городе, в этом месте, воспринимается как чудо. И о чем можно сказать в таком случае и в таких условиях при первой встрече? Только о самом простом и главном. Я – женщина, я буду тебя любить, наша любовь изменит мир. Мы с тобой одно целое, мы будем счастливы. Так говорит она, артистка цирка (приносящая радость). Она говорит одновременно и загадочно, и просто, и нелепо, и, что самое удивительное, – она говорит правду, то, что думает и чувствует. Такого рода речь невозможна в простых бытовых условиях, она будет восприниматься как детский лепет или откровенный бред. Но в том контексте, в контексте просмотренного фильма, как в завершение всего множества произошедших событий, только таким словам и остается верить. Только они кажутся

естественными и ясными. Опять – мужчина, женщина, простота, чудо, ожидание и встреча.

При личной встрече Наталья Хохонова вскользь ответила, что рисует не вещи и не предметы, а идеи вещей и предметов. Подобного рода объяснение своих собственных картин достаточно радикально. За ним стоит вся традиция русского и европейского авангарда XX века. Абстрактная живопись, кубизм во всех его вариантах, техника автоматического и спонтанного рисования во многом объясняли себя именно с той позиции, что рисуют не вещи, а то, что скрыто за вещами. Казимир Малевич писал: «Я освободил сознание краски».

Однако скрыто за вещами может быть многое: и восприятие самого художника, а оно у всех различное, и эмоциональная экзальтированность автора, как это было часто в кругу сюрреалистов, и собственно, действительно идеи, Эйдосы вещей. И что хочет сказать художник, когда говорит о том, что рисует идеи вещей? Что в действительности мы можем понять из этих его слов и что в действительности мы можем увидеть за тем, как изображены вещи? Существует ли в современном искусстве корреляция между вещью изображенной и вещью изображаемой? Или многообразие школ, стилей, традиций является для нас некоторым алиби, позволяющим подобные вопросы не задавать и не спрашивать прямо в лоб: а что здесь изображается?

Тем не менее данные вопросы задаются, и на них нужно отвечать. Пусть они затрагивают и самые первичные онтологические основы живописи и художественного творчества. Для этого нужно на время отвлечься от тех ощущений и эмоций, которые искусство производит в нас как зрителей, и обратиться к тому, что искусство делает относительно мысли. Или, как М. Хайдеггер формулировал, относительно истины. А то, что между ними (искусством и истиной) есть связь, – вещь опять же очевидная. Ведь если, по мнению К. Малевича, у краски есть сознание, значит, его, как минимум, нужно уметь увидеть. А сознание увидеть может только сознание. Как кошка может увидеть мышку или собаку, а не бриллианты на плечах английской королевы и не дорогую утварь дворца. Любое изображение требует понимания, от детского рисунка, рекламного буклета до полотна классика. Всякая вещь соотносима либо с иной вещью подобного рода, либо с тем первообразом вещи, в котором она заключена как в своей возможности. И, таким образом, все многообразие вещей этого рода будет некоторым подобием первой, изначальной вещи. В этом случае мы говорим о соответствии вещи и ее подобия, о похожести копии на оригинал, об истинности соответствия того, что изображено, тому, с чего писалось изображение. Такова, в самом общем виде, схема появления изображения. Она проста, если не спрашивать о том, что такое первообраз, что копируется и где находится оригинал. Современная культура и современный человек зачастую подобного рода вопросы не ставят, ибо считают их либо давно решенными, либо бессмысленными, поскольку ответа всё равно не найти. Точнее, он есть, но у всех разный. А это – то же самое, что и нет. Тем не менее обратимся к одному из самых авторитетных и древних.

Ответ на вопрос о природе искусственных образований дает символ пещеры Платона, который он предлагает через Сократа в VII книге диалога «Государство» [7]. Неожиданно, применительно к рассматриваемой здесь живописи, пещера Платона, привычно понимаемая сугубо как образ, метафора, иллюстрирующие платоновскую онтологию в целом, приобретает буквальный смысл. Ведь, рассматривая платоновский миф о пещере, мы углубляемся внутрь почвы и земли, в прямом смысле «под землю». Как и камни, как вещи подземные, выносятся на поверхность из шахт, штолен, забоев, колодцев, каждый из которых напоминает небольшую пещеру.

На наш взгляд, такого рода первичное структурное изображение, которое стремилось бы именно к изображению вещи в ее идеальном (платоновском) смысле, наблюдается в детских рисунках. Ребенок рисует, не умея рисовать, и не боится этого. Ребенок нарисует так, как взрослый не сможет нарисовать. В детстве мы любим рисовать, но, сталкиваясь со строгим требованием сходства, перестаём, и только потом, вдруг, если повезет, обнаруживаем в себе эту способность как естественную.

У Хохоновых, очевидно, в творчестве много детского. Начиная с тематики, внешне простой техники, и заканчивая соединением разных фактур. Вспомним: дети пытаются рисовать на стекле, соединять пластилин, бумагу, резину, дерево. Все мы проходили через детское увлечение зарывать в землю цветные стеклышки и камешки и потом с видимым удивлением и восторгом обнаруживать спрятанное. В особенности если на некоторое время действительно забывали, где оно находится. В такой бесхитростной простоте присутствует удивленность неискренности. Кажется, что вот она – тайна. А то, что эту тайну ты сам подготовил и ты уже знаешь о ней, – не важно. Об этом как бы забываешь, поскольку тайна важнее и надо о ней рассказать. Вот различие: вещь и бытие вещи. С точки зрения мира взрослых, эти камешки, стеклышки и тайны – только игра, безобидная и временная. На выставке Хохоновых мы отметили оценку эксперта, что «при внешней симпатии к нарисованному он, тем не менее, не видит того своего пространства, в котором такие вещи-полотна могли бы находиться постоянно». После просьбы о пояснении своих слов этот человек ответил, что увиденное на выставке слишком напрягает и отнюдь не успокаивает находящегося дома человека.

Данное замечание, сказанное человеком сведущим и художественно образованным, подталкивает к конкретному практическому вопросу: где и в каком пространстве находится сегодня живопись? Где она сегодня фактически находится и где может находиться? Этот вопрос, конечно, связан и с теми людьми, которые ценят работу художника и для кого именно такое творчество необходимо в качестве постоянного собеседника. Напомню, что петро-арт Хохоновых выше мы увидели и представили не только как живописные полотна, но и как особого рода вещи. По тематике и настроению близкие к земле, к естественному, простому и ясному.

Однако для ответа на этот практический вопрос предварительно стоило бы ответить на вопрос более общий, касающийся классификации и уже некоего систематического отнесения определенного вида искусства к какой-либо школе и традиции. В какой традиции работают Хохоновы, как их классифицировать, в какую нишу и в какое «ответвление» современного рисования помещать? Примитивизм, авангард, абстрактная живопись, автоматическое рисование, структурная живопись, синтетический декор, неоимпрессионизм? Сами они называют свое творчество петро-артом. Стремление художников понятно – отделиться от всех, быть только собой. Тем не менее психология зрителя, а тем более вкус знатока требуют логической связи нынешнего и вчерашнего. И чем современнее художник, тем сложнее эту связь обозначить, ибо таких связей и влияний много и все они в достаточной степени обоснованы. Наличие же и установление такой связи может помочь уже в конкретном вопросе о том, где, куда и как могут стоять, висеть и находиться произведения данных художников.

Действительно, напряженность в работах Хохоновых присутствует с самого начала знакомства с увиденным. Мы начинаем напряженно думать и отвечать уже себе: а что здесь изображено? При этом напряженность, исходящая от работ, имеет и естественную причину – краски, цвета, контуры. Они не успокоительны, они не поглаживают зрителя в спокойном убаюкивании. Они не являются органичным элементом дизайна и не могут вступить в мягкую гармонию с цветом штор в

спальне или пледом на кресле. В этом смысле они властно притягивают к себе взгляд, и уже от них человеку нужно отталкиваться в выборе мебели, цвета стен и фактуры пола в жилище. В этом смысле творчество Хохоновых буквально создает пространство, дизайн и окружающую обстановку. И нужно иметь определенного рода дерзость и смелость, чтобы заставить современного человека/зрителя отказаться от понимания искусства как терапии и определенного рода формы «поглаживания».

Смотреть на вещи Хохоновых – это не только получать приятные эмоции, не только видеть красивые линии, но и, уж точно, – обречь себя на размышление. Где это можно делать? Когда? Если постоянно, если человек привык и не боится думать, тогда эти работы могут быть дома, в кабинете, в холле офиса, в спальне. Перед глазами, за спиной, сбоку, в соседней комнате. Если человек застыл в инерции и погряз в текучке «реальной виртуальности», то работы, подобные тем, что рисуют Хохоновы, могут обратить его внимание на самого себя, на те вопросы, которых он сам себе не задаст. Ведь современного человека социальность учит не думать и не размышлять, а получать удовольствие и потреблять предложенный товар.

В той степени, в которой искусство и творчество Хохоновых природно, обращено к естественному и первоначальному, оно найдет своего зрителя и ценителя, в первую очередь, в среде современного «естественного человека». «Естественного» в антропологическом, интуитивном смысле. Ведь когда мы говорим о ком-то: «вот человек!», – мы подразумеваем некоторый набор качеств, присущих сугубо человеку, отличающих его от «нелюдя». Но эти качества вторичны по отношению к сущности, природе, которая заключена в этом человеке. Ибо раскрываются эти качества только при наличии уже присутствующей сущности.

Естественность сегодня проявляется не только в том, что было написано относительно «Ожидания мужчин» и диптиха «Оба два», хотя изначально именно в этом, т. е. в предмете и теме нарисованного. Но и, к примеру, в том, что зритель подобного рода работ вынужден домысливать, досочинять увиденное. Рассмотреть в камне узор и вывести из камня дальнейший целостный рисунок – мастерство, в котором Хохоновы преуспели чрезвычайно и мастерски. А увидеть это выведение, оценить его и навести фокус своего взгляда на подобного рода продолжение линий – уже мастерство и способность зрителя. И зритель становится в этом процессе соавтором, проявляет свое личное творчество. Ведь там, где автор, творец – там ответственность, там оригинальность, там мир конкретных индивидуальных вещей и личного пространства. Соавтор видит то, что может видеть. Но невозможно в этом узоре увидеть то, чего не заложено в его структуре. Здесь уже авторское неумолимо и жестко довлеет и задает горизонт возможного. Ведь так естественно, имея собственную точку зрения, открыто признать талант живого современника, а не ждать, когда его имя войдет в музейные каталоги.

Борис Хохонов сказал, что сейчас он пытается создавать картины, организующие пространство, окружающую среду. Заметим – не вписывающиеся в определенную среду, как сейчас говорят – «органично стилистически» по правилам «фэн-шуй», и не украшающие ее, а именно организующие. В этом смысле архаические и сакральные вещи создавали атмосферу места и могли удерживать собой и в себе силы племен и родов. Такими вещами могли быть ритуальный нож, бубен, символы власти, таинственные знаки и узоры, в том числе и на камне. Естественный человек, к которому обращаются художники, способен видеть эти узоры, он способен прочесть и доработать то сообщение-послание, которое ему передано художником, и, заметим, организовать его практически. Как ребенок, которому мало видеть игрушку и смотреть на нее, он обязательно должен ее по-

трогать и подержать в руках. А лучше – поиграть с ней, включить в свое пространство (мир), познакомиться с другими игрушками, поговорить с ней.

Все были детьми, теми, кто ценит простое, которое так сложно увидеть. Оказывается, что естественный человек обладает таким набором свойств и качеств, которые, с одной стороны, кажутся простыми, но в этой простоте – невероятная сложность. А с другой стороны – они сложны, но, при внимательном взгляде, за этой сложностью, на поверку, ничего сложного нет.

Естественный человек такого рода у нас становится похожим и на ребенка и на взрослого одновременно; на мыслящего внимательного зрителя и на живого радующегося со-творца, со-работника. На сильного мужчину и на красивую женщину, на могучего охотника и тонкого ценителя мельчайших деталей природы. Описав такого гипотетического человека, который оказывается у нас ценителем подобного рода творчества, вновь спросим: где будут находиться окружающие его вещи, в каком пространстве? Когда этому человеку удобно смотреть на такие, как у Хохоновых картины? Ответим: пространство меняется. Картина перестает быть обособленным предметом разглядывания. Те природность, естественность, простота, которые присущи творчеству Бориса и Натальи Хохоновых, проявлены, конечно, в том характере места, в котором художники начали рисовать и живут. А это, в данном случае, имеет определенное значение. Ведь совершенно не случайно, что подобного рода сочетание камня и краски появляется на уральской земле [8] и что в картинах Хохоновых использованы природные уральские камни: яшма, агат, чароит, тигровый глаз, лазурит, сердолик, нефрит, оникс. Эти камни, хоть и не драгоценного рыночного свойства, тем не менее относятся к сокровищам этого места – земли Урал. И соответственно, через камень вещи Хохоновых приобретают свойства и качества этой земли и этого пространства [5]. Добавим, что Хохоновы работают в Екатеринбурге. О специфическом же характере данного места на карте России и Евразии никто сегодня не скажет лучше уральской поэтессы и краеведа М. П. Никулиной. «Уральский способ жить существует, и определяет его именно отношение к земле: признание ее всеопределяющего главенства и одновременное осознание себя как бы ее частью, что делает невозможным отторжение от земли и разлучение с нею», – пишет она. В ее книге есть поразительный исторический пример, иллюстрирующий следствие разрыва, потери связи с родным Уралом. «Мамин-Сибиряк, бесконечно любивший Урал и его столицу, уехал, однако, в Петербург с любимой женщиной. В первом же письме сообщил сестре следующее: “Об Урале и Екатеринбурге не скучаю даже нисколько: я умер для них”. И через год другое письмо: “Лиза, плачь, Маруся умирает. Бог меня наказывает”» [6, с. 17].

Писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк работал на рубеже XIX и XX веков, но земля, по которой он ходил, по которой ходят Хохоновы и по которой ходят их зрители, остается прежней. Эту землю, с ее особенностями и характером, можно почувствовать и попытаться увидеть через работы этих художников. Земля эта, безусловно, оказывает влияние на их творчество. И эта земля оказывает влияние на тех, кто смотрит на их творчество. А в итоге оказывается, что и понимание этой земли приходит и может приходиться через работу, вещи, творчество Бориса и Натальи Хохоновых.

Современное искусство, которое находится в состоянии имманентного кризиса начиная с эпохи модерна, ищет источники творческой энергии в этнических, религиозных, ритуальных, культовых аспектах и модусах культуры. Зачастую сама природа, само естественное место рождения произведения, стиля, направления диктуют и творят новые формы и стилевые решения. Глобализация, мультикультурность тут бессильны, наоборот – необходимо смотреть на свое родное, региональное, местное. В случае с петро-артом Хохоновых мы видим, что синтез камня

и живописи не порождает очередную заумную эклектику, а возвращает нас к истокам природы изобразительного. В петро-арте исчезает граница между классическим и авангардным, между природным и искусственным. Остается искусство в некотором чистом виде – в том виде, в котором камень встроен в гору, в пещеру, в скалу и место, в котором он находится у нас под ногами для естественной опоры.

Литература

1. Бажов П. П. Уральские сказы : сборник : в 3 т. – Т. 1. – М. : Агентство ФТМ, 2017. – 265 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=460615> (дата обращения: 03.09.2021). – Режим доступа: по подписке.
2. Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург : Сократ : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 640 с. : ил.+24 вкл.
3. Мандельштам О. Э. Стихотворения. – Тбилиси : Мерани, 1990. – 402 с.
4. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. – Т. 2. – М. : Прогресс-Плеяда, 2010. – 763 с.
5. Мурзина И. Я. Культура Урала: теория, история, методика преподавания / И. Я. Мурзина, А. Э. Мурзин ; Миссионерский институт. – Екатеринбург : Институт образовательных стратегий, 2018. – 250 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=568465> (дата обращения: 03.09.2021). – Режим доступа: по подписке.
6. Никулина М. П. Камень. Гора. Пещера. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – 120 с.
7. Платон Афинский. Государство / пер. А. Н. Егунова. – М. : Директ-Медиа, 2002. – 635 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6933> (дата обращения: 09.09.2021). – Режим доступа: по подписке.
8. Поликультурное пространство Российской Федерации : в 7 кн. / отв. ред. Н. А. Розенберг. – СПб. : Петрополис, 2012. – Кн. 3: Культура Урала. – 182 с. : ил. – (Поликультурное пространство Российской Федерации). – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=253905> (дата обращения: 03.09.2021). – Режим доступа: по подписке.
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 264–312.

Leonid Sergeyevich Chernov,

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor,
Associate Professor at Philosophy and Cultural Studies Chair,
Ural State Mining University (Yekaterinburg)

Elena Yuryevna Pogorelskaya,

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at Tourism
and Hospitality Chair, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Petro-art: Modern Painting of the capital of the Urals (on the example of the creativity of Boris and Natalia Khokhonov)

Abstract. The work reflects on the artistic phenomenon of petro-art created by artists from Yekaterinburg Boris and Natalia Khokhonov. The authors analyze the nature of this pictorial style, its features and distinctive features. The nature of the Urals and the cultural atmosphere of Yekaterinburg make it possible to speak of the organic synthesis of decorative and fine arts. The authors use the methods of philosophical hermeneutics, artistic interpretation, phenomenological philosophy, scientific analysis, general cultural synthesis, semiotics and literary criticism when describing, analyzing and decoding things obtained in the process of obtaining paintings in the style of petro-art. The results of the analysis prove and convince that attention to the regional, local, natural-natural - does not generate another eclecticism, not an artificial combination, but returns us to the origins of the nature of fine art and art in general. The work draws

attention to a powerful cultural resource that may be useful for tourist, art, museum investments not only in the Ural region but also within the borders of the entire Russian Federation.

Keywords: petro-art; Boris Khokhonov; Natalia Khokhonova; Yekaterinburg; Ural; ornamental stone; thing; contemporary art; natural state

Советский тоталитарный режим и русская классическая музыка: алгоритм восприятия

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему взаимоотношений советского тоталитарного режима с наследием русской классической музыки на протяжении всего советского периода отечественной истории. Эти взаимоотношения проходят через три этапа – «отрицания», «приручения» и «адаптации». В статье также рассматриваются последствия описанных процессов для современного восприятия и социокультурного бытования русской классической музыки.

Ключевые слова: тоталитаризм; русская классическая музыка; субцивилизация; реализм; РАПМ; АСМ

Добро без свободы всегда оборачивается злом.
Отец Александр Мень

Сочетание тем «советский тоталитарный режим» и «русская классическая музыка» может показаться странным и алогичным, едва ли не хрестоматийным образчиком соединения несоединимого. Однако это не так, и при внимательном рассмотрении выясняются феномены не просто интересные, но и чрезвычайно репрезентативные, позволяющие понять как сущность советской политической, социокультурной и цивилизационной модели, так и положение дел в бытовании и восприятии отечественного музыкального (и шире – культурно-художественного) наследия.

Проблема заключается в том, что тоталитарный режим в силу фундаментально заложенных в нем имманентных содержательных характеристик просто не в состоянии отнестись к эстетическим феноменам так, как это может позволить себе режим любой другой типологии. Сама идея тоталитаризма (кстати, прекрасно и детально разработанная в известных трудах Платона) предполагает, помимо всего прочего, наличие тотального государственного контроля именно над всеми сферами жизни социума – в противном случае режим перестает быть тоталитарным или «недотягивает» до подобной характеристики. Причем уже у Платона (в частности, в «Законах») недвусмысленно декларируется особо пристальное внимание тоталитарного государства именно к искусству, превращение этой духовной сферы в один из элементов политического и идеологического инструментария, полностью исключающего что-либо напоминающее творческую свободу (цит. по: [6, с. 203]). «Не ожидайте же, что мы так легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатер и привести сладкоголосых артистов, оглушающих нас звуками своего голоса; будто мы дадим вам витийствовать перед детьми, женщинами и всей чернью и об одних и тех же занятиях говорить не то же самое, что говорим мы, но большей частью даже прямо противоположное. В самом деле, мы – да и все государство в целом, – пожалуй, совершенно сошли с ума, если бы предоставили вам возможность делать то, о чем сейчас идет речь, если бы должностные лица не обсудили предварительно, допустимы ли и пригодны ли ваши творения для публичного исполнения» [Там же].

Оказывается, Ленин с его «литературой как винтиком и колесиком партийного дела» был вовсе не оригинален... Советский тоталитаризм в эпоху своего кро-

* Дмитрий Владимирович Суворов, кандидат культурологии, доцент, лауреат писательской премии им. П. П. Бажова (г. Екатеринбург).

вавого расцвета был, как известно, самым законченным и классическим образцом подобной системы (по радикальности его удасть превзойти только диктатуре Пол Пота). Поэтому русская классическая музыкальная культура в данной ситуации не имела ни малейших шансов остаться вне поля зрения государства, как тоталитарной системы (далее – Системы).

А вот сам характер взаимоотношений Системы с интересующей нас сферой был весьма мутабелен и менялся несколько раз на протяжении всего советского периода. Крайний персонализм советского политического модуса позволяет легко систематизировать периодизацию отечественной истории XX века по персоналиям: Ленин – НЭП (уход Ленина с политической арены и борьба его наследников за лидерство) – Сталин – Хрущев – Брежнев – Андропов – Черненко – Горбачев (с весьма резкими различиями в каждом «персональном» периоде буквально по всем пунктам). Исключая предельно кратковременную продолжительность «андроповского» и «черненкового» периодов, все остальные сканируют в амплитуде продолжительности от 5–7 лет (Ленин, НЭП, Горбачев) до 10 (Хрущев), 18 (Брежнев) и 29 (Сталин) лет. Внутри больших периодов к тому же наблюдается четкая «субпериодизация»: так, сталинский период отчетливо распадается на довоенный, «военный» и «послевоенный»; существует ярко выраженная разница между «ранним» и «поздним» Хрущевым (аналогично – в отношении Горбачева). На этом фоне выделяется абсолютная семантическая одномерность и «нерасчлененность» брежневской эпохи, не случайно получившей имидж «эпохи застоя»... Тем не менее, при рассмотрении интересующей нас в данной статье проблемы можно выделить три макропериода, определяемые и группируемые следующим образом:

первый период, охватывающий эпохи Ленина, НЭПа и первой половины «довоенного» Сталина, который можно определить как «период отрицания»;

второй период (до конца сталинской эпохи), определяемый здесь как «период приручения»;

наконец, третий (и последний) период (вся «постсталинская» эпоха до распада СССР), «период адаптации».

Первый период в отношении русской классической музыки (и шире – всей мировой музыкальной, и вообще художественной, культуры) был «периодом отрицания», и вот по каким причинам. Во-первых, в идеологии большевизма «великая октябрьская социалистическая революция» (сознательно беру в кавычки) рассматривалась не только как «утро новой эры» (строка из стихотворения болгарского левого поэта Христо Смирненского), но и как Главное событие человеческой истории, сравнимое только с Рождеством Христовым в христианстве или «годом хиджры» в исламе. При такой постановке вопроса вся предыдущая история (и культура) человечества со всей необходимостью попадала в положение «предыстории», со всеми вытекающими отсюда последствиями и оценками (и это не могло не сказаться на восприятии режимом любых культурно-художественных феноменов – хотя бы потому, что они создавались в идеологических рамках «ветхого», а не «нового» завета коммунизма). Во-вторых, как известно, советская идеология резко противопоставляла себя всем предыдущим модификациям российского бытия (те были «эксплуататорские», а теперь началось строительство бесклассового общества) – что, кстати, очень хорошо ложилось на реальную картину отечественной истории, которой присущи цивилизационная дискретность и структурирование довольно резко отграниченных друг от друга «субцивилизаций» [11, с. 6–17]. Главное, что самой демонируемой и отторгаемой «субцивилизацией» в данном контексте оказалась именно «романовская», «петербургская» цивилизационная ипостась – что естественно, поскольку именно против нее (и ей на смену) шли большевики... Ядовитым парадоксом был тот

факт, что именно в рамках петербургского периода русская духовно-художественная (в том числе музыкальная) культура обрела себя, кристаллизовалась и создала величайшие шедевры (Золотой и Серебряный века русского искусства), что в свое время констатировал Г. Федотов [12, с. 184–188]: отрицание и сатанизация петербургского модуса со всей необходимостью распространялись и на искусство данного периода. Наконец, зловещую роль сыграла (и не могла не сыграть) печально знаменитая ленинская концепция «двух культур», высказанная «Ильичем» еще в дореволюционных статьях [4, с. 120–121]. Согласно данной концепции, в рамках «эксплуататорского общества» существуют две культуры – «пролетарская», существующая, по Ленину, в виде «элементов»; и «буржуазная», бытующая в виде «господствующей культуры». Подогнать русскую классическую музыку под «пролетарскую» не было ни малейшей возможности – значит... И А. Луначарский в 1917 году, уже в качестве рупора и идеолога Системы, громко заявил (причем применительно именно к музыке): «Самым перспективным методом анализа художественных произведений является классовый анализ» [5, с. 27]. Как этот метод применить на практике? Да очень просто – посмотреть на классовое происхождение авторов. И тут русское классическое музыкальное наследие натурально попадало под прицел: все композиторы Золотого века и большинство корифеев Серебряного века были дворянами. Исключения единичны, вроде купеческого сына В. Калинникова или А. Бородина – бастарда грузинского князя и русской прислуги, записанного по паспорту в 3-й гильдии купечества (хотя, с точки зрения «новой власти», чем «буржуй» лучше дворянина?). А среди композиторов XVII–XVIII вв. было угрожающе много поповичей... В общем, впору вспомнить знаменитый диалог из «Собачьего сердца»: «Нам с вами, принимая во внимание происхождение, отъехать в Париж не придется, несмотря на нашу первую судимость. У вас же нет подходящего происхождения? – Какой там чёрт! Отец был судебным следователем в Вильно. – Ну вот, это же дурная наследственность. Пакостнее и придумать себе ничего нельзя. Впрочем, виноват, у меня ещё хуже. Отец – кафедральный протоиерей». Но ситуация была еще проще (и страшней): даже если какой-либо конкретный автор мог иметь «трудовое» происхождение (как, например, композитор Серебряного века, крестьянский сын Николай Андреевич Рославец) – все без исключения русские композиторы были интеллигентами по роду деятельности, мировоззрению и творческой философии. А «эта каста должна быть разрушена» (буквально так выразился один из обвинителей на одиозном процессе Промпартии»). Вообще, в данный период своеобразной «шпаргалкой» для Системы послужили известные футуристические декларации типа «Сбросим Пушкина с корабля современности», благо 20-е годы вообще были своего рода «золотым веком» для неофутуристов, а также всевозможных «пролеткультов» и «раппов-рампов». Идеологией данного направления был декларативный разрыв с прошлым и откровенное «иконоборчество», афористически сформулированное поэтом В. Кирилловым в печально знаменитых строках: «Во имя нашего завтра – сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы!» (спустя полвека этот призыв будет почти дословно повторен хунвейбинами)...

Таким образом, русская музыкальная классика в данный исторический отрезок определенно рассматривалась идеологией Системы как «чуждая» и «враждебная»; причем (как это ни дико звучит) самым «подозреваемым» автором оказался Чайковский – что совершенно логично, поскольку именно музыка Чайковского в наибольшей степени воплощает личностное, индивидуальное начало и чисто интеллигентскую рефлексию (уже не говоря об экзистенциальном трагизме концепций большинства его сочинений). Петербургский музыковед Марина Раку в своей статье «Метаморфозы “Лебединого озера”» приводит потрясающие цитаты из

статей 20-х годов, причем, исходящих из противоположных лагерей музыкальной жизни СССР – Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ) и «модернистской» Ассоциации современного искусства (АСМ), где на полном серьезе обсуждается вопрос: вреден ли Чайковский для «новой аудитории» или полезен? [8]. Марина Раку полагает, что полное вычеркивание Чайковского (и русской музыкальной классики вообще) из концертной и художественной жизни СССР не состоялось вследствие «сопротивления аудитории», составлявшей большинство завсегдатаев концертных залов (так сказать, «любовь народная») [Там же]. Представляется, что этот взгляд отдает неправомерным идеализмом: режиму было глубоко наплевать на «реакционные» эстетические вкусы «бывших» и «недорезанных буржуев», и организовывать полную «резекцию» персоналий и целых эстетических пластов Система умела исчерпывающе, нисколько не оглядываясь на «общественное мнение» – достаточно вспомнить, что восторги меломанов по поводу оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» не только не предотвратили появления печально знаменитой статьи «Сумбур вместо музыки», но определенно и приблизили ее выход. Кроме того, ряды «любителей Чайковского» были уже страшно прорежены Гражданской войной, красным террором и эмиграцией; а на рубеже 20–30-х гг. (особенно вследствие коллективизации) в город хлынули колоссальные (и стремительно маргинализирующиеся) крестьянские массы, ничего никогда не слыхавшие о классической музыке (и прекрасно без нее обходившиеся – такое положение сохранялось до самого конца существования СССР и сохраняется ныне). Данная экспонента блестяще передана в булгаковском «Собачем сердце»: Преображенский и Борменталь не мыслят своего существования без классической музыки (Преображенский по ходу действия постоянно напевает и цитирует романсы Чайковского и отрывки из опер Верди), Швондер отвергает эту сферу как «классово чуждую», а Шариков (как и его alter ego Клим Чугункин) вообще не подозревает о существовании таковой – и не испытывает по сему поводу ни малейших комплексов, а носителей элитарной культуры утробно ненавидит ненавистью люмпена, привыкшего к «простым решениям» и нутром чующего «контрреволюцию» (и еще в силу того, что настоящая культура лишает маргинала самодовольства, напоминает ему о собственной культурной неполноценности). Точно по язвительному замечанию Григория Померанца: «Дикарю не надо притворяться, что он любит Бетховена – он натурально любит тамтам» [7, с. 3]. Нет, конечно, паладины элитарной культуры вели отчаянную борьбу за сохранение и приумножение сокровищ русской классического наследия – достаточно вспомнить, как страстно бичевал и критиковал «рапмовцев» Шостакович (и как экс-рапмовцы впоследствии мстили ему уже в рамках созданного Союза композиторов). И всё-таки главная причина того, что «тотальная зачистка» не состоялась – в ином. Она – в той достаточно уникальной исторической ситуации, которая сложилась в 20-х гг. после фактического ухода Ленина с политической арены, когда главной политической реальностью стала жесточайшая борьба «наследников Ильича» за лидерство (завершившаяся, как мы знаем, победой Сталина). В этой ситуации «вождям» было просто не до музыки (и шире – не до искусства): именно этим и объясняется та достаточно большая творческая свобода, которая в то время имела место и породила феномен Постсеребряного века. Разумеется, у данного художественно-культурологического феномена были глубинные, имманентно присущие именно ему истоки (многократно описанные в научной литературе) (см.: [14]), причем корни явления лежали за пределами России, – но рассмотрение этого лежит за рамками данной статьи, и в данном случае нас интересует именно чисто «советская» специфика происходившего.

Второй период мы определяем как «период приручения»; его начало достаточно хронологически расплывчато (где-то в течение середины 30-х гг.), а завер-

шение почти точно совпадает с окончанием сталинской эпохи (определенным рубежом можно считать конец 50-х гг.). Кристаллизация режима сделала возможным обращение последнего к вопросам контроля над культурой – что и произошло в начале 30-х гг. (определенно – с 1932 года); но сам подход Системы к интересующей нас сфере в это время радикально меняется вместе с самим модусом советского тоталитаризма, поскольку сталинская модификация не только резко отличается от ленинской, но и фактически вытесняет ее. На место вульгарно понимаемого «интернационализма» приходит столь же вульгаризированный гипертрофированный ультрапатриотизм (представляющий собой модификацию откровенного великодержавного шовинизма). Совсем отвергнуть «марксизм-ленинизм» Сталин не мог – это подорвало бы его позиции как «Ленина сегодня» (любопытно, что этого шага от Сталина ждали различные наивные адепты Реставрации типа сменовеховцев, и за отказ Сталина от этого шага его порицал И. Ильин) [3, с. 109–112]. Но крайняя эклектичность советской идеологии делала возможными совершать внутри нее практически любые трансформации, не трогая «сакральных истин». И в этих новых условиях Сталину русская классическая музыка понадобилась как «традиционная ценность» и «духовная скрепа» (этих современных неологизмов тогда не было, но смысл был совершенно аналогичный).

Прежняя парадигма отступала, что называется, с боем – хотя бы потому, что новый подход не вводился директивно (как, скажем, «социалистический реализм»), а вызревал постепенно. Достаточно сказать, что известная писательница Ирина Римская-Корсакова (Головкина) как раз в 30-х гг. попадала под репрессии (в том числе – и как внучка великого композитора, и такое родство было «отягчающим элементом»). И, тем не менее, уже к концу 30-х гг. парадигма отношения режима к русской музыкальной классике полностью сменилась; Великая Отечественная война резко катализировала эти процессы. Именно в военные годы Сталин в одном из своих радиообращений назвал Россию «страной Глинки и Чайковского», а в послевоенные годы знаковым моментом было появление известных биографических (и чудовищно тенденциозных) кинолент «Мусоргский», «Композитор Глинка» и «Римский-Корсаков». Но режим не просто «возвращал» русскую классику – он ее именно «приручал», приспособлял к собственным идеологическим нуждам. И это имело следующие (крайне негативные) последствия.

Во-первых, после тотального отрицания (на базе «классового анализа») нужно было подвести под «возвращение классики» идеологическую базу. И она была подведена силами отечественного (давно подконтрольного) искусствоведения, о котором Марина Раку точно заметила, что труды советских музыковедов сталинской (да и постсталинской) эпохи могли бы стать прекрасным материалом для фрейдистского анализа по методике А. Адлера [9]. Например, в статьях академика Б. Асафьева (бывшего, безусловно, одним из самых лучших исследователей того времени, и притом абсолютным адептом позитивного отношения к классическому наследию) стойко выдерживается выверенный подход к классической музыке как к «предыстории» относительно Главного События XX века; соответственно, классики предстают как гении, в чем-то ущербные идеологически (чего-то «не понявшие»). Скажем, Мусоргский у Асафьева (в статье об опере «Хованщина») выведен человеком, «не избежавшим интеллигентской слабости» [2, с. 82–89]. Совершенно аналогичным был и подход, скажем, Игоря Соллертинского к творчеству Густава Малера (в статье «Густав Малер» великий австрийский композитор назван «последним великим мелкобуржуазным симфонистом», ни больше ни меньше) [10, с. 71–72]. Почти буквально по реплике главного героя фильма «Доживем до понедельника»: «Можно подумать, что в истории действовала компания двоечников!» Кроме того, для повторной глорификации русских классиков (после «периода отрицания») требовались новые критерии, отвечающие как тоталитар-

ным нормам, так и вкусу «шариковых». И здесь Система также нашла «литературную шпаргалку» извне – на сей раз таковой стала примитивно и искаженно прочитанная концепция Льва Толстого об «опрощении». Главным позитивным критерием стала «доступность», «понятность народу» (понимаемому практически в тех же псевдонароднических критериях, которые были жестоко высмеяны графом А. К. Толстым в стихотворении «Поток-богатырь»). Помимо этого, оценочными пунктами стали «революционность», «патриотизм» и особенно «реализм»: последний в качестве позитивного критерия использовался особенно широко (притом собственно эстетические определения этого понятия практически отсутствовали или применялись предельно расширительно). В такой системе координат Глинка стал «народным композитором» и «патриотом» (то, что Глинка был, прежде всего, романтиком, никогда не упоминалось), Даргомыжский и Мусоргский – «реалистами» (Мусоргский, кроме того, становился чуть ли не «революционером-народником»); Бородин, естественно, полностью подпадал под имидж «патриота» («былинное начало»), Римского-Корсакова подавали как «великого сказочника» в музыке (притом что собственно «сказочных» произведений у него не так уж много; и вообще, такая характеристика выглядит откровенным упрощением применительно именно к такому многообразному и постоянно эстетически трансформировавшемуся корифею, каким был Римский-Корсаков). Что же касается Чайковского, то здесь упор был сделан именно на «народность» и «доступность» его музыки – с полным игнорированием сложной философской основы и трагического подтекста его творчества (Марина Раку справедливо замечает – на материале конкретных источников того времени, – что Чайковского натурально включали в советский «сакральный обиход» в качестве житийного персонажа [8]). Так что классиков именно «приручили», попутно примитивизировав понимание их творчества и проведя натуральную вивисекцию многих фактов их биографий. В рамках того же процесса выходили романизированные биографии композиторов (крайне идеологизированные), менялись сюжетные линии сценических сочинений (классика жанра – изменение содержания балета «Лебединое озеро», где, в противовес изначальному трагическому финалу, был внедрен нарочитый хеппи-энд), и даже осуществлялись акты вандализма над композиторскими текстами (опять-таки хрестоматия – вырезание цитаты российского гимна «Боже, царя храни» из партитур увертюры «1812 год» и «Славянского марша» Чайковского с заменой на «Славься» Глинки).

Во-вторых, именно в сталинские годы появился известный концепт «Глинка – основоположник русской классической музыки» (данное утверждение стало традицией именно в советские годы). Этот концепт, комплиментарный для Глинки, в целом имел крайне негативные последствия: вся история русской музыки «до Глинки» автоматически попала под определение «неклассической», своего рода «периода ученичества». Как следствие, весь этот огромный (и не заслуживающий скороговорки) период в истории русской музыки намертво выпал из восприятия. Все композиторы допетровской (Дилецкий, анонимные авторы партесных хоровых концертов), петровской (Титов, Калашников, Редриков, Резвицкий, Колпенский, Сарти), екатерининской (Ведель, Березовский, Бортнянский, Козловский, Фомин, Хандошкин, Пашкевич) и александровской (Дегтярев, Давыдов, Кавос, Верстовский, Львов) эпох, бывшие весьма популярными в романовской России, просто «провалились в никуда».

В-третьих, под абсолютный запрет попал весь пласт религиозной музыки. Результат – из художественной жизни исчезли все сочинения знаменного распева, партесного стиля, вся петербургская (Ведель, Бортнянский, Березовский, Давыдов, Дегтярев) и московская (Чесноков, Сокальский, Кастальский, Архангельский, Извеков, Шведов, Косолапов, Струмский, Голованов, Александров) школы ду-

ховной музыки, а также все сочинения композиторов Золотого века на религиозные темы (или хотя бы затрагивающие религиозную тематику). Кроме того, в светских сочинениях русских классиков, где хотя бы «по касательной» присутствовал религиозный момент, беззастенчиво меняли тексты – самым известным случаем такого рода была коронационная кантата П. Чайковского «Москва» на стихи Аполлона Майкова, где в СССР вместо «Мне ли, господи» пели «Мне ли, воину» (в результате чего возникла подлинная смысловая абракадабра).

В-четвертых, непробиваемым табу стал запрет на исполнение музыки композиторов, эмигрировавших из России после 1917 года. Здесь уже собственно эстетика вообще не играла никакой роли – достаточно было иметь данный факт биографии, и всё. Жертвой этого стал, к примеру, прекрасный русский композитор Сергей Михайлович Ляпунов, по эстетическим характеристикам творчества абсолютно подходящий для «приручения» (продолжатель дела «Могучей кучки», писавший на основе русского фольклора): его музыка никогда не звучала в СССР (и сегодня практически не звучит в России). Аналогичное положение до войны было и с Рахманиновым: сохранились потрясающие свидетельства, как в 1937 году в музыкальных учебных заведениях студенты-комсомольцы давали торжественную клятву «никогда не позорить звание советского музыканта исполнением музыки предателя Рахманинова». Письменных документальных свидетельств этого инцидента не сохранилось, но данная история была хорошо известна в музыкальных кругах и передавалась из поколения в поколение. Применительно конкретно к Рахманинову отношение смягчилось во времена Великой Отечественной войны, но холодок «советской власти» к композитору оставался до самого конца существования СССР – достаточно вспомнить, что Рахманиновский зал в Москве обрел свое имя на официальном уровне только при Ельцине. А Александр Тихонович Гречанинов («русский Гендель», как его называли на Западе) попал «под раздачу» сразу по двум пунктам – и как эмигрант, и как автор потрясающих по красоте и глубине духовных композиций (написанных, что показательно, сразу в нескольких традициях – и православной, и католической, и даже в синтезе обеих).

В-пятых, все композиторы Золотого и Серебряного веков (да и «Бронзового», собственно сталинского века) идеологически были поделены на «народных» и «не народных» композиторов (точь-в-точь как в «Антиформалистическом райке» Д. Шостаковича). «Не народными» композиторами оказались «модернисты» и «формалисты» (эти неологизмы после печально знаменитого «исторического постановления» 1948 года стали натуральными матозаменителями). То есть – под полный тотальный запрет попали модерн, авангард и постмодерн. Жертвой здесь стал фактически весь Серебряный век – даже само это понятие исчезло из искусствоведческого оборота. Все самые великие мастера русского модерна и авангарда – И. Стравинский, Николай и Александр Черепнины, Е. Голышев, М. Гнесин, В. Ребиков, А. Мосолов, А. Лурье, Н. Рославец, А. Станчинский (и даже достаточно умеренные в своих стилистических поисках Ю. Конюс и П. Юон) – были в описываемую эпоху безжалостно и бескомпромиссно вычеркнуты из творческой жизни. Если в 20-х гг. Маяковский написал «Лишь только глупая овца не знает имя Рославца, и только полное дурье не знает имени Лурье», то результатом «эпохи приручения» стало положение, при котором эти (безусловно выдающиеся) имена превратились в «персоны нон грата». Здесь советский режим был, можно сказать, типологичен – аналогичное положение было в муссолиниевской Италии и гитлеровской Германии, где официально патронировались стили неоклассицизма и неофольклоризма и преследовался модерн (объявленный в Третьем рейхе «дегенеративным искусством»). Впоследствии это повторилось в маоистском Китае и в Греции времен диктатуры «черных полковников»: режимы подобного типа

вполне оправдывали выводы С. Франка, высказанные в статье «По ту сторону “правого” и “левого”» [13]...

Наконец, на формирование конкретного отношения к конкретным персоналиям в эти годы влияли подчас совершенно случайные факторы, вроде личных вкусовых пристрастий Сталина. Поэтому некоторые конкретики вообще трудно поддаются рациональному объяснению. Скажем, «вивисекции» избежал А. Скрябин – стопроцентный «модернист», исповедовавший притом совершенно «чуждую» философию (смесь нищезанятия, солипсизма, мистики и оккультизма): его в СССР объявили «революционным композитором». С другой стороны, композиторы «беляевского кружка» (А. Глазунов, А. Лядов, А. Аренский, М. Ипполитов-Иванов) и близкие им по творческому духу С. Танеев и В. Калинников хотя и не подверглись посмертным гонениям (совершенно не за что – и «модернистами» не были, и, за исключением Глазунова, в эмиграцию не уезжали), но определенно заняли в создаваемой иерархии позицию «композиторов второго-третьего эшелона», в пантеон «классиков» не попали. Здесь определенную (и зловещую) роль сыграли дореволюционные и не вполне комплиментарные статьи В. Стасова об этих композиторах – а Стасов в сталинские годы явно играл роль одного из главных «авторитетов» в данной области (многие формулировки постановления 1948 года выглядят свободными цитатами из Стасова!). Стасовские филиппики сыграли особенно убийственную роль в посмертной судьбе прекрасного композитора, представителя умеренного модерна Владимира Ребикова (которого Чайковский квалифицировал как самого перспективного лирического композитора России): Стасов обозвал Ребикова «пустоцветом русского модернизма», и эта абсолютно ложная несправедливая формулировка была в СССР тысячекратно процитирована во всех учебниках по истории музыки, а музыка Ребикова намертво исчезла с концертных подмостков...

Последний, третий период можно определить как «период адаптации», и он занимает всё время от начала хрущевской эпохи (абсолютно определенно – с 1958 года, с первого Международного конкурса имени Чайковского) и до распада СССР. Это время (исторически и социокультурно бывшее эпохой постепенного разложения Системы, превращения ее в классический тип системы энтропирующей) в рамках рассматриваемой темы было временем отхода от прежних двух алгоритмов, возвращения к нормальной общемировой практике восприятия музыкальных феноменов и отношению к ним как к «общечеловеческим ценностям». Наиболее прорывными здесь были годы «оттепели», когда стали возможными совершенно немыслимые ранее явления, типа вручения золотой медали на конкурсе имени Чайковского Вану Клиберну или приглашения И. Стравинского на гастроль в СССР (и то и другое событие справедливо воспринималось как знаково-символическое, как материализация духа «оттепели»). Но и здесь положение не было благостным, и природа тоталитарного режима давала о себе знать в следующих двух составляющих.

Во-первых, несмотря на явственное смягчение идеологических установок, последние никуда не делись, и «мертвый хватал живого» (причем проявления этого были подчас крайне гротескными). В качестве предельно выразительного примера можно привести историю, описанную Галиной Вишневской в книге «Галина», – как в СССР приехал на гастроль замечательный франко-итальянский композитор и дирижер украинского происхождения Игорь Маркевич (тоже одно из знаковых событий «оттепельной» эпохи) и предложил исполнить запретную дотолем в СССР ораторию Й. Гайдна «Сотворение мира» (по Библии). Ответ министра культуры Е. Фурцевой (которая и была инициатором гастрольей Маркевича в СССР) звучал так: мы согласны, но с одним условием: переделать текст оратории таким образом, чтобы в нем ни разу не упоминался Бог. Естественно, Маркевич отказался, и

оратория не была исполнена [1, с. 78]... Общеизвестны многократные выпады режима против уже современных классиков отечественной музыки – от маневров по срыву исполнения 13-й симфонии Д. Шостаковича (также описанных в книге Г. Вишневской) до объявления А. Шнитке «композитором, не могущим представлять советскую музыку» (совершенно реальное высказывание Т. Хренникова) и печально знаменитого феномена «хренниковской семерки» (подвергшиеся репрессивному давлению на VI съезде Союза композиторов в 1979 году, оказавшиеся в состоянии официального бойкота и фактически выданные в эмиграцию Эдисон Денисов, Вячеслав Артемов, Софья Губайдулина, Виктор Суслин, Елена Смирнова, Виктор Фирсов и Александр Кнайфель). На отношение к классической русской музыке данное положение не могло не сказываться – и до самой «перестройки» сохранялись запреты на сочинения большинства «эмигрантов» (например, Н. Метнера) и «модернистов» (на попытку брянских активистов в 1981 году отметить 100-летний юбилей уроженца Брянщины Николая Рославца Тихон Хренников наложил официальную резолюцию: «Не надо заниматься эксгумацией трупа!»), а также на всю сферу религиозной музыки. Некоторое исключение делалось для произведений XVI–XVIII вв., но не для сочинений Золотого и Серебряного веков (премьеры «Всенощного бдения» С. Рахманинова и «Страстной седмицы» А. Гречанинова прошли только в конце 80-х гг. в Ленинграде, и только под «мертвыми номерами» опусов, без названий!).

Во-вторых, следствием практики уже именно «периода адаптации» стало структурирование положения, сохраняющегося в восприятии русской классической музыки (и в исполнении последней) до сегодняшнего дня. Здесь можно констатировать две ситуации, ставшие традиционными. Во-первых, упорное сохранение своеобразной «табели о рангах», по которой ранжируются персоналии и целые творческие пласты. Так, вся доглинкинская музыка (начиная со знаменного распева) по-прежнему числится в «предклассической». Ни один композитор до Глинки никогда не осмысливается и не воспринимается как классик, что ощутимо влияет и на бытование созданной этими композиторами музыки, и на социальное восприятие данных авторов (в РФ нет ни одного памятника ни одному композитору петровской, екатерининской и александровской эпох, их именами не названо ни одно учебное заведение). Откровенный холодок сохраняется к наследию М. Балакирева и А. Рубинштейна (наследие сталинской эпохи: первого недолголюбивали за уклон в религию, второго – за еврейское происхождение и близость к романовскому дому). По-прежнему «композиторами второго эшелона» почитаются «беляевцы» и близкие к ним, со всеми вытекающими отсюда последствиями для бытования их музыки (а Ляпунов по-прежнему фатально не исполняется – что вызывает настоящее изумление у зарубежных музыкантов: автор этих строк в рамках собственной профессиональной деятельности неоднократно был свидетелем такого недоумения гастролирующих в СССР и РФ дирижеров). И применительно к музыкальному наследию Серебряного (и Постсеребряного) века, а также Русского Зарубежья ситуация далека от идеальной: если «ренессанс» Н. Метнера идет по нарастающей (кстати, в основном – усилиями зарубежных исполнителей типа Люка Дебарга), если ощутим «ренессанс» Н. Рославца (опять-таки кардинальную роль здесь сыграл давно покинувший родные пенаты Гидон Кремер), то, к примеру, «ренессанс» Черепнинных, В. Ребикова, П. Юона, А. Станчинского или А. Лурье еще даже и не начинался... Это касается и наследия классиков советского периода: музыка членов той же «хренниковской семерки» (исключая С. Губайдулину и частично Э. Денисова) – весьма редкий гость на концертной эстраде, это же касается и ленинградской композиторской школы, и Г. Гальниной, и А. Эшпая, и М. Вайнберга, и авторов, прошедших ГУЛАГ (например, Всеволода Задерацкого), не говоря уже о композиторах-«провинциалах» (скажем, Н. Жиганове или

А. Мурове). Но – и это самое болезненное – применительно к наследию «корифеев» подобная система продолжает действовать, только объектом «ранжирования» становятся конкретные произведения. Возникает так называемая «обойма» – устоявшийся набор сочинений (или групп сочинений), которые считаются вершинами творчества и постоянно исполняются, остальные же либо попадают в репертуар крайне дозированно, либо вообще проваливаются в своеобразные «черные списки» (попадая в разряд «неудачных»). Так, у Глинки практически не звучат ранние (великолепные) камерно-инструментальные сочинения, у Алябьева, Варламова и Гурилева – все сочинения, кроме романсов (а указанные три автора оставили богатейшее хоровое, оркестровое и камерно-инструментальное наследие); у Даргомыжского – ранние оперы «Эсмеральда» и «Торжество Вакха» (а также симфонические миниатюры), у Бородина – опять-таки ранние камерные ансамбли (а также и все симфонии, кроме «Богатырской»), у Римского-Корсакова – оперы «Пан воевода» и «Лукреция», а также все три симфонии, симфонietta, концерты для духовых и большинство произведений «малого симфонизма», у Мусоргского – оркестровые и фортепианные миниатюры, у Чайковского («наше всё») – оперы «Воевода» и «Опричник», Третья симфония, музыка к «Гамлету», фортепианные сонаты, концерт № 3 для фортепиано, многие одночастные симфонические произведения («Гроза», «Воевода», «Фатум»), у Стравинского – поздние (американские) додекафонные католические сочинения, у Прокофьева – практически все произведения периода эмиграции (симфонии № 2, 3 и 4, симфонietta, концерты № 4 и 5 для фортепиано, балеты «Стальной скок», «Блудный сын» и «На Днепре», цикл фортепианных миниатюр «Вещи в себе»), почти вытеснен из слушательской ойкумены Н. Мясковский... Всё это – наследие вышеописанных идеологических практик, хотя сложившееся положение и воспринимается как традиционное.

Таким образом, приходится констатировать ситуацию, которую классический американский писатель Роберт Пенн Уоррен (по другому поводу) определил как «калечащее наследие Гражданской войны» (применительно к отечественным реалиям – наследие тоталитаризма). Причем проявляется оно в (казалось бы) крайне специфической сфере, которая должна быть семантически автономной – а на самом деле несет в себе все драмы и комедии прошедших лет. Преодоление этого положения представляется насущной необходимостью как в плане восстановления всей полноты восприятия наследия русской классической музыки (включая и музыку XX века), так и в плане более широкой социальной и этической задачи – преодоления многих застарелых социокультурных болезней, унаследованных от тоталитарной эпохи.

Литература

1. Вишневская Г. П. Галина. История жизни. – М. : Русич, 1998. – 337 с.
2. Глебов И. (Асафьев Б. В.). В работе над «Хованщиной» // М. П. Мусоргский. К 50-летию со дня смерти. 1881–1931. Статьи и материалы / под ред. Ю. Келдыша и Вас. Яковлева. – М. : Гос. муз. изд-во, 1932. – С. 82–89.
3. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 527 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. – Т. 24. – М. : Политиздат, 1967. – 566 с.
5. Луначарский А. В. Статьи о литературе. – М. : Гослитиздат, 1957. – 735 с.
6. Мень А. В. о. История религий : в 7 т. – Т. 4. – М. : Слово/Slovo, 1992. – 280 с.
7. Померанц Г. С. Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый мир. – 1995. – № 8. – С. 3.
8. Раку М. Г. Метаморфозы «Лебединого озера». Краткий курс истории одного мифа // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 1 (15). – С. 56–64.

9. Раку М. Г. Социальное конструирование советского музыковедения: рождение метода // НЛЮ. – 2016. – № 1. – С. 39–57.
10. Соллертинский И. И. Исторические этюды. – Ленинград : Гос. муз. изд-во, 1963. – 397 с.
11. Суворов Д. В. Своеобразие российской цивилизации и процессы модернизации в России. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 336 с.
12. Федотов Г. П. Россия и свобода // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией : хрестоматия по истории рос. обществ. мысли XIX–XX вв. – М. : Логос, 1997. – С. 184–188.
13. Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 205–241.
14. Foster H. What's Neo about the Neo-Avant-Garde? // October. – 1994. – Vol. 70. – P. 5–32.

Dmitriy Vladimirovich Suvorov,

Cand. Sci. (Culturology), Associate Professor, the winner
of the P. P. Bazhov Writer's Prize (Yekaterinburg)

The Soviet Totalitarian Regime and Russian Classical Music: a Perception Algorithm

Abstract. In this article, the author examines the problem of the relationship between the Soviet totalitarian regime and the legacy of Russian classical music throughout the entire Soviet period of its history. These relationships go through three stages – “denial”, “domestication”, and “adaptation”. The article also examines the consequences of the described processes on the modern perception and socio-cultural existence of Russian classical music.

Keywords: totalitarianism; Russian classical music; sub-civilization; realism; RAPM; AFM

Былинно-сказочные города: пространство и архитектоника

Аннотация. Пространство в русских сказках и былинах воспринимается определенным образом: оно формирует целый ряд бинарных оппозиций и не мыслится вне действия. Город в сказках и былинах предстает как особенный тип пространства, со своими особенностями, функциями, символами и смыслами.

Ключевые слова: город; былинно-сказочные города; пространство; структура города; городские стены; ворота; передвижение

В сказках и былинах мы часто сталкиваемся с различными географическими объектами – реками, морями, полями, лесами, селеньями и, конечно, городами. Города в сказках и былинах имеют как традиционные черты сказочного и былинного пространства, так и свои уникальные особенности. Следует отметить, что мы не будем принципиально подразделять города на «сказочные» и «былинные», поскольку основные смыслы и символы, на которых построен образ города, как правило, едины для городов, представленных в обоих эпических жанрах, хотя, безусловно, отличия между ними тоже встречаются. Однако наиболее важное отличие между былинными и сказочными городами касается не изображения города, а его функций: для сказки город служит местом действия, в большинстве случаев лишенным географической конкретики и исторического контекста, тогда как для былины это оказывается в определенной мере значимым, поскольку упоминаются и конкретные города, и конкретные исторические фигуры, и конкретные события. Как пишет Д. С. Лихачев, «в сказках прошлое никак не определено в общем потоке истории, замкнуто и как бы воспроизводится в каждом новом исполнении сказки, благодаря чему усиливаются ее изобразительные, игровые стороны. Время же действия былин строго локализовано в этом прошлом – в условной эпохе русского прошлого, которую можно было бы назвать “эпической эпохой”... которая, однако, несмотря на всю свою условность, воспринимается как историческое время, “бывальщина”» [2]. В основном, в былинах это историческое время связано с двумя главными городами – Киевом и Новгородом. И Киев, и Новгород можно встретить в сказках, как основанных на былинах, так и самостоятельных, но и в том и в другом случае образы Киева и Новгорода продолжают и закрепляют традицию описания этих городов в былинах. Киев – «славный» стольный град, «сердце» Руси, ее религиозный, светский, культурный центр. Новгород же представлен как город торговый, богатый не только золотом, но и своими людьми, обладающими острым умом, цепкой хваткой и не чуждыми авантюризма. Присутствуют и в сказках, и в былинах и другие топонимы – и Муром, и Ростов, и, конечно, Москва, и, в более поздний период, Петербург, но мы не будем подробно останавливаться на топонимах, фокусируясь, главным образом, на ключевых характеристиках формирования образа города в сказках и былинах в целом.

Прежде всего, город в сказках и былинах – это модель мира. Этот мир организован, иерархичен, упорядочен. Сергей Домников в статье «Царь-город. Русский город в мифологическом пространстве» говорит, что эта упорядоченность заложена даже в самой формуле «тридевятое царство, тридесятое государство». Она «математически исчисленная, цифровым (рациональным) образом определенная» [1]. Поэтому это пространство, даже если оно «чужое», понятно и читаемо:

* Мария Алексеевна Калистратова, аспирант 2-го курса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

«В большинстве же случаев, независимо от расположения, подчеркивается, что иной мир мало отличается от мира этого: “Тогда он (*Богатырь Вечер.* – А. Л.) взошел в такое же царство, как и на земле; «<...> пошел Иван по тому свету и видит: свет такой же, как и *ихной*”» [3]. Предсказуемость и контроль города вступают в оппозицию с природными ландшафтами – чистым полем, дремучим лесом, синим морем. Эти ландшафты служат «междумирьями», они опасны, лишены логики и чужды человеческим укладам, и, самое главное, там может произойти все, что угодно, и люди над этим не властны.

Сказочное и былинное пространство не одномерно и, как минимум, биполярно. Всегда существует что-то «по сю сторону» и что-то «по ту сторону». У любого «своего» места всегда есть какие-то пределы, за которыми всё будет подчиняться другим законам. Мир делится на «свой» и «чужой», и города становятся репрезентаторами, маркерами «своего» и «чужого» миров. «Свои» города находятся на земле. Они знакомы, понятны и обжиты. Тогда как города «иного», «чужого» мира, даже если расположены на земле, всегда далекие и находятся в другой части света (например, индийский город Галич) и «понимаются как некая “далекая земля”» [3]. Но чаще они расположены вертикально «своему» миру, в мире верхнем или нижнем: на горе, в небе, под водой, под землей. Так, к примеру, города, которые построены на горе, являются отражением образа небесного мира. Чтобы добраться до такого города, герою нужно совершить ритуальное восхождение, чтобы обрести могущество [1]. И добраться до такого города оказывается жизненно важно и необходимо, поскольку всё то, что кажется чуждым и незнакомым, надлежит узнать, и герои воспринимают это как нечто новое и манящее. Многие исследователи объясняют это особенностью русского менталитета и русского мировоззрения в целом, «Широта земель, огромные просторы горизонта не вселяют в героев страх, а скорее манят и интригуют своей загадочностью. Преодоление ими сказочного пространства в некотором смысле созвучно с постоянным процессом освоения земель» [8]. Процесс «освоения земель», постижения чужого пространства является движущей силой сказки и былины.

Как пишет А. А. Суслов, «сам процесс развития сказочного сюжета можно рассматривать как бесконечное движение и расширение пространства: “Динамическая легкость сказки ведет к крайнему расширению ее художественного пространства”¹» [8]. Переход с места на место, пересечение границ «своего» и «чужого» являются для сказочного и былинного героя закономерными и необходимыми. Это передвижение и для былины, и для сказки воплощено через концепт «путь-дорога». Чтобы достичь цели, пространство необходимо пройти, «освоить», а иногда и вовсе завоевать, чтобы иметь возможность вернуться в свой мир, на свою родину, в свой город героем и победителем. Но важно отметить, что не пространство определяет путь, а, напротив, путь определяет пространство, делает его видимым и значимым: «вне пути нет дороги... дорога может быть проложена везде, где человеку путь» [4].

«Путь-дорога» является не только пространственным концептом, но и временным, поскольку перемещение в пространстве всегда имеет свою длительность. Оно может быть воплощено в конкретных цифрах (например, три дня и три ночи), неопределенным (долго ли, коротко ли) или одномоментным (сей же час, тотчас же). Но «путь-дорога» не существует без героя, что делает пространство и время, скорее, не объективными, существующими реально, физически, а субъективно переживаемыми, *ментальными*. Как пишет М. В. Осорина, «МП [ментальное пространство] является “относительным пространством”, по терминологии Лейбница. Построение такого пространства отражает динамическую картину устройства ми-

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 131.

ра» [6]. В. Д. Шинкаренко же называет пространство и время в сказке и былине «внутренними» и отмечает, что «элементы окружающего мира воспринимаются органами чувств как экологическая информация, которая состоит из знаков, в сознании же человека этим знакам придается смысл. Сами же эти знаки, обретшие во внутреннем времени смысл, являются внутренним пространством, и это пространство не обладает свойствами физического пространства, свойство внутреннего пространства – это наличие знаков, сопряженных с элементами окружающего мира, а внутреннее время придает этим знакам смысл. Смысл знака является тем временем, которое необходимо для внутреннего восприятия знака. У знака вне времени нет смысла, а у смысла вне пространства нет знака» [10]. В сказке и былине внутренне переживаются не только время и пространство, пройденное между точками пути героя, но и в самих этих точках, которые воплощены городами, поскольку сами города также имеют собственную архитеконику.

Каждый город имеет свой центр, в котором находится дворец. Как правило, его всегда видно издали, поскольку это важнейшее место в городе (и воплощение города как такового). Зачастую указывается и материал, из которого он сделан, – камень, олово, золото, хрусталь и т. д. («А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся» [7]). Дворец – не просто географический, административный, социальный центр города, это еще и сакральный центр, это место, которое наделено особенной силой и мощью, это дом владыки, место, где решаются человеческие судьбы, где могут жить диковинные существа, а также томиться в заточении женщины, ждущие своего спасения. Дворец представляет весь город, все царство в целом, и все основное действие, связанное с городом, происходит именно в нем.

У каждого города есть и своя периферия, заканчивающаяся высокой стеной, которая хранит город от непрошенных гостей, позволяет увидеть их задолго до их появления и подготовиться к их визиту. Городская стена – символ безопасности и надежности, но также и символ границы, предела, «городская стена отделяла свой мир, освоенный человеком и превращенный в пространство культуры и цивилизации, от мира чужого, дикого, неосвоенного. Это разделение космоса от хаоса, оформленной тверди от стихии бесформенных вод» [1].

Частью стены являются ворота, через которые можно покинуть город или войти в него. Благодаря воротам можно надежно защитить город или же заточить кого-либо в городе с помощью засовов, замков и, конечно, магии. Ворота и ограды охраняют не только города, но и отдельные жилища, обозначая границы, за которые порой не стоит переходить. Ворота – дверь в какой-либо мир, в который нужно получить допуск. Иногда герою символически преподносят «ключи от города» в знак благодарности и как приглашение открыть дверь в другое пространство. «А мужички черниговские смотрят с крепостной стены. Смотрят и видят: стал на их сторону неведомый богатырь и разогнал войска басурманские. Открыли они ворота, подносят богатырю ключи города Чернигова на золотом блюде. “Владей, мол, нашим городом. Что полюбится, то и бери”» [9]. Но также покинуть город или войти в него через ворота на сказочном и былинном языке значит показаться, стать видимым, поэтому, желая действовать скрытно, герои игнорируют «традиционные» пути, что, как пишет С. Неклюдов, «несколько напоминает использование нерегламентированного входа/выхода потусторонними существами» [5].

Таким образом, в сказках и былинах город представляет собой модель мира, реального или фантастического, формирует оппозицию город – природа, имеет свой центр с сакральным местом – дворцом и периферию, опоясанную городской стеной с городскими воротами, которые служат дверью в иной мир, будь то выход

из родного города или вход в чужой. А также родной город, родное место, как правило, отправная точка пути, во время которого происходит освоение другого мира, необходимое как для личного совершенствования героя, так и нередко для того, чтобы родной город защитить.

Литература

1. Домников С. Царь-город. Русский город в мифологическом пространстве [Электронный ресурс] // Символизм : портал. – URL: <http://www.symbolizm.ru/index.php/rus/187-tzargorod> (дата обращения: 09.11.2021).
2. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://ksana-k.narod.ru/Book/poet/index.htm> (дата обращения: 09.11.2021).
3. Лызлова А. С. Изображение иного мира в русских волшебных сказках о похищении женщины [Электронный ресурс] // Музей-заповедник Кижы : сайт. – 2011. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1348.html#note-id50078763> (дата обращения: 09.11.2021).
4. Неёлов Е. М. Путь-дорога [Электронный ресурс] // Неёлов Е. М. Волшебносказочные корни русской фантастики. – URL: <https://lit.wikireading.ru/44896> (дата обращения: 09.11.2021).
5. Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре [Электронный ресурс] // Ruthenia : сайт – URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.html> (дата обращения: 09.11.2021).
6. Осорина М. В. Ментальные пространства как психическая реальность [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, вып. 1. – С. 6–24. – URL: <https://psyjournal.spbu.ru/article/view/3570/3260> (дата обращения: 13.11.2021). – DOI 10.21638/11701/spbu16.2017.101.
7. Сказка-былина про Илью Муромца // Быль и небыль / сост. Т. Г. Габбе. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1992.
8. Суслов А. А. Особенности восприятия пространства в русской сказке [Электронный ресурс] // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319, № 6. – С. 102–106. – URL: http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/4041/1/bulletin_tpu-2011-319-6-22.pdf (дата обращения: 10.11.2021).
9. Три царства – медное, серебряное и золотое [Электронный ресурс] // Сказки : сайт. – URL: <http://ru-skazki.ru/three-kingdoms-1&p2.html> (дата обращения: 14.11.2021).
10. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. – М. : КомКнига, 2005. – 208 с.

Maria Alexeevna Kalistratova,

second-year postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Epic and Fairytale Cities: Space and Architectonics

Abstract. Space in Russian fairytales and byliny is perceived in a certain way: it forms a row of binary oppositions and couldn't be thought of without the action. City in fairytales in epics is represented as a particular type of space, having its features, functions, symbols and meanings.

Keywords: city; epic and fairytale cities; space; city structure; city walls; gates, movement in space

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Права человека и устойчивое развитие (по итогам Международной научно-практической конференции)

18 октября 2021 года состоялась Международная научно-практическая конференция «Права человека и устойчивое развитие», организаторами которой выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), Свердловское региональное отделение РАПН. Конференции по правам человека, проводимые в рамках Международного форума «Юридическая неделя на Урале» (основным организатором которой является Свердловское региональное отделение Ассоциации юристов России), стали традиционными с 2015 года и ежегодно объединяют в качестве участников теоретиков и практиков, студентов и преподавателей, российских и международных экспертов по правам человека. Конференции 2020 и 2021 годов состоялись в онлайн-формате.

В конференции 18 октября 2021 года приняли участие представители разных стран (Россия, Словакия, Австрия, Франция), различных регионов и городов России (Екатеринбург, Калининград, Марий Эл и др.), в целом, более 90 участников.

Модераторами пленарного заседания и дискуссии, обмена мнениями выступили декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, завкафедрой публичного права Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция) А. П. Семитко и завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, доктор политических наук, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция), председатель Свердловского отделения РАПН С. И. Глушкова.

С докладом о роли правозащиты в развитии современной России выступила Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, член правления Европейского института омбудсмена **Т. Г. Мерзлякова**. Татьяна Георгиевна отметила в своем выступлении особую востребованность правозащиты в современном российском обществе и государстве, в том числе: при подготовке экспертных заключений, разработке предложений об изменениях и дополнениях в российском законодательстве, в проектной деятельности, в реальной правовой помощи, в благотворительной, волонтерской и добровольческой деятельности, при проведении общественного контроля, во взаимодействии с общественными наблюдательными комиссиями (ОНК) и многом другом. Оригинальной, значимой, важной тенденцией последних лет стало появление инноваций в правозащите, например развитие инклюзивного творчества, проведение арт-фестивалей, выставок, реализация других арт-проектов (общественная организация «Благое дело») и др. Наряду с многочисленными примерами интересных и значимых местных, региональных, всероссийских правозащитных проектов есть и тревожные проявления и тенденции, к которым можно отнести следующие: политиза-

* **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Василий Алексеевич Токарев, канд. юрид. наук, старший научный сотрудник АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

цию, криминализацию, имитацию правозащиты. Государство и общество не всегда бывают вместе в сфере правозащиты, но нужно стремиться к этому; и правозащита должна стать одной из важных частей гражданского общества.

С докладом на тему «**Права и свободы как ценность в практике Конституционного Суда РФ**» выступила заведующая кафедрой международного и европейского права, канд. юрид. наук, доцент **Е. В. Герасимова** (Юридический институт, Балтийский федеральный университет им. И. Канта). Она отметила, что международные стандарты определяют концепцию устойчивого развития как обеспечение такого развития, при котором удовлетворяются потребности нынешнего и будущего поколений при условии достижения экономического, социального прогресса и охраны окружающей среды. Реализация признанных на международном уровне ценностей – гражданских, экономических, социальных прав и свобод – находится в тесной взаимосвязи с защитой окружающей среды от климатических изменений.

Для успешного обеспечения концепции устойчивого развития необходимы не только защита всей совокупности прав и свобод на международном уровне, но и эффективная их реализация, охрана на национальном уровне, и в первую очередь в конституционных нормах. Одной из новелл Конституции РФ является закрепление в статье 75.1 положений, которые фактически воплощают цели устойчивого развития: конституционные ценности устойчивого экономического роста страны, экономическую, социальную солидарность, благосостояние граждан.

Особую роль для защиты конституционных ценностей в контексте устойчивого развития играют судебные институты, в частности, в силу специфики полномочий – поиска баланса между публичными и частными интересами при рассмотрении дел о проверке конституционности нормативных правовых актов – Конституционный Суд РФ. Правовой анализ практики Конституционного Суда РФ по данной категории дел позволяет сделать вывод о защите таких ценностей, как экологическая безопасность, здоровье граждан, достоинство человека, сохранение природы.

Спецификой правовых позиций Конституционного Суда РФ можно назвать комплексный подход к защите конституционно значимых ценностей: достоинство личности должно гарантироваться в делах о социальной защите в случае нарушения экологической безопасности, а публичная власть должна гарантировать минимизацию экологических рисков и нести конституционную ответственность за сохранение природы.

Законодательные пробелы и их роль в трансформации конституционных норм рассмотрела в своем докладе директор Института дополнительного образования Марийского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент **М. А. Мокосеева**. В рамках доклада она обратила внимание на природу законодательных пробелов, которая всегда была неоднозначной. Конституционный Суд РФ определяет пробельность регулирования как «формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов». Проанализировав опыт Конституционного Суда РФ, М. А. Мокосеева сделала вывод о необходимости изменения российского законодательства в части компетенции Конституционного Суда РФ.

В рамках доклада были представлены данные, характеризующие количество решений Конституционного Суда РФ, прямо или косвенно касающихся пробелов в законодательстве. Деятельность по преодолению пробелов не вызывает, по мнению автора, сомнения. Кроме того, исследование опыта Конституционного Суда РФ показывает, что количество предписаний о необходимости осуществления правового регулирования с каждым годом растет.

В целях обеспечения устойчивого конституционного развития нашего государства целесообразно, по мнению М. А. Мокосеевой, дополнить ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» специальными статьями, которые предоставляли бы гражданам право на обращение в Суд в случае отсутствия надлежащего правового регулирования (законодательного пробела). При этом новые нормы должны будут предоставлять право устанавливать собственное правовое регулирование Конституционным Судом до внесения изменений в соответствующие акты законодательными органами. Особо следует отметить, что правовое регулирование, осуществляемое Судом, должно носить подчеркнуто временный характер и касаться только тех правовых актов, принятие которых вытекает из текста Конституции РФ.

С докладом на тему «**Прокуратура России. 300 лет на защите прав человека**» выступили старший помощник прокурора Свердловской области старший советник юстиции **В. В. Гурышева** и начальник отдела по рассмотрению обращений и приему граждан прокуратуры Свердловской области старший советник юстиции **А. Л. Пачин**. Выступающие отметили, что в январе 2022 г. Прокуратура России отмечает свое 300-летие, она была учреждена 12 января 1722 г. Указом Петра I. Император поставил перед прокуратурой задачу «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония». История прокуратуры, как в зеркале, отражает непростой путь, который прошло наше Отечество, называемое в разные периоды Российской империей, Советским Союзом и, наконец, Российской Федерацией.

Органы прокурорского надзора на территории Свердловской области впервые появились в последней четверти XVIII в. Уже тогда одной из задач прокурора, помимо надзора за исполнением местными чиновниками Законов и Уставов и уголовного преследования, было разрешение жалоб и прошений граждан. В 1922 г., уже в Советской России, по существу восстановили модель прокуратуры петровского времени, а в 1936-м впервые в истории конституционного законодательства было введено понятие высшего надзора за точным исполнением законов. Причем эта прерогатива была отнесена к полномочиям только Прокурора Союза ССР.

После распада Советского Союза в Конституции РФ 1993 г. органы прокуратуры были обозначены структурно и функционально как самостоятельный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти. В Основном законе утвержден и последовательно проводится в жизнь приоритет надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Связь времен продолжается, и сегодня выдвигаются новые требования к прокурорам, ставятся более сложные задачи. Проводимые реформы, реализация национальных проектов требуют нового качества прокурорского надзора с тем, чтобы правозащитный и правоохранительный потенциал прокуратуры реально способствовал развитию правового государства.

Прокуратура Свердловской области является одной из крупнейших прокуратур России. 899 оперативных работников обеспечивают соблюдение законности на территории, превышающей площадь нескольких европейских государств. Например, благодаря прокурорскому вмешательству в регионе только в 1-м полугодии 2021 г. работодателями погашено 159 млн рублей долга по заработной плате, из аварийного жилья расселены и реализовали свои жилищные права 870 граждан, восстановлены права 214 обманутых дольщиков. Ведется активная работа по защите прав субъектов предпринимательской деятельности, в частности пресечено 67 незаконных проверок со стороны контролирующих органов.

За этот период в органы прокуратуры Свердловской области поступило свыше 58 тысяч обращений граждан, из них более 24 тысяч рассмотрено по существу, а около 19 тысяч обращений направлено в другие ведомства. По-прежнему, как и в прошлые годы, граждане обращаются за помощью именно в прокуратуру. И это само по себе говорит о высоком доверии со стороны населения. При этом, при рассмотрении обращений, нередко в адрес заявителя направляется ответ с разъяснением тех или иных норм права, механизма защиты нарушенного права. Органы прокуратуры активно ведут личный прием жителей региона. Принято свыше 10 тысяч граждан, которые получили квалифицированную юридическую помощь. В основном в ходе приема граждан обсуждаются вопросы, связанные с трудовым, жилищным, пенсионным законодательством, в сфере здравоохранения, ЖКХ, уголовно-правовые вопросы.

Тематические и выездные приемы проводятся не только непосредственно в зданиях прокуратур, это могут быть и социальные учреждения для временного и постоянного пребывания, местные администрации, сельские клубы и т. п. Подобные приемы нередко проводятся совместно с представителями органов власти контролирующих органов. За сухими цифрами стоят судьбы конкретных людей, примеры восстановления их нарушенных конституционных прав. Исторический опыт показывает, что меняются времена и эпохи, однако прокуратура всегда стояла и стоит на страже интересов государства и гражданина, законности и правопорядка.

С докладом **«Культурное наследие как источник прав и обязанностей граждан»** выступила **Ю. М. Бердюгина**, кандидат юридических наук, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, проректор по научно-проектной работе Уральского государственного архитектурно-художественного университета, член Общественного научно-методического совета при Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области.

В докладе были рассмотрены примеры отдельных прав и обязанностей граждан РФ, существующих в сфере сохранения объектов культурного наследия, и порядок их формирования. Так, принятие решения о наделении статусом объекта культурного наследия объекта, принадлежащего гражданину на праве собственности или праве пользования, приводит к ограничению прав гражданина, приобретению гражданином дополнительных обязанностей. Субъективизм экспертов, осуществлявших государственную историко-культурную экспертизу, отсутствие единых подходов к ситуациям, сложившимся в сфере сохранения объектов культурного наследия, не дает возможности сформировать прозрачные механизмы регулирования в данной сфере.

В целях совершенствования законодательства автором было предложено провести разграничения между статусом объектов культурного наследия разного вида, изменить организационную форму института государственной историко-культурной экспертизы, рассмотреть возможность передачи отдельных полномочий в области сохранения объектов культурного наследия с федерального на региональный уровень.

Кандидат юридических наук, доцент Гуманитарного университета **С. А. Денисов** выступил с докладом на тему **«Нарушение прав граждан как препятствие на пути устойчивого развития»**, рассмотрев проблемы, связанные с вредом для устойчивого развития общества, причиняемым нарушениями прав граждан на современном этапе. Авторитарный режим в той или иной стране приводит к массовой миграции людей в страны с демократическим режимом. Посягательства на права предпринимателей ведут к выводу капитала за рубеж и уменьшению количества желающих осуществлять предпринимательскую деятельность. Последствием устранения свободного рынка является монополизм в экономике.

В странах, где нет свободных выборов, не возникает слоя публичных политиков, способных выразить интересы разных групп общества и довести их до государственной бюрократии. Ограничение местного самоуправления и федерализма препятствует развитию мелкого и среднего предпринимательства. Любая страна не может нормально развиваться без упорядочения отношений с помощью правового государства.

М. А. Стальнова, адвокат Коллегии адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов», заместитель председателя Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты Свердловской области, выступила с докладом **«Соблюдение профессиональных прав адвокатов как фактор развития демократического общества»**. Она отметила, что отношение к адвокатуре является одним из индикаторов уровня правосознания в обществе, как обыденного, так и профессионального. От этого уровня зависит степень правовой защищенности граждан. Граждане не могут чувствовать себя защищенными, зная, что эта защита может пресекаться государством. Принцип справедливости при вынесении приговоров не может быть реализован без надлежащего обеспечения двух сторон в уголовном процессе: обвинения и защиты. Существование демократического общества невозможно без сильной адвокатуры.

В. А. Токарев, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж V, Париж XI, Париж XIII, докторант Университета Бордо (Франция), представил доклад на тему **«Основания и пределы ограничения конституционных прав и свобод в современных условиях»**. Так, он отметил, что проблема ограничения прав и свобод возникает одновременно с их провозглашением в первых конституционных актах. Как правило, дискуссии об основаниях и пределах ограничения сферы личной свободы ведутся в контексте противопоставления частного интереса и общего блага, на что обращали внимание еще русские правоведы и философы первой половины XX века. Однако начавшаяся почти два года назад пандемия не только актуализировала проблему поиска оптимальных и правомерных методов ограничения прав и свобод человека и гражданина, но и обусловила формирование новой модели постановки и решения данной проблемы. Указанную модель можно условно назвать «биополитикой эпохи цифровых технологий». В ее рамках классическое противопоставление частного и публичного интересов, находившее отражение в нормативных актах и судебных решениях, заменяется противопоставлением индивидуальных прав и свобод сохранению населения. При этом ключевую роль в новой модели рассуждений юристов и политиков об основаниях и пределах ограничения конституционных прав и свобод играет фактор контроля со стороны государства над поведением индивидов.

О возможности и даже неизбежности формирования такой модели предупреждали на заре постиндустриальной эпохи многие видные мыслители, среди которых отметим автора курса лекций в Коллеж де Франс «Рождение биополитики» (1978–1979) Мишеля Фуко. В своих лекциях он обращал особое внимание на пересечение политических и экономических интересов государства, порождающее неизвестные ранее практики заботы о здоровье населения. Примечательно, что необходимость осуществления государственной заботы о сохранении населения становится в современных условиях одним из основных аргументов инстанций, принимающих решения об ограничении ряда конституционных прав и свобод или рассматривающих жалобы на их ограничения. Иными словами, сегодня ограничение прав и свобод, провозглашенных в основных законах, официально допускается не столько в интересах абстрактного общего блага, сколько ради более конкретного здоровья

населения. При этом как реальная возможность нарушения ограничений отдельными лицами или целыми группами, так и нестабильность санитарно-эпидемиологической ситуации, из-за которой данные ограничения устанавливаются, выдвигают на первый план фактор тотального контроля. Контролируется, т. е. проверяется, отслеживается, высчитывается, практически любое явление, процесс, событие. Поэтому еще одним аргументом в пользу ограничения прав и свобод становится ссылка законодателей и правоприменителей на статистические показатели. Соответственно, происходит цифровизация биополитики в смысле использования новых технологий контроля над индивидами и обработки данных об их состоянии и поведении.

Вместе с тем пандемия является, по сути, чрезвычайной ситуацией, допускающей временное отступление от нормального порядка ради его восстановления. По крайней мере, так рассуждал немецкий юрист прошлого столетия Карл Шмитт. Сегодня его концепция оказывается востребованной, когда возникает необходимость в оправдании *post factum* введения ограничительных мер органами государственной власти и должностными лицами разных уровней. Иными словами, ограничения прав и свобод, закрепленных в основных законах, могут оцениваться органами конституционного контроля как правомерные, если они вводились в период экстраординарной ситуации. Более того, поскольку эта ситуация допускает пренебрежение формальностями, введение особого режима, предусмотренного законодательством для подобных случаев, становится факультативным.

Таким образом, формирующаяся в современных условиях модель осмысления природы ограничений конституционных прав и свобод, интегрирует в себе, по меньшей мере, две концепции – биополитики (Мишель Фуко) и чрезвычайной ситуации (Карл Шмитт). Общим для обеих концепций является тезис о допустимости отступления от тех положений конституции, которые ориентируются на либеральную идеологию индивидуальной свободы. Между тем если концепция биополитики прямо провозглашает основным средством осуществления заботы государства о здоровье населения тотальный контроль, то концепция чрезвычайной ситуации специально оставляет вопрос о средствах восстановления нарушенного порядка открытым. Значит, всё самое интересное впереди.

М. Н. Семякин, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета, рассмотрел в своем одноименном докладе *проблемы обеспечения сочетания частных и публичных прав и законных интересов в условиях современных глобальных вызовов*. Он отметил, что действующее российское законодательство нуждается в ряде существенных изменений, дополнений и нововведений с учетом современных социальных вызовов, необходимости адекватного правового реагирования на них. Ограничения публичных прав человека при наличии конституционно значимых целей должны более тесно увязываться с проблемами обеспечения их пропорциональности и соразмерности, усиления охраны и защиты частных прав и законных интересов граждан в экстремальных условиях.

Также на конференции были представлены следующие доклады: **«Защита прав детей в вооруженных конфликтах»** (старший преподаватель теории и методологии правоведения юридического факультета Гуманитарного университета **А. Ю. Маракулин**), **«Значение правовой культуры для устойчивого развития»** (декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, завкафедрой публичного права Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция) **А. П. Семитко**), **«Развитие концепции прав человека в процессе реализации целей в области устойчи-**

вого развития (ЦУР ООН)» (завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, доктор политических наук, председатель Свердловского отделения РАПН **С. И. Глушкова**).

Наряду с пленарным заседанием на конференции состоялся активный обмен мнениями, интересная дискуссия по проблемам, связанным с тематикой форума. Полный текст видеозаписи конференции представлен на ютуб-канале и на сайте Гуманитарного университета. Ряд докладов получил свое продолжение в научных статьях авторов и опубликован в настоящем номере «Вестника Гуманитарного университета». Конференция успешно состоялась, а процесс обсуждения глобальной проблематики «права человека и устойчивое развитие» будет продолжен на научно-исследовательских и теоретических семинарах на юридическом факультете Гуманитарного университета, на новых региональных, всероссийских и международных форумах и дискуссиях.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Head of Human Rights Chair, Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Vasilii Alekseevich Tokarev,

Cand. Sci. (Law), senior research fellow at Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

**Human Rights and Sustainable Development (A Follow-Up
to the International Scientific and Practical Conference)**

С. И. Глушкова, А. Ю. Маракулин,
С. В. Токмянина, О. С. Уколова*

О реализации Концепции преподавания обществознания в Свердловской области (по итогам региональной конференции)

26 октября 2021 года состоялась региональная научно-практическая конференция «Реализация Концепции преподавания обществознания в Свердловской области: первые итоги и перспективы», организованная Институтом развития образования Свердловской области (далее – ИРО).

Концепция преподавания учебного предмета «Обществознание» была утверждена на заседании Коллегии Министерства просвещения РФ 24 декабря 2018 года. В 2019 г. был утвержден федеральный план реализации Концепции на 2020–2024 годы, в 2020 году – региональный план реализации Концепции на 2020–2024 годы.

Концепция преподавания обществознания – это стратегический документ, определяющий современное видение учебного предмета «Обществознание»; проблемы, требующие решения и перспективы развития учебного предмета.

Одно из основных положений Концепции – положение о необходимости обновления содержания и методики преподавания обществознания, внедрения современных технологий обучения. В Концепции отражены внимание к развитию средств обучения, необходимость использования цифровых образовательных ресурсов.

На современном этапе одной из приоритетных задач государственной политики в сфере образования является формирование единого образовательного пространства в РФ. К настоящему времени сделан ряд шагов по согласованию содержания нормативных правовых и программно-методических документов, регламентирующих преподавание обществознания. В мае 2021 г. утвержден обновленный ФГОС ООО, в котором детализированы требования к личностным, метапредметным и предметным результатам освоения образовательных программ основного общего образования. С учетом ФГОС ООО и Концепции преподавания учебного предмета «Обществознание» подготовлена примерная рабочая программа основного общего образования по предмету «Обществознание».

На пленарном заседании с приветственным словом выступила ректор Института развития образования **С. Ю. Тренихина**, которая отметила следующее: конференция предоставляет учителям обществознания возможность обменяться опытом, представить имеющиеся практики проведения учебных занятий и вывести преподавание и изучение обществознания в образовательных организациях Свердловской области на новый уровень.

В выступлении заведующего кафедрой общественно-научных дисциплин ИРО **С. В. Токмяниной** освещалась проблема формирования функциональной грамот-

* **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Александр Юрьевич Маракулин, ст. преподаватель юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Светлана Витальевна Токмянина, канд. ист. наук, завкафедрой общественно-научных дисциплин, Институт развития образования Свердловской области (г. Екатеринбург).

Ольга Сергеевна Уколова, канд. ист. наук, доцент кафедры общественно-научных дисциплин, Институт развития образования Свердловской области (г. Екатеринбург).

ности – одного из ключевых направлений реализации Концепции преподавания обществознания.

Концепция носит практико-ориентированный характер. Так, в ее тексте подчеркивается, что на современном этапе важно не только научить обучающихся теоретическим знаниям, но и создать условия для их практического применения, решения разнообразных жизненных задач.

Поэтому актуален вопрос о формировании функциональной грамотности как ключевом направлении реализации Концепции преподавания обществознания. Требование формирования функциональной грамотности также отражено во ФГОС ООО (в соответствии с целевыми установками, ожидаемыми результатами и условиями реализации программы основного общего образования).

Доцент кафедры общественно-научных дисциплин **О. С. Уколова** рассказала об интерактивных технологиях изучения обществознания в школе. Именно эти технологии, предполагающие постоянное взаимодействие учеников друг с другом и с учителем, обеспечивают наибольшую вовлеченность детей в процесс обучения, а значит, повышают качество обществоведческого образования. Кейс-практикумы, деловые игры, опора на социальный опыт школьников, социальное проектирование обеспечивают практикоориентированность школьного курса обществознания.

Е. В. Мельникова, кандидат философских наук, доцент Уральского федерального университета, обратила внимание аудитории на то, что в Концепции уделяется большое внимание вопросам углубленного изучения и преподавания обществознания. Для более глубокого понимания учащимися 10–11-х классов особенностей общественного развития России, ее социально-политических традиций и ценностей отдельный раздел курса обществознания будет посвящен освоению наследия отечественных классиков социальной философии и общественной мысли. Тексты русских философов зачастую очень трудны для понимания. Поэтому очень важно правильно подбирать тексты для работы со школьниками. **Е. В. Мельникова** рассказала, какой литературой можно пользоваться для подготовки уроков по этой тематике, на каких авторов обратить внимание для раскрытия дискуссионных тем обществознания.

В рамках секции № 1 обсуждались вопросы обновления содержания учебного предмета «Обществознание» в соответствии с Концепцией.

В выступлении **Е. В. Царегородцевой**, учителя истории и обществознания СОШ № 16 г. Полевского, рассматривались особенности преподавания раздела «Экономика» в рамках учебного предмета «Обществознание» в 8-м классе. Были затронуты также вопросы формирования у обучающихся финансовой грамотности как одного из ключевых направлений функциональной грамотности.

Несколько выступлений было посвящено актуальным вопросам преподавания основ права в курсе обществознания. Так, в выступлении **А. Ю. Маракулина**, старшего преподавателя Гуманитарного университета, были представлены рекомендации по преподаванию раздела «Право» для 7-х классов в рамках учебного предмета «Обществознание».

Важно обратить внимание в связи с этим на многолетний опыт успешного сотрудничества профессорско-преподавательского состава юридического факультета Гуманитарного университета и Института развития образования Свердловской области. Среди направлений такого многолетнего сотрудничества можно назвать следующие: организацию и проведение олимпиад (муниципальный и региональный этапы Всероссийской олимпиады школьников по праву, Школы подготовки призеров к заключительному этапу олимпиады по праву, совместно со Дворцом молодежи, при поддержке Министерства образования и молодежной политики Свердловской области; с 2021 года – совместно с Фондом Свердловской области

«Золотое сечение»), семинаров и практикумов (в том числе онлайн) для учителей, участие преподавателей юридического факультета в жюри очного и заочного этапов областных научно-практических конференций (НПК) школьников, участие преподавателей ИРО в Алексеевских Летних юридических школах (которые Гуманитарный университет проводит с 2010 года совместно с Уполномоченным по правам человека в Свердловской области (далее – УПЧ в СО) и Ассоциацией преподавателей права Свердловской области (далее – Ассоциация)) и многое другое.

В связи с вопросами преподавания права в курсе обществознания надо отметить, что программа правового просвещения и образования в области прав человека, которая реализуется Гуманитарным университетом совместно с УПЧ в СО и Ассоциацией в Свердловской области с 2005 года по настоящее время для школьников и учителей, на общественных началах, уже на протяжении 15 лет, включает в себя развитие интереса к праву и правам человека, правовой культуры детей, молодежи, педагогов. Среди направлений данной программы можно назвать следующие: конкурсы и олимпиады по праву и правам человека, Алексеевские Осенние и Весенние юридические школы для старшеклассников, Алексеевские Летние юридические школы для учителей, практикумы для учителей, международные научно-практические конференции по правам человека и региональные педагогические научно-практические конференции, педагогические форумы, международные и межрегиональные семинары по правам человека и др. Почти 1,5 тысячи школьников и более 1 тысячи учителей приняли участие в мероприятиях, которые были организованы с 2005 года по настоящее время в рамках программы правового просвещения и образования детей, молодежи и учителей Свердловской области.

Постоянный участник данной просветительской и образовательной программы, старший преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета А. Ю. Маракулин отметил в своем выступлении на конференции следующее: важно обращать внимание на то, что право не является единым. Наблюдается своеобразный дуализм в праве, наличие парных категорий. Например, можно рассматривать международное право и внутригосударственное право, деление права на публичное право (присутствуют интересы общества в целом) и частное право (речь идет об интересах конкретного субъекта). Право подразделяется на материальное, которое определяет правила поведения в конкретных ситуациях, и процессуальное право, которое определяет порядок разрешения споров. И на эту двойственность необходимо обращать больше внимания в процессе преподавания. При рассмотрении восприятия школьниками явления права, надо учитывать, что в их понимании право, в большинстве случаев, воспринимается как связанное с государством. В качестве правовых норм в основном воспринимаются те ограничения, которые устанавливаются для нашего поведения, и те санкции, которые применяются в отношении нарушителей. Но в реальной действительности каждый из нас в большей мере сталкивается с частным правом. И взаимоотношения с представителями государства, либо с исполнительными органами, либо с правоохранительными органами или с судебными органами не являются повседневностью обычного человека. Наша повседневная жизнь, по сути, протекает в сфере частного права. И поэтому понимание разделения права на публичное и частное необходимо.

Также А. Ю. Маракулин отметил, что при рассмотрении правового воздействия на нашу жизнь важно иметь в виду, что правовое регулирование – это целенаправленное воздействие на общественные отношения, в которых мы участвуем. И в результате правового воздействия эти общественные отношения (экономические, политические, образовательные и т. д.) получают правовую оболочку; отношения политического или экономического характера через правовое воздей-

ствие начинают выражаться в наших взаимных правах и обязанностях. При рассмотрении общественных отношений как предмета правового регулирования важно помнить о двойственности, так как общественные отношения могут строиться на разных основах. Либо это основы равенства участников отношений, то, что характерно для частного права (гражданского, семейного, в меньшей степени для трудового права, поскольку на стадии заключения трудового договора стороны равны, а вот после заключения трудового договора работник уже оказывается в подчиненном положении по отношению к работодателю). И следовательно, вторая группа общественных отношений – это отношения, основанные на власти и подчинении, там, где одна сторона явно сильнее другой и вторая вынуждена подчиняться воле противоположной стороны. На это обстоятельство – отношения, основанные на равенстве, и отношения, основанные на неравенстве, – также необходимо обратить внимание в процессе преподавания права в курсе обществознания.

Также А. Ю. Маракулин отметил, что при рассмотрении правового регулирования следует учитывать, что право не является универсальным, единственным регулятором, так как наряду с правом существуют и иные социальные регуляторы: мораль, религия, эстетика, ритуалы, обычаи и т. д. И у правового регулирования есть свои объективные пределы, например оно не распространяется на естественные процессы. Нельзя поменять природу с помощью правовых законов. Слово «закон» используется и в естественных науках, и в гуманитарных науках, но это разные законы. Невозможно регулировать мыслительные процессы, поскольку проверить, что думает человек, на самом деле невозможно. Только религия, наверное, делает попытки взять под контроль мысли человека. И если рассмотреть текст десяти заповедей, то можно увидеть, что некоторые заповеди носят и правовой, и религиозный характер. Например, «не укради» – это и религиозная норма, и юридическая норма. А вот «не пожелай добра ближнего своего», то есть не завидуй, не претендуй на чужое – это исключительно религиозная заповедь, и право на себя такую функцию не берет. Поэтому не все отношения поддаются прямому регулированию. Но бывает и так, что, даже осознав необходимость регулирования, мы не способны создать адекватные юридические конструкции. Всем известно, что Интернет – это инструмент, которым пользуется большинство населения планеты. Многие говорят о том, что необходимо установить определенные правила поведения в Интернете, но как это сделать, пока никто четко не представляет. То есть пока не создано адекватных правовых конструкций во всех сферах жизнедеятельности человека, общества, государства. Мы пытаемся пользоваться рядом старых конструкций, но они пока не в полной мере отражают инновации, нововведения, которые связаны с использованием этого инструмента.

Ю. В. Казанцева, учитель истории и обществознания МАОУ Гимназия № 37 (г. Екатеринбург), остановилась на вопросах организации профильного правового образования в старшей школе. В. А. Широкий, учитель истории и обществознания ЧОУ «Гимназия 212 «Екатеринбург-Париж», выступил с сообщением «Обновление содержания учебного предмета “Обществознание” в связи с принятием поправок к Конституции РФ».

Выступление **Н. П. Карманович**, заместителя директора и учителя истории и обществознания МАОУ СОШ № 20 г. Серова, было посвящено вопросам развития читательской грамотности в процессе изучения учебного предмета «Обществознание». Формирование у обучающихся читательской грамотности – одной из важнейших составляющих функциональной грамотности – очень актуально на современном этапе, когда любому человеку приходится решать множество личных, социальных и профессиональных задач, опосредованных текстами.

Вопросы преподавания основ финансовой грамотности в рамках учебного предмета «Обществознание» освещались в выступлении **Л. А. Ищук**, учителя истории и обществознания МБОУ СОШ № 18 г. Екатеринбурга.

В рамках секции № 2 был представлен опыт применения новых методических подходов к преподаванию учебного предмета «Обществознание» в соответствии с Концепцией.

В выступлениях **К. В. Авдашкиной** из г. Первоуральска, **О. И. Брыжахина** и **И. А. Зориной** из г. Екатеринбурга рассматривались вопросы использования цифровых образовательных технологий – не только в условиях дистанционного, но прежде всего традиционного и смешанного обучения. Были представлены конкретные методики использования обучающего потенциала социальных сетей, применения сервисов «SkySmart» (ныне «SmartClass») и «Kahoot».

Выступление директора ИППК УГИ УрФУ **Е. С. Черепановой** было связано с возможностями сотрудничества школьников с УрФУ как в исследовательской работе, так и в плане профориентации. Она рассказала об опыте проведения ежегодной НПК школьников и студентов СПО по обществознанию, о проекте «Школа успешного абитуриента».

Е. О. Ватолкина из г. Каменска-Уральского в своем выступлении подняла важную тему воспитания средствами обществознания и роли учителя в этом процессе. **Г. Н. Семёнова** из п. Висим представила результативную систему работы со школьниками (не только городскими, но и сельскими) по подготовке к олимпиадам и конкурсам по обществознанию, которую разработала сама и успешно внедряет.

Наконец, сообщение **А. А. Шерер**, старшего преподавателя кафедры общественно-научных дисциплин ГАОУ ДПО СО «ИРО», было посвящено применению геймификации в школьном курсе обществознания. Геймификация, как было отмечено в выступлении, может быть системно реализована в процессе изучения обществознания, что повысит мотивацию школьников к изучению этого предмета, их вовлеченность в учебный процесс. Совместно с **А. О. Ждановым**, членом клуба «Новоуральский краевед», А. А. Шерер реализует систему обучения в игре, которая в 2021 году была удостоена призового места на Всероссийском конкурсе краеведов, работающих с молодежью, организованном Российским историческим обществом.

Все выступления вызвали оживленное обсуждение, что свидетельствует об актуальности тематики секций и конференции в целом. Это позволяет утверждать, что в ходе конференции была проделана плодотворная работа по обмену опытом преподавания курса обществознания в условиях внедрения Концепции преподавания обществознания в общеобразовательных организациях Российской Федерации.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Head of Human Rights Chair,
Professor, Liberal Arts University – University
for Humanities (Yekaterinburg)

Alexander Yurievich Marakulin,

Senior Lecturer of the Faculty of Law,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Yekaterinburg)

Svetlana Vitalievna Tokmyanina,

Cand. Sci. (History), Head of Social and Science Disciplines chair,
Institute of Education Development in the Sverdlovsk region
(Yekaterinburg)

Olga Sergeevna Ukolova,

Cand. Sci. (History), Assoc. Professor at Social and
Science Disciplines chair, Institute of Education Development
in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

**On Implementing the Concept of Social Science Teaching
in the Sverdlovsk Region (based on the results of the regional conference)**

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки поштатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]); список литературы (в алфавитном порядке) – в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- На русском и английском языках приводятся:
 - название статьи;
 - сведения об авторах:
фамилия, имя, отчество *полностью*;
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – *полное название организации*;
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - аннотация (150–250 слов);
 - ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

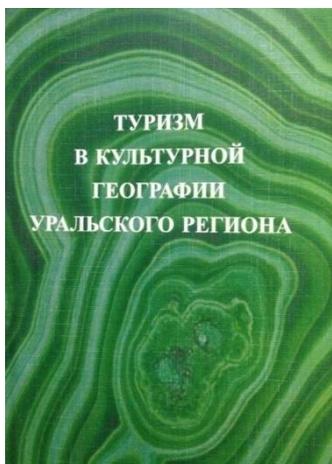
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 305-50-71.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утраченный рай, но понятий по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

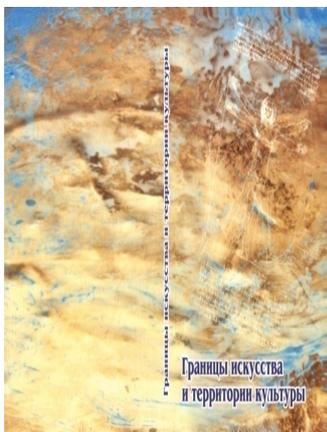

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебным заведениям, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

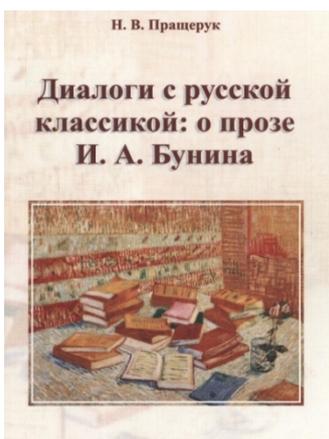
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

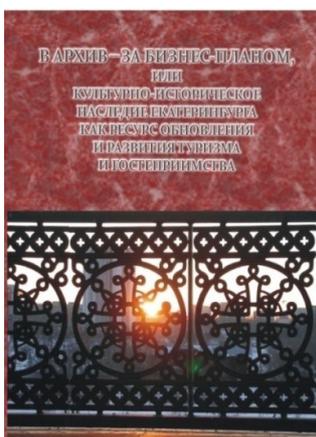
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философско-коммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

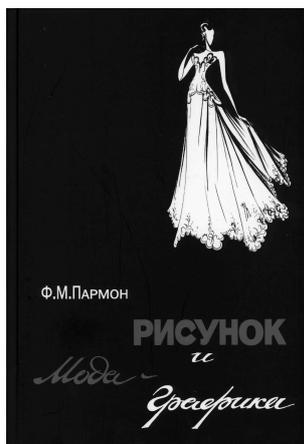

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаловедом, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2022/2023 год
проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика (Управленческая экономика и стратегия бизнеса,
Финансы и кредит (38.04.01))**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:
2 года на очной форме;
2,6 года на очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2022/2023 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очная форма – 9 мест
- **Экономика:**
профиль Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)
профиль Финансы и кредит (38.04.01)
очная форма – 4 места

Прием документов

(паспорт, документ о высшем образовании, СНИЛС (при наличии))
проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 16 августа 2022 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 26 августа 2022 года
- очно-заочная и заочная форма – с 1 июня по 25 октября 2022 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
компьютерное тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

Прием в аспирантуру Гуманитарного университета в 2021/2022 учебном году ведется по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

*Подготовка аспирантов осуществляется
на платной основе*

Прием документов

(паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

- очная форма – с 1 июня по 17 сентября 2021 года;
- заочная форма – с 1 июня по 19 октября 2021 года

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):

- очная форма – 20–22 сентября 2021 года
(23 сентября – резервный день);
- заочная форма – 20–22 сентября 2021 года,
20–22 октября 2021 года (23 октября – резервный день)

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3, к. 111а,
тел.: (343) 305-50-74

Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2021. № 4 (35)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет Ю. Л. Ракульцева

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 14.12.2021.
Дата выхода в свет 27.12.2021.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,93. Усл. печ. л. 15,81
Тираж 100 экз. Заказ № 479

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
620089, г. Екатеринбург,
ул. Луганская, 59/4